
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, чшо бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для досшавленія куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Ноября 3 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. № XIX.

БЫТІЕ БОЖІЕ *).

Небо.

Нѣшь нужды въ новыхъ изысканіяхъ и прудныхъ умозрѣніяхъ для познанія Божіяго бытія. Возведемъ полько взоръ

*) Сіи шпроки, принадлежащія къ Естествошвенному и Нравшвенному Богословію, изображающъ чувшвованія и душевный вошпоргъ швармъ, познающей Творца своего, Виновника сущесшвъ видимыхъ и невидимыхъ. Такъ! великій міръ сосшавляешъ неоспоримое доказательсшво Божіяго бытія; но и малый міръ — человекъ — вмѣщяя въ себѣ чудеса міра великаго, и будучи близкимъ подобіемъ онаго, ешъ шакже зеркало Божіей благосши, премудросши и всемогущесшва. Почему какого досшойны вниманія оба сіи міра! И сколь благополученъ въ жизни врѣменной и вѣчной шощъ, кшо всегда созерцаешъ оные ясными умшшвенными очами!! *Перев.*

нашъ и мысленно вознесемъся въ высоту; и мы увидимъ шамъ неизмѣримыя небеса, дѣло рукъ Премудраго Зиждителя; огромныя свѣтила, вращающіяся надъ нашими главами споль правильно и споль величественно; между оными свѣтилми увидимъ шаръ земной, едва примѣтный нашему взору. Какое великолѣпие! Кто сказалъ солнцу: *изыди изъ ничтожества и будь свѣтиломъ дня* — и лунѣ: *явись и будь свѣтиломъ ноци*? Кто далъ бышье и названіе сему множеству звѣздъ, украшающихъ съ шолкимъ блескомъ небесную швердь; сихъ неизмѣримыхъ солнцевъ, соединенныхъ съ другими мірами и озаряющихъ оныя? Какой Всемогущій Художникъ могъ произвестъ сии чудеса, предъ копорыми вся кичливість ума человеческого мянешся, помрачаешся, исчезаешъ? Кто, какъ не верховный Творецъ вселенной, могъ дать имъ бышье? Могли ли сами они, какимъ либо случаемъ выдши изъ нѣдръ ничтожества?

Нечестивый можешъ ли предашься шолкому опчаянію; что бы существо, необладающему верховною властью, приписывашъ сии чудеса, дерзая опнимашъ

силу у Создателя всемогущаго, сотворшаго вся? Народы самые грубые и непро-
свѣщенные понимаютъ языкъ Небесъ.
Богъ поставилъ оныя надъ нашими гла-
вами, какъ проповѣдниковъ; непрестанно
возвѣщающихъ вселенной Его величіе.
Величественное молчаніе свѣшилъ небес-
ныхъ говоритъ языкомъ всѣхъ народовъ.
Сей голосъ слышенъ повсюду, гдѣ поль-
ко земля пишашъ ея жипелей. — Если
бы кто пропекъ до самыхъ отдаленныхъ
и необитаемыхъ предѣловъ земнаго шара;
то не обрѣлъ бы никакого мѣста, сокры-
таго отъ людей, которое бы утаилось
отъ сего блистательнаго могущества,
сіяющаго надъ нами въ свѣтзарныхъ ша-
рахъ, украшающихъ Небо. Въ сей книгѣ
Богъ открывашъ людямъ бытіе Свое. Въ
ней первоначально увидѣли они Его без-
предѣльные совершенства; и, созерцая
сіи великіе предметы, поражены были
удивленіемъ, благоговѣйнымъ страхомъ,
и повергаясь на землю, поклонялись Твор-
цу міровъ. Удивительное спроеніе небесъ
и вселенной научило ихъ обязанностямъ
къ Верховному Существу. Они оставили
дѣшамъ своимъ споль естественное и

чисное вѣроисповѣданіе. Но сей драгоцѣнный залогъ послѣ повредился. Удивляясь красотѣ и величію дѣлъ Божіихъ, люди спали богошворить вещи бездушныя. — Звѣзды, возвѣщавшія покмо земнороднымъ славу Творца, содѣлались ихъ божествами. Безумные! они молились и пеклялись солнцу, лунѣ и другимъ небеснымъ силамъ, копорыя не слышали ихъ моливъ, не принимали поклоненій. Красота сихъ швореній заспавила людей забыть обязанноспи къ даровавшему имъ бышіе!

Земля.

Кшо повѣсилъ въ воздухѣ проспранный шаръ земный? Кшо положилъ оному основаніе? Сія земля, повидимому, презрѣна. Самый несчастный попираепъ оную своими ногами; но впрочемъ жершвуепъ всѣми своими сокровищами для обладанія оною. Если бы земля была пверже; человекъ не могъ бы разверзашъ нѣдръ ея и удобряпъ оную; если бы она была менѣ пвердою, не могла бы носить его: человекъ всюду погружался бы въ ней, подобно какъ погружаепся въ песокъ, или

пинѣ. Изъ неизчерпаемаго лона земли исходитъ все, что ни естъ драгоцѣннаго.

Сія безобразная, грубая и попираемая ногами громада, принимаетъ многообразныя виды; одна даетъ намъ попеременно всѣ пребуемая опъ нее блага. Сіе опшрашишельное брerie перемѣняется въ безчисленныя, прелесныя для глазъ предметы. Въ одинъ годъ земля дѣлается вѣшьями, опроспками, лиспьями, цвѣтами, плодами и сѣменами и возобновляетъ свою щедрость для своихъ обитателей. Ничто не истощаетъ ея лона. Чемъ болѣе раздраютъ ея внутренность; темъ щедрѣе становится она. После споль многихъ вѣковъ, въ продолженіи кошорыхъ все выходитъ изъ земли, она нимало не оскудѣла. Земля никогда не спарѣется. Ея упроба наполнена и нынѣ одними и тѣми же сокровищами. Безчисленныя произведенія снова входятъ въ нѣдра ея. Все спарѣется, исключая ее самой; она ежегодно возобновляетъ юность свою съ наспушленіемъ весны. Земля никогда не бываетъ недоспапочною для людей; но люди несмысленныя бываютъ причиною ихъ собспвенныхъ недоспашковъ.

Нерадѣніемъ и беспорядочными поступками они попускають произрастать тернію и плевеламъ вмѣсто винограда и плодовъ. Люди спорящъ о добрѣ, копорое добровольно теряють. Завоеватели оставляютъ безъ удобренія землю, для овладѣнія которой погубляли тысячу себѣ подобныхъ и проводжали жизнь свою въ шрудахъ тягоспныхъ. Люди предъ глазами своими имѣють неизмѣримыя земли — и пустыя и неудобренныя; а разоряють родъ человѣческій за частицу сей земли, оставляемой послѣ въ небреженіи. Если бы земля была хорошо удобряема; то лишала бы спокрапно болѣе людей, нежели лишаесть нынѣ. Самая неровность земли, почишаемая недоспащкомъ, обращается въ украшеніе и приносишь пользу. Горы возвышаются и долины просшираются на мѣспѣ, назначенномъ имъ опъ Творца. Сіи многоразличныя земли, смопря по разному ихъ направленію къ солнцу, доставляютъ особенныя выгоды. Глубокія долины, украшенныя зеленою правкою, лишають многія спада. Близъ нихъ усмапривающся просширанныя поля, покрытыя богатыми

жапвами. Здѣсь скапы горъ возвышающ- ся, подобно амфитеатру и вѣнчающя виноградомъ и плодоносными деревьями; а шамъ высокія горы возносятъ до облаковъ покрытое льдомъ чело свое; и текущія съ нихъ ручьи образуютъ источники рѣкъ. Скалы утесистыя вершинами своими поддерживаютъ горы, подобно какъ кости человеческого тѣла сославляютъ крѣпость онаго. Сіе многообразіе слу- житъ прелестію полей. Между шемъ зем- ля удовлетворяетъ разнымъ нуждамъ на- родовъ. Нѣтъ столь неблагоприятной земли, копорая бы не приносила стѣричаго плода.

Вода.

Посмотримъ теперь, что называютъ водою. Вода есть тѣло жидкое, свѣтлое и прозрачное. Съ одной стороны течетъ, уходитъ, скрывается; а съ другой прини- маетъ всѣ виды тѣлъ, окружающихъ оную, не имѣя никакого собственнаго вида. Если бы вода была жиже; то сдѣлалась бы нѣ- копорого рода воздухомъ; и вся поверх- ность земли была бы сухою и бесплод- ною. На ней обитали бы однѣ только

лещающія живошныя; другаго родя живошныя не могли бы плавать; никакая рыба не могла бы жить въ ней и не было бы никакого сообщенія посредствомъ мореплаванія. Чья рука, ушощивъ воздухъ, огустила воду и различила споль искусно сии два жидкя шъла? Если бы вода была жиже: то не могла бы поддерживать сихъ огромныхъ, плавающихъ зданій, называемыхъ кораблями — и легкя шъла вдругъ погружались бы во глубину ея. Кшо избралъ споль правильное изображеніе часней и споль почную спепень движенія, чшо вода сдълалась жидкою, текучею, удобно уходящею, немогущею спояшь на одномъ мѣстѣ, споль сильною къ ношенію шъль и споль спремешельно уносящею шъла шяжкя и огромныя?

Вода покорна. Человѣкъ ведетъ оную, подобно всаднику, ведущему своего коня по вершинамъ горъ. Онъ раздѣляетъ ее по произволенію, подымаетъ на ушесы, заставляетъ ее низвергаться водопадами, которые возвышаютъ ее сполько, сколько она понижается. Но человѣкъ, управляющій водами съ шякою власшю, самъ бываетъ управляемъ оними. Вода естъ

одна изъ величайшихъ движущихъ силъ, какую только можетъ человекъ употребить для дополненія недоспашковъ, по причинѣ малоси и слабоси своего плѣла, въ необходимыхъ искусствахъ. Впрочемъ сіи воды, кои несмотрѣ на ихъ жидкость, сумѣ тяжелыя громады, не могутъ возвыситься надъ нашими головами и долгое время висѣть надъ ними. Видите ли облака, лешающія какъ бы на крыліяхъ вѣтровъ? Если бы они вдругъ упали въ видѣ великихъ сполновъ, водяныхъ и быстрыхъ, подобно пошокамъ: то бы пощипали и разрушили все на мѣстѣ ихъ паденія; оспальная же земля сдѣлалась бы бесплодною. Чья рука держитъ ихъ въ сихъ висящихъ хранилищахъ и не позволяеть имъ падать иначе, какъ только каплями, подобно какъ бы оныя пропускаемы были сквозь сосудъ? Опъ чего происходитъ, что въ шеплыхъ странахъ, въ копорыхъ никогда не бываетъ дожда, изобильная роса ночная замѣняетъ недоспашокъ дожда, и что въ другихъ земляхъ, подобныхъ берегамъ Нила, или Ганга, наводненіе рѣкъ, въ извѣстныя времена года, удовлетворяеть нуждамъ народовъ

орошая землю? Можно ли предсавить въ умѣ лучшіе способы для учиненія земли плодотворною.

Такимъ образомъ вода не только утоляетъ жажду чловѣка, но и бесплодныхъ полей. Даровавшій намъ сіе жидкое нѣло премудро раздѣлилъ оную на землѣ, подобно каналамъ, тщательнo проводимымъ въ саду. Воды падающъ съ высокихъ горъ, гдѣ утверждены ихъ хранилища; собирающъ въ видѣ великихъ испонниковъ, въ долинахъ; рѣки низвивающъ по обширнымъ полямъ, дабы лучше оросить ихъ; наконецъ низвергающъ въ море, дабы въ ономъ сосредоточить торговлю всѣхъ народовъ. Сей океанъ, поставленный среди земель какъ бы для того, дабы сдѣлалъ вѣчное раздѣленіе, есль напрошивъ мѣсто соединенія народовъ, которые не могли бы идти по сушѣ отъ одного конца міра къ другому иначе, какъ развѣ съ величайшимъ трудомъ и съ безчисленными опасностями. По сему пути, неимѣющему слѣдовъ чрезъ пропасти, старый свѣтъ подаетъ руку новому; а новый сообщаетъ старому сполько изобрѣшеній и богатства. Воды, раздѣлен-

ныя съ шолыкымъ искусствомъ, обращающа въ землѣ подобно шому, какъ кровь разливается въ челошеческомъ шлѣдѣ.

Но кромѣ сего всегдашнаго обращенія воды, еспѣ еще приливъ и опливъ морской. Не спанемъ изыскивать причинъ сего споль шайнспвеннаго явленія. Но кто повелѣлъ морю опшсупашъ и полѣ возвращашъ на свое мѣспо съ шолыкою правильностію? Болъшее, или меньшее движеніе сей жидкой громады разспроило бы всю природу. Болъшее движеніе въ водахъ возвыщающихся наводнило бы цѣлыя Государства. Кто назначилъ споль правильныя мѣры неизмѣримымъ шлѣдамъ? Кто могъ избѣгнушь излишества и недостапка? Чей перспѣ положилъ морю неподвижный предѣлъ, который оно должно сохранятьъ во всѣ вѣки, и сказалъ ему: *здѣсь цукрошай свирѣпыя твои волны.*

Но сіи шекучія воды дѣлающа ео время зимы швердыми, подобно скаламъ. Вершины высокыхъ горъ имѣющъ въ одно и шо же время льды и снѣги, которые соспаляющъ испочникъ рѣкъ, и напоая паспѣбища, дѣлающъ ихъ плодородными.

Здѣсь воды бывають шихи, дабы уто-
лять жажду челоуѣка; а шамь содержатъ
въ себѣ соль, копорая приправляетъ на-
шу пищу и дѣлаеть ее невредимою. Нако-
нецъ я вижу въ облакахъ, летающихъ
надъ нами, висящія моря, копорые упои-
чаютъ воздухъ, оспанавливають и про-
хлаждають солнечные лучи, орошаютъ
засыхающую землю. Чья рука повѣсила
надъ нашими головами сіи огромныя хра-
нилища водъ? Чья рука не позволяеть имъ
падать на землю въ излишесствѣ?

Воздухъ.

Прислупимъ къ разсмотрѣнію обшир-
нѣйшихъ шѣль. Видите ли, что называ-
ють воздукомъ? Оный естъ шѣло споль
чисное, споль тонкое и споль прозрач-
ное, что лучи звѣздъ, находящихся почти
въ безпредѣльномъ ошѣ насъ разспояніи,
проникая его, удобно и въ одно мгновеніе
ока озаряють предметы. Нѣсколько мень-
шая тонкость въ семь жидкомъ шѣлѣ
похишила бы у насъ день и оспавила бы
намъ себѣ мрачный и смѣщенный, по-
добный шому, когда воздухъ бываетъ на-
полненъ густымъ шуаномъ. Мы живемъ

погруженные въ пропасняхъ воздуха, подобно рыбамъ, погруженнымъ въ пропасняхъ воды. Если бы вода сдѣлалась болѣе тонкою, то обратилась бы въ воздухъ, погубляющій рыбу; а воздухъ лишилъ бы насъ дыханія, когда бы сдѣлался гуще и влажнѣе. Тогда мы погружались бы въ волны сего густаго воздуха, какъ земныя животноя погружаются въ море.

Кто очистишь сей воздухъ, которымъ мы дышемъ? Если бы онъ былъ гуще; то ошвялъ бы у насъ дыханіе; а если бы онъ былъ жиже, то не имѣлъ бы той приятности, которая доставляетъ челоѣку всегдашнюю внутреннюю пищу. Мы испытывали бы вездѣ, что испытываютъ живущіе на вершинахъ горъ, гдѣ тонкій воздухъ не доставляетъ ни довольной влаги, ни довольной питательности легкому. Но какое незримое могущество возбуждаетъ и укрощаетъ споль внезапно бури сего великаго шѣла? Изъ какого сокровища извлекаются вѣспры, очищающіе воздухъ, прохлаждающіе зной лѣта, умѣряющіе суровость зимы, перемѣняющіе въ одно мгновеніе ока видъ неба? На крыльяхъ сихъ вѣспровъ лешающъ облака ошъ

одного края небеснаго до другаго. Мы знаемъ, что извѣстные вѣтры господствуютъ на извѣстныхъ моряхъ; въ определенное время они продолжаются и наслѣдуютъ имъ другіе, какъ бы для того, что бы сдѣлать мореплаваніе выгоднымъ и правильнымъ. Если бы люди были столь пертѣливы и столь прочны, какъ вѣтры: то безъ труда совершали бы самыя отдаленныя мореплаванія.

Огонь.

Видишь ли сей огонь, который будучи какъ бы зажженнымъ въ звѣздахъ, повсюду разливаешь свѣтъ свой? Видишь ли сіе пламя, которое извергаетъ горы и которое сѣрная земля плавяетъ въ своей утробѣ? Сей самый огонь спокойно паищся въ жилахъ горъ кремнистыхъ и наконецъ испорчается изъ нихъ, когда ударъ другаго шѣла возбуждаетъ сего для потрясенія городовъ и горъ. Человѣкъ умѣлъ возжечь его и употребить на всякое дѣло для согбенія и расплавленія швердыхъ металловъ и для гиппанія посредствомъ дерева въ самыхъ холодныхъ климатахъ пламени, которое

замѣняешь ему мѣсто удаляющагося отъ него солнца. Сіе пламя проходишь во все сѣмена. Оно соспавляетъ какъ бы душу всего живущаго, испребляетъ все нечистое и возобновляетъ все имъ очищенное. Огонь сообщаетъ силу свою людямъ слабымъ; въ одно мгновеніе ока испребляетъ высокія зданія и другія громады. Но, въ ограниченномъ употребленіи, согрѣваетъ человѣка и способствуетъ къ пригощовленію пищи. Древніе, удивляясь огню, почиали оный сокровищемъ небеснымъ, которе челоуѣкъ похитилъ у боговъ.

Сб Франц. А. Огинскій.

~~~~~

ХРИСТІЯНИНЪ, СЪТУЮЩІЙ О ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБѢ ДУХА.

(Изъ VI Посланія къ Римл. Сб преложенія Расина.)

О Боже! внутренней борьбой
Жесткокой я всегда шерзаюсь!
Враждул духомъ самъ съ собой,
Я на два Духа раздѣляюсь:
Одинъ внушаетъ мнѣ любовь

Къ Тебѣ сердечную, свяшую;
 Другой, волнуя злобой кровь,
 Препишъ чпишь волю Всеблагую.

•

Одинъ, безплошный, Вѣры сынъ,
 Желаетъ, что бы я спремился
 Къ неслѣннымъ благамъ, пресвятымъ,
 И съ нимъ бы къ Небу возносился;
 Другой, прикованный къ землѣ,
 Влечетъ меня рукою холодной,
 Со гнѣвомъ мрачнымъ на челѣ,
 Къ мiрской корысти безоправданной.

*

Въ ужасной брани самъ съ собой
 Жестоко мучусь и спрадаю!
 Гдѣ мой желаемый покой? —
 Въ себѣ ищу — не обрѣшаю.
 Добро хоть сердцемъ я люблю;
 О благъ ближнихъ не стараюсь:
 Зла убѣгаю, не терплю —
 Но часто и на зло рѣшаюсь.

*

Небесный Благодати Свѣшь!
 Пролей лучъ мира живошворный
 Въ это сердце, въ коемъ мира нѣтъ —
 Лишь духъ враждуетъ непокорный;
 И крошкой власью усмири
 Порывы въ немъ сопротивленья;
 Его съ собою примири —
 Освободи раба ошь плѣня.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ АРАБЪ.

Благошворительный другъ челоуѣчества, почтенный владѣлецъ Алендорфа, желая ознакомиться съ несчастными меньшими братьями сердце юнаго племянника своего, принялъ намѣреніе объѣхать съ нимъ Саксонію и Германію. Дабы собственнымъ примѣромъ утвердить въ немъ правила Вѣры и добраго воспитанія, Графъ Алендорфъ оспанавливался въ каждой деревнѣ, гдѣ только находилъ несчастнаго, спрашивалъ о причинѣ бѣдности и облегчалъ горести своего ближняго. Юный Генрихъ раздавалъ суммы, назначенныя для исправленія погрѣшностей слѣпой богини. Столь благотворныя дѣла исполнялись безъ всякаго щеславія: благошворительная рука совершенно скрывалась, и бѣднякъ видѣлъ только невидимаго Гения—утѣшителя.

—На вашемъ мѣснѣ, сказалъ Генрихъ своему дядѣ, я гордился бы такими дѣлами.—

“Не уже ли ты столько безразсуденъ, молодой челоуѣкъ? — Спразднись объ утвержденіи своего благосостоянія конечно хорошо; но бышь достойнымъ своего

счастіа гораздо лучше; а лучшее средство къ достиженію сей цѣли сосѣюшь въ томъ, что бы излишнее употребляшь на помощь своимъ ближнимъ? На эптошь случай я расскажу тебѣ объ одномъ прекрасномъ поступкѣ!...слушай:

“Одинъ Арабъ, въ дикой степи, на горячемъ пескѣ, нащель мальчика, умирающаго отъ жажды; на верблюдѣ, въ одномъ мѣху, оставалось у него нѣсколько воды; но не болѣе какъ только на сушки.

— Какого ты поколѣнія? — спросилъ онъ у дитяти?

...Велледъ—Гиллиля....

Ужасное слово! — Эпто было неприязельское поколѣніе, въ кошоромъ Арабъ узналъ жесточайшихъ враговъ своихъ — изпрещищелей, поклявшихся непримиримою, вѣчною злобою прошивъ его рода. Слава Богу, любезный племянникъ, что ты не знаешь, сколь жестока ненависть Арабовъ къ своимъ врагамъ!

— Но эпто человекъ, сказалъ дикарь и напоилъ его!

Мѣхъ былъ уже пустъ, а до источника оставалось ѣхать еще два дни.

Дитя поминся... Арабъ вынимаешь

ножь...разрѣзываетъ себѣ жилу—и...ушляешь жажду дыпящи! —

Если бы у Араба была тысяча мѣховъ, наполненныхъ водою, какъ и у меня тысяча мѣшковъ серебра: то бы его поспупокъ можно назвасть весьма обыкновеннымъ.,,

—Но справедлива ли эша исторія?—
“Я самъ видѣлъ спасеннаго мальчика на мысѣ Д^оброй Надежды.,, —

Съ Франц. 242.

РАЗГОВОРЪ О РЕВНОСТИ.

“Любите ли вы моего мужа?,, спросила меня Гжа Д.

—Можно ли не любить его? — отвѣчала я.

“Но вы, можете бытъ, не такъ его любите, какъ друга?

—Сомнѣнiе ваше несправедливо, сударыня! Я знаю супруга вашего съ младенчества, и мы вмѣстѣ съ нимъ выросли. Характеръ его — уважали всѣ наши поварищи, и онъ любимъ былъ нашимъ начальствомъ.—

“Хорошо, я вамъ вѣрю! Но скажите мнѣ: не находите ли вы въ немъ какихъ —нибудь недоспашковъ?,,

—По чеспи, не нахожу! Онъ очень любезень и добръ, уменъ и дѣяпелень. Если же разсмашривашъ его царужность...

“Наружность—пустый блескъ! Я желала бы знать о другихъ его недоспашкахъ... Вошь, (извините меня) мнѣ кажется, что онъ ревнивъ; а ревность дѣлаешъ человека недовѣрчивымъ къ женѣ своей; слѣдовашельно шакой порокъ опасень, какъ для него, такъ и для жены.,,

—Но ревность почишаюшъ слѣдспви-емъ любви! Что шушь хорошаго, когда и мужъ и жена не желаюшъ бышь на опышѣ увѣренными во взаимной любви? Если же они оба ревнивы—то это значишъ, что они любяшъ другъ друга. Возьмишъ въ примѣръ всѣхъ дурныхъ мужей: никогда не были они ревнивы!—

“Вы можете меня обидѣть, защищая ревность: я совсемъ не ревнива; но люблю своего мужа.,

—Все это слѣдспвиѣ ревности: если вы не ревнивы шеперь, то конечно уже опышомъ увѣрены въ супружеской любви вашего мужа.—

“Опышомъ? Нѣшь! Я спыжусь ревню-вашь, и вошь почему: кшо ревнивъ къ мужу, или женѣ, эшо показываешъ сознание въ своихъ недоспашкахъ, за копорые мы не можемъ бышь истинно любимы; а шакъ какъ я не подала причины негодовашь на себя моему мужу, шо и увѣрена, что онъ долженъ любить меня болѣе всѣхъ. „

— На чемъ же основана довѣренность ваша къ супругу? На собственнѣхъ до-стоинствахъ! Не шакъ ли? —

“Я уже вамъ сказала эшо. „

— Но угожда безпрешанно супругу вашему, не уже ли вы не желаете шемъ ему нравиться? —

“Эшо не возможно! Когда мы кому угождаемъ; эшо значить, что мы шого любимъ; а кого любимъ, шо всегда желаемъ шому нравиться. „

— Если всегда желаете вы нравиться вашему супругу, шо не значить ли эшо: заслужишь его посшоянную любовь? —

“Конечно! „

— А заслужишь посшоянную любовь не значить ли желать увѣриться; что онъ болѣе всѣхъ васъ любитъ? —

“Конечно?,,

— Позвольте опспупить: для чего вы желаете, что бы онъ, преимущественно предъ прочими, любилъ васъ? —

“Какъ длячего? Онъ мой мужъ!,,

— Эшо я знаю; но мужъ вашъ можетъ любить сполько же и другихъ, какъ свою супругу. —

“Нѣтъ, эшого я не хочу!,,

— Развѣ не увѣрены вы въ его посшоянствѣ? ... —

“Увѣрена, но все онъ еще молодъ!,,

— Темъ способнѣе къ любви! ...

“Темъ опаснѣе для жены!,, —

— Вотъ причина, почему желаете вы заслужить его посшоянную любовь! Не ревность ли эшо? —

Гжа Д. не опвѣчала мнѣ — и разговоръ нашъ кончился.

14. 33.

КРИТИКА.

Новыя Повѣсти Василія Нарѣжнаго.
 Въ шрехъ часпяхъ. С. п. бургъ. Въ шип.
 Плавильщикова. 1824. въ 12 долю листа.
 Въ первой часпи 172, во впорой 188 и
 въ шрешей 194 стран. *).

Въ сихъ шрехъ книжкахъ помѣщено
 шесць Повѣстей: 1) Марія, 2) Богапый
 бѣднякъ, 3) Невѣста подь замкомъ, 4) Ту-
 рецкій судъ, 5) Принць Заморскій и 6)
 Запорожець. — Скажемъ нѣскольکو словъ
 о каждой.

Марія. Прекрасная, хошя и сенши-
 меншальная Повѣсть! Чипая ее, Рецен-
 зентъ и припомъ *Журналистѣ въ зрѣ-
 льныхъ уже лѣтахъ*, копорый и въ молодос-
 спи своей не былъ плаксивъ, вырониль

---

*) Продаюшя: въ С. п. бургѣ, въ книж-
 номъ магазинѣ Коммиссіонера Император-
 ской Россійской Академіи и Вольнаго Эко-
 номическаго Общества А. Ф. Смирдина, у
 Синяго мосша; а въ Москвѣ, въ Универси-
 тетской книжной лавкѣ у Коммиссіонера
 шамощнаго Университета А. С. Ширяева.
 Цѣна за шри часпи 8 руб.

поневолю нѣсколько слезъ. Какъ хорошо знаешь Сочинишель челоѳческое сердце! Въ какихъ прогапельныхъ положеніяхъ умѣлъ онъ предспаившь героевъ своей Повѣспи!... Но за шо какой мѣспами слогъ! Какой языкъ! Напримѣръ: “что заключаешь ты о спранноспяхъ, *выкидываемыхъ* съ нѣкошораго времени моимъ сыномъ?,” — Кто бы, думаеше, говорилъ эшо? — Русскій, богашій, умный, образоваанный Графъ!! — А вошь какъ говоришь и Графиня, его супруга: “я непремѣнно хочу, что бы эша *ненавистная* Марья сегодня же обѳвнчана была съ камердинеромъ *моимъ* Меркуромъ. Онъ уже не разъ о шомъ мнѣ *заикался*,”. Теперь не угодно ли послушаешь краснорѣчиваго сына ихъ, молодаго Графа, кончившаго въ родишельскомъ домѣ курсъ ученія подъ руководствомъ Швейцарскаго выходца и философа Бершольда: “что же касаешся до моего имени, ошь вась заимствованнаго: шо сіяніе его нима-ло не помрачипся, если я сообщу оное любезнѣйшему, прекраснѣйшему *изъ тво-реній общаго Отца нашего Небеснаго*. Такъ, Маша, ты — рано, или поздно — будешь Графинею, или меня не спанешь

въ числѣ живущихъ подъ солнцемъ., — А Хризанфъ, крѣпоспный Графскій управитель, отецъ Марьи, всѣхъ краснорѣчивѣе. “Она *обстоятельно* знаешь всѣ дороги, проложенныя ею на пути распутова., Такъ говоришь онъ послѣ обморока! Notez se point-ci. .... “Вошь, милоспивый государь, повѣсть шрехлѣшняго моего здѣсь пребыванія. Дни мои подобны водѣ болошной въ омутѣ, осѣненною высокими *) деревьями. Никакіе удары грома, никакіе порывы вихрей не возмутятъ ее болѣе. Дно **) и берега ея заросли травою зловонною, и въ нѣдрахъ клубятся отвратительныя гады., — Жаль, испинно жаль, что Сочинитель, при счастливыхъ своихъ способностяхъ, не соблюдаетъ часно простоты въ разсказѣ и естественности въ разговорѣ. — Цѣль Повѣспи: Марія, самая полезная: Авшоръ хошѣлъ показатъ, что самое лучшее воспишаніе, если оно не сообразно съ пред-

---

*) Приличнѣе было бы сказатъ: *густыми*, а не *высокими*. Прил. Рец.

**) Дно въ омутѣ!! Пр. Рец.

назначеніемъ нашимъ въ общественной жизни, бываетъ для насъ пагубно, и что любовь, самая невинная, самая благородная, между людьми, родившимися повидимому другъ для друга, но въ разныхъ, или шакъ сказаць, въ прошивныхъ между собою соспояніяхъ, естъ ужаснѣйшее мученіе, которое одна только смерть прекратиць можеть.

Богатый бѣднякъ. При чтеніи этой повѣсти не прослезяся читатели; а разсмѣются и вѣрно не однажды. Развязка самая забавная и неожиданная. Тушь главную роль играеть Панъ Вириладъ, который разбогачѣлъ и разтолстѣлъ отъ того, что сдѣлался шуфомъ. Однако же не онъ *богатый бѣднякъ*, а Есауль Ипполишь Голякъ. — Слишкомъ много уже говориль здѣсь Сочинитель о *свѣтлои* и *хлѣбнои*. Малороссійскія наливки и Волошскія вина, конечно, очень хороши; но лучше употреблять ихъ при сочиненіи *), а не въ сочиненіи,

---

*) И по однимъ только пожилымъ спихотворцамъ.

Невѣста подѣ замкомъ. Драмапическая Повѣсть. Дѣйствующія лица: ювелирь Рупертъ, племянница его Розина, служанка ихъ Берпа, Милонъ женихъ Розины и Докторъ Симонъ Аффенбергъ. Сочинишелю вздумалось позабавипись надъ Нѣмецкими мѣщанами, и онъ не позабылъ здѣсь ни Бюргеръ-клуба, ни кофею, ни шабаку, ни шнапсу, ни бушперброда, ни блушвурстовъ; но многія изъ его шушокъ очень плоски и даже дерзки, на примѣръ: “Я Нѣмецъ, слѣдственно самое терпѣливое животное ... Я сказалъ уже: люби кого хочешь; а будь послушна мнѣ! Добрый Нѣмецъ въ такихъ слугаяхъ великодушнѣе самаго великодушнаго изъ всѣхъ народовъ въ свѣтѣ ... Развѣ я первый буду, котораго жена обманываетъ? Опъ этой бѣды никшо не умираешь, а особливо изъ Нѣмцовъ., — Эпа Повѣсть, какъ весьма справедливо замѣшилъ одинъ остроумный крищикъ, не есть картина нравовъ, но каррикатура. Много, очень много смѣшнаго, но довольно и невѣрояшнаго: На примѣръ: Милонъ, назвавщій себя племянникомъ богатаго Графа, для котораго пришелъ взявъ брилліантовъ на 50,000 р., ро-

нлешъ изъ кармана бересповую павлинку, служившую ему вмѣсто пабакерки, и старый ювелиръ Рупертъ не можешъ по этому догадаться, что его хопяшь обманушь. Припомъ же Милонъ, какъ говоришь Сочинитель, служилъ въ канцеляри одного случайнаго барина; а и самые бѣднѣйшіе канцелярскіе служиле-ли, не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ, не нюхають изъ павлинокъ.—Въ подложномъ свидѣтельствѣ, данномъ Милономъ Доктору Аффенбергу, сказано между прочимъ, что онъ можешъ съ сумасшедшимъ Графомъ фонъ деръ Думдумомъ поступать по своей волѣ, именно: связывать веревками, сажать на цѣпь, брить голову и сѣчь лозами, или плетью; а во удостовѣреніе подписано: *Графъ Ульрихъ фонъ Шустеръ Мустеръ!!* *Графиня Кунигунда фонъ Гаренъ Лохъ!!!* и пр. и пр. Такимъ свидѣтельствомъ не можно, кажешся, обманушь не только стараго Доктора, но даже и молодого неопытнаго аптекарскаго ученика. Впрочемъ, несмотря на всѣ ошибки, противъ правдоподобія и на многія плоскія оспрошы, эта Повѣсть имѣешъ свое достоинство.

Для Сказки и того довольно,
 Коль слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
 И можешь иногда улыбку съ насъ сорвать.

Турецкій Судб. Тоже Драмапическая Повѣсть, или Каррикапура, но несравненно занимательнѣе предыдущей по своему содержанію и лучше по слогу. Ибрагимъ Паша и зяпъ Турецкаго Султана, по доносамъ Главнаго Муфшія, Санджака Али (представителя народа и войска) и Главы Саншоновъ *) на Египетскаго Пашу Ассана, приѣзжаетъ въ Каиръ, выслушиваетъ всенародно доношниковъ, отбираетъ отъ Пашы Ассана отъѣзды, и наконецъ произноситъ поржесивенно слѣдующее достопамятное рѣшеніе: "Соображая все видѣнное и слышанное, надѣюсь произнеси судъ правдивый. Всезрящій

---

*) Саншоны въ Турецкихъ обласняхъ, особливо Азіятскихъ и Африканскихъ, есть родъ селян чшимыхъ угодниковъ, кошорые, въ знакъ своего міроопшверженія, одѣты въ гнусныя одежды; другіе полунаги; а иные, совсемъ нагіе, всенародно производятъ безчинства самыя позорныя. *Прим. Сот.* (Ч. II, стран. 59.)

Алла! Да обрушится громъ швой на шею мое, если какое либо пристрастіе поколеблетъ сердце мое! Всякъ, дерзающій возставать на безопасность гражданства и нарушать покой верховной власти — повиненъ смерши. (*Даетъ знакъ; чиновникъ подноситъ къ нему драгоценный ящикъ и разкрываетъ*) Ассанъ Паша! Въ семь ковчегъ двѣ драгоценности, изъ копорыхъ одну долженъ я, по волѣ всепресвѣплѣйшаго моего Государя, вручить тебѣ, а другую швоему обвинишело. И такъ, Ассанъ, прими изъ рукъ моихъ эту драгоценную цѣпь, доказывающую, что власть швая надъ Египшомъ продолжается, и да продлится, доколѣ угодно Небу и Сулпану. (*Надѣваетъ на него цѣпь и обнимаетъ.*) Муфшій! эшошь бархашный пакешъ заключаешъ въ себѣ и для швоей шеи достойное украшеніе—шелковую веревку *). Воспользуйся съ досподолжнѣмъ благоговѣніемъ симъ даромъ, и черезъ часъ пришли ко мнѣ свою голову, для опсылки къ Его Сулпанову **) Величешву.

---

*) Веревки дѣлають изъ пеньки, а изъ шелку—снурки. *Рец.*

**) Надлежало бы сказать: *Султанскому*, а не Сулпанову. *Рец.*

Муфтий. Алла! Алла! Дочего я дожилъ, Ибрагимъ? Припомни, что и ты Паша; слѣдственно также весьма недалеко отъ веревки, хотя и обладаешь красами дщери Сулпановой. Пощади спарость мою, и дай мирному Ангелу смерти смежишь вѣжди мои.

Ассанъ. Ибрагимъ! Я охотно забываю его клеветы и оскорбленія. Повели жить ему и оплакивать прежнее киченіе. И Муфсии такіе же люди, хотя и *отливнаго состава* *); а попому могушь разкаываешься въ грѣхахъ, хотя и поздно.

Ибрагимъ. Я согласенъ, благородный Мусульманинъ!—Внемлите всѣ мое рѣшеніе; *оно есть слова* Великаго Повелителя правовѣрныхъ: Муфсія Каира, за оскорбленіе Величества ложнымъ доносомъ и за склоненіе многихъ гражданъ къ возмущенію противъ законной власти, лишая сего высокаго достоинства, обращаю въ Иману, и повелѣваю два года и два дни не выходить изъ своихъ покоевъ, и къ себѣ никого не допускашь; въ противномъ случаѣ—веревка!

---

*) Плоско! Рец.

Муфтій. О Магомешъ! Сколько дохода лишаюсь я! О Ибрагимъ! Ты великій знапокъ въ казняхъ!

Ибрагимъ. Санджаку Али не носишь сабли цѣлый годъ, и не прежде надѣшь ее, какъ представилъ Пашѣ цѣлый листъ бумаги, исписанный его *) рукою.

Алжи. (Съ тяжкимъ вздохомъ.) Эпо значилъ, что мнѣ до смерти не ходишь при саблѣ **)! Подѣломъ! Съ Иманами не связывайся! О горе!

Ибрагимъ. Эшимъ почтеннымъ господамъ: Маронишу, Греку и Арменину, за обманъ, сдѣланный Санджаку Али, дашь по спу ударовъ по подошвамъ, а чешшному Еврею двѣспѣ.

Жидъ. Клянусь, что я меньше другихъ

*) Не уже ли рукою Паши? Въспо: его, надобно бы сказашь: своею. Рец.

**) Санджакъ Али говорилъ, что для него подписать свое имя тяжелѣе, чѣмъ съ 20 Арабовъ, или Ефіоплянъ снять головы. Однако же онъ подписалъ доносъ на Ассана Пашу, не титавши и взявъ за прудъ съ Марониша, Грека, Арменина и Жида по спу цехиновъ. Рец.

виновенъ. Опъ человѣческихъ злыхъ совѣ-
шовъ хопя и не легко, но все паки кое-
какъ осперечья можно; но *) опъ Са-
шанинскихъ **)...

Ибрагимъ. Не заводи знакомства съ
Сапаною.

Маронитъ. Буде можно, свѣплѣйшій
Паша, сдѣлашь перемѣну; по не соблаго-
волишь ли—вмѣсто: *давать*—произнеси:
взять.

Ибрагимъ. Говори яснѣе.

Маронитъ. Не полезнѣ ли будешь для
кошелька швоего, чѣмъ давашь мнѣ сто
ударовъ, взяшь съ меня сто цехиновъ.

Грекъ. И съ меня!

Арменинъ. И съ меня!

Ибрагимъ (къ Жиду.) А пы?

Жидъ (подумавъ.) Вели подавашъ фа-
лаку ***).

*) Вмѣсто: *но*, надлежало бы *поспавишь*
а; чшобъ избѣгнушь повшоренія. *Рец.*

**) Маронитъ сказалъ, чшо его соблаз-
нилъ Грекъ; Грекъ сослался на Арменина;
Арменинъ на Жиду; а Жидъ—на Вельзевула.
Рец.

***) Фалака—есшь деревянное орудіе, въ
кошорое вправляютъ ноги преступника, для

Ибрагимъ. По сему исполнише! Но что съ тобою, глава Сапшоновъ? — Тебя съ брашїею повелѣваю отправишь въ степи Пустой Аравїи. Тамъ можете вы предъ змѣями и скорпіонами дѣлать прыжки, какіе разсудите.,, (Часъ II, спран. 97—102.)

Славно разсудилъ Паша Ибрагимъ — не хуже покойнаго Воеводы *Шеляки* *).

Заморскій Принцъ. — Драматическая же повѣсть и презабавная. — Панъ Злашницкій, богатый, слабоумный, старый и бездѣшный помѣщикъ, имѣлъ у себя единственною наслѣдницею родную племянницу дѣвицу Нашалю, весьма хорошую дѣвушку, въ которую влюбленъ былъ сынъ его сосѣда Драгунскій Капшанъ **) Алексѣй Прилуцкій. Партія была хоть куда; но Панъ Злашницкій не хотѣлъ выдать

наказанія его по подошвамъ или палками или воловьими жилами. *Прил. Сог.*

*) *Шелякицъ Судъ.* Народная и весьма остроумная повѣсть. Лѣтъ за сорокъ назадъ переложена она въ стихи и напечатана. Надобно бы написать ее хорошенько прозою. *Рец.*

**) Не Роммиспръ ли? *Рец.*

племянницы своей Напальи за Алексѣя, попому что у него чинъ не великъ, хотя самъ онъ не имѣлъ никакого чина — за то многіе изъ предковъ его были Гешманами. Вдругъ неожиданно совсемъ свашаешься за Напалью знашный жѣнихъ, *Заморскій Принцъ Нордъ—Вестъ—Зюдъ—Остъ*. Панъ Злашницкій опъ радоспи чупъ не сошель съ ума. Женихъ однако не являешся до свадьббы къ Злашницкому; должностъ свапа исполняешъ Принцовъ Посоль, кошорый и опвозишъ невѣсту къ вѣнцу. Наконецъ новобрачные приѣзжають изъ цѣрки, и изумленный Панъ Злашницкій въ особѣ Свѣшлѣйшаго Принца Нордъ-Вестъ-Зюдъ-Оста узнаешъ Алексѣя Прилуцкаго; Посоль же превращился въ *Прапорщика его роты* *).—Много, очень много комическаго въ этой Повѣсти. Напримѣръ Панъ Злашницкій не позволялъ входить въ комнапу, гдѣ спояли поршреты его предковъ, даже самому дворецкому, и шопъ долженъ былъ го-

---

*) Въ Драгунскихъ полкахъ, кажется, никогда небыло ни *Прапорщиковъ*, ни *ротъ*; но *Корнеты* и *эскадроны*. Рец.

воришь ему изъ дверей. Весьма забавно замѣшательство Злашницкаго, когда приѣжаешь за невѣспою Посодъ и когда ожидающъ новобрачныхъ опъ вѣнца. Панъ Прилуцкій, отецъ Алексѣя, опспавный Маіоръ, добрый, прямой, веселый старикъ, забавляетъ также своимъ простодушіемъ и оригинальностію. Хороши и и госпи: Исправникъ, Городничій и Судья. Авшоръ писалъ весьма удачно съ напуры и умѣлъ выбрашь напуру для своей каршины, или каррикашуры. Желательо, что-бы самыя комическія сцены изъ эпои Повѣспи, равно какъ и изъ другихъ, предспавлены были какимъ нибудь новымъ Терebeneвымъ, хотя не въ гравировкѣ—но въ литографіи.

Начало послѣдней Повѣспи: *Запорожецъ*, такъ хорошо, что мы выпишемъ его здѣсь въ намѣреніи доспавить темъ удовольствіе нашимъ читателямъ.

“Едва возшло осеннее солнце надъ необозримыми равнинами моря Чернаго, вся Запорожская Сѣчь зашумѣла. Безчисленное множество народа толпилось на обширной площади, предъ храмомъ Угодника Николая. Громкій звонъ колоколовъ

попрыскалъ воздухъ. Звукъ трубъ и лишавровъ далеко разспилался по ровному полю и гладкой поверхности моря. Радостный говоръ народа изъяслялъ всеобщее восхищеніе. „

“Чтожь было виною сего торжества всеобщаго?—Еще на зарѣ усрешней прискакалъ гонецъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что Войсковый Апшаманъ Авениръ Булашь, по веснѣ отправившійся съ отборною дружиною, для усмиренія хищныхъ Закубаццевъ, возвращается восвояси съ полною побѣдой и богатою добычей. Онъ просилъ духовенство не начинать литургіи, пока не вступитъ въ Сѣчь, дабы войны, столь долго лишавшіеся счастья слышать слово Божіе, при самомъ появленіи въ предѣлы мѣста драгоцѣннаго, могли сего сподобиться, облобызавъ крестъ Господень, и окропиться водою священою. „

“Съ поспешнымъ возвышеніемъ солнца, неперпѣніе народа возраспало. То глубокое молчаніе, то шумныя восхищенія измѣряли время. Наконецъ, съ воспощной спороны поднялась въ полѣ пыль высокая; еще одно мгновеніе; и всѣ увидѣли

развѣвающуюся въ воздухѣ хоругвь Запорожскую. Кто опишетъ радостное смяшеніе обѣшателей Сѣчи, ихъ крики, вопли и *завыванія*? — Но увы! прибывшій съ радостнымъ извѣстіемъ гонецъ, по имени ному велѣнію Ашамана, умолчалъ, что сей храбрый мужъ, сей достойный предводитель, получилъ двѣ глубокія раны, одну въ грудь, другую въ голову. Не имѣя силъ самъ собою держаться на конѣ, онъ ѣхалъ *поддерживаемый* съ каждой стороны Козаками; двое вели за узду унылаго коня его. За нимъ *несена* хоругвь, и храбрая дружина слѣдовала съ поникшими взорами. Вздохи шѣснили грудь каждого, и щеки омочены были обильными слезами. Они не смѣли взглянуть на оспававшихся въ Сѣчи поварищѣй, спыдясь во взорахъ ихъ встрѣшишь достойные упреки, что сами возвращающа въ совершенной цѣлоспи, кромѣ нѣсколькихъ, падшихъ на полѣ рѣшишельной битвы, а не умѣли сберечь храбраго вождя своего.,,

“Когда Авениръ поравнялся съ дверьми церковными, по по данному имъ мановенію, коня его оспановили. Духовенство приближилось къ нему со креспа-

ми и хоругвями священными. Но взглянув на блѣдное лице Ашамана, едва выпускающаго дыханіе, оно остановилось съ ужасомъ. Все людство, полпившееся вокругъ его, узнавъ причину *пораженія духовныхъ* *), воспенало, подняло вопль горестный и возрыдало. Мгновенно колокольные звоны и звуки шрубные умолкли, и не было бы конца общему смятенію, если бы самъ Авенирь не далъ знака къ молчанію. Глубокая пишина разпросперлась, онъ собралъ силы, и хощя голосомъ слабымъ, но довольно внятнымъ — произнесъ: “Почтенные ошцы духовные, и вы, дѣши мои, Козаки Запорожскіе! Не уже ли послѣднимъ подвигомъ не заслужилъ я, что бы вспрѣчали меня съ веселіемъ, какъ всегда вспрѣчали доселѣ возвращавшагося изъ походовъ? Не уже ли раны, Ашаманомъ вашимъ полученныя, могушь приспыдити васъ при свиданіи съ родными намъ Малороссіянами, или безбожными Агарянами? Или дорогою цѣ-

---

*) Вѣсьма шемно. Сочинишель, кажешся, хощѣль сказаць здѣсь о изумленіи Духовенства, при вспрѣчѣ раненнаго Ашамана.

ной купилъ я побѣду и приобрѣлъ корыстѣи? Обозрише все, сочтите — и будише веселы! Двадцать храбрыхъ Козаковъ пали на мѣспѣ бишвы, до сорока ранены. За то получили мы, если не навсегда, по крайней мѣрѣ на долгое время, спокойствіе; въ плѣнь взято около тысячи мужей, женъ и дѣшей обоего пола; отбито пять сотъ коней, присша воловъ, безчисленное множество овецъ, нѣсколько дюжинъ ружей, пистолеповъ, сабель; дорогихъ ковровъ и связокъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей. Посредствомъ торга съ сосѣдними Турками и Татарами обратилише всю добычу въ серебро и золото. Десятая часть — по усановленію нашему — да посвящися на украшеніе храма Угодника Божія; что достанешся на мою долю — если къ тому времени угодно будешъ Провидѣнію воззвашъ меня къ иной жизни — да будешъ вручено по равнымъ частямъ симъ четверымъ моимъ провожатымъ, сему спарцу Віанору, и симъ юношамъ: Аспіону, Эраспу и Крониду. Они же должны бышъ наслѣдниками и прочаго имущества, шрудами моими приобретеннаго. Теперь угошуйте для меня

одрь у сихъ, врашь церковныхъ. Возлежа на немъ, я хочу услышашь — можешь бышь въ послѣдній разъ — свяшое Слово Божіе, и помолисья благому милосердію объ опущеніи многочисленныхъ грѣховъ моихъ. „

„Въ пожь мгновение исполнено было желаніе Авенира. Погребашельный одрь поставленъ на мѣспѣ назначенія, и покрышь ковромъ драгоцѣннымъ. Съ величайшею оспорожноспію сняли его съ коня, и усадили на семь ложѣ. Въ головахъ спашь знаменосецъ, имѣя по обѣ спороны Віанора и Аспіона; въ ногахъ спояли Эрасъ и Кронидъ; все воинспво, бывшее съ нимъ въ походѣ, спояло въ полукружіи. Во время священнодѣйспвія, глаза Авенира обращены были къ небу, время ошъ времени дѣлалъ онъ креспныя знаменія довольно швердою рукою, и неспопря на раны шпжелыя, кланялся низко. По окончанія липургіи, духовенспво вышло на крыльцо церковное, гдѣ вопервыхъ опсправлена панихида о успокоеніи душъ воиновъ, на брани убиенныхъ; попомъ пропѣшо многолѣшіе православному Царю Московскому, а наконецъ соверше-

но водоосвященіе, и всѣ разпущены по куренямъ. Знамя Запорожское торжественно внесено въ церковь, а одръ съ Апаманомъ -подняшъ и опнесенъ въ домъ его, сшоявшій близъ самаго храма.,,

Это самое лучшее мѣсто въ Повѣсти: *Запорожець*, занимающей всю прѣшью книжку. Кромѣ сего не найдете здѣсь почти никакихъ подробностей о любопышной Запорожской Сѣчѣ. Апаманъ Авениръ былъ знашный Французъ Маркизь де Газарь. Первая жена его, *природная Француженка*, ему измѣнила; онъ ранилъ опасно ея любовника и бѣжалъ въ Гишпанію. Въ Гишпаніи женился на другой— та ушла отъ ревности въ женскій монастырь и тамъ посприглась. Въ Италіи всступилъ въ бракъ съ прѣшьюю, славною красавицею и пѣвицею — эшу умершвилъ первый ея мужъ Графъ Тигрелли. Маркизь убилъ Графъ на поединкѣ, удалился въ Конспаншинополь, гдѣ мошенники обокрали его; опшуда перебрался въ Запорожскую Сѣчь и дослужился тамъ до степени Апамана — и шолько! — Авторъ слишкомъ распроспранялся въ описаніи Гишпанскихъ

госпипницъ, или поспоялыхъ домовъ. Такія описанія нисколько не занимашельны и лучше бы описаль онъ намъ что нибудь свое, родное, а не чужое.

И.

~~~~~

АНЕКДОТЫ *).

I.

Канцлеръ Дагессо шакъ дорожилъ временемъ, что ни одной минушы не шерялъ напрасно. Супруга его имѣла, обыкновеніе передъ обѣдомъ заходить въ свою уборную и нерѣдко заспавляла ожидашь себя минушь десяшь, пшпнаццашь, а иногда и болѣе. Канцлеръ воспользовался эшпими минушами, пусаль каждый день нѣсколькo спрокъ передъ самымъ обѣдомъ и въ печеніе 15 лѣшь написаль превосходное сочиненіе въ шрехъ шомахъ; а супруга его, въ продолженіе сего времени, испрашила нѣсколькo сошь банокъ помады, румянь, и ш. п. (*Zeit f. d. Elegant Welt.*)

*) Изъ новыхъ иностранпныхъ журналовъ.

2.

Одинъ приѣхавшій въ Парижъ провинціалъ, разсмапривая съ женою своею картины въ Луврской галлерей, оспановилъ ся прошивъ Кеншавра. — “Это что за звѣрь, другъ мой?,, спросила просподушная провинціалка. — Какъ ты глупа, моя милая! возразилъ умный супругъ; это не звѣрь, а земноводное’ жилюшное.—(*Corsaire.*)

3.

Извѣспный фокусникъ Оливье показываль однажды свое искусство въ присутствіи Наполеона; — Оливье бросилъ въ зришелей червонецъ.—Наполеонъ спросилъ Оливье: куда дѣвалась монета — “Въ карманѣ у Маршала Брюно, Ваше Величество!,, — Червонецъ дѣйспивипельно нашелся въ карманѣ Маршала.—*Ces Messieurs sont d’ accord* (эши господа согласились между собою) сказалъ Наполеонъ; Маршаль пришелъ въ замѣшательство: но Оливье хопѣлъ доказатъ Наполеону, что между ними не было никакого уговора. Онъ просилъ позволенія повшорить эшу шпуку. Наполеонъ согласился. —

Оливье бросаетъ опять червонецъ Наполеонъ спрашиваетъ: *адѣ?* — “Подъ эполетомъ Вашего Величества, на лѣвомъ плечѣ.; — Наполеонъ точно нашелъ червонецъ подъ эполетомъ, посмотрѣлъ вокругъ себя; не споялъ ли кто близъ него; и съ досады бросилъ червонецъ на полъ; но чрезъ минушу успокоилъ смѣлаго Оливье, сказавъ ему: Благодарите Бога, что вы не живете за прѣста лѣшь предъ симъ — васъ бы непременно сожгли. (*Zeit. f. d. Elegant Welt.*)

4.

Лордъ Р**, Лондонскій Набабъ, выдалъ новую моду, кошорой однакожь могутъ подражать одни только богачи; онъ велѣлъ, вмѣсто пуговиць, пришить гиней къ своему фракку, серпуку, и ш. п. Выдумка его многимъ понравилась, пошому что если кто потеряетъ такую пуговицу, то весьма удобно замѣнитъ ее другою гинеею изъ кошелька; если же потеряетъ кошелекъ, или забудетъ дома, то и шумъ бѣда не велика: стоить только опрѣзать двѣ, или при пуговицы опъ фрака и расплашиться съ ресторатеромъ, лавочникомъ, и пр. Ипакъ кошелекъ по-

могаешь пуговицамъ, а пуговицы кошельку. — Однакожъ въ этой прекрасной модѣ находишься и маленькое неудобство. Однажды Лордъ Р**, раздѣваясь, замѣшилъ, что у его фрака не доставало на спинѣ и на фалдахъ чепырехъ пуговицъ. Лордъ разсмѣялся и сказалъ: “Ничего! Вѣрно опрѣзали ихъ у меня, что бы снятъ новую моду., — (*Gesellschafter.*)

5.

На одномъ Нѣмецкомъ театрѣ играли Трагедію: *Эдипъ*. Спашисты, представлявшіе Греческихъ солдатъ, опоздали сойти со сцены. Режиссеръ закричалъ: *Soldaten, Griechen, heraus!* (Солдаты, Греки! спускайтесь вонъ!) Но спашистамъ вмѣсто: *Griechen*, послышалось: *Kriechen heraus* (ползите), и спашисты на чепверенькахъ поползли со сцены. (*Freuthethige.*)

6.

Одинъ Альгонскій Купецъ, извѣстный скряга въ городѣ, вздумалъ первый разъ въ жизни сдѣлать у себя вечеринку: назвалъ гостей, велѣлъ приготовить пыш-

ный ужинъ, накупилъ дорогихъ винъ и, къ удивленію своихъ сосѣдей и знакомыхъ, показалъ себя въ эпошъ день совершеннымъ мопомъ. На другой день скряжничество опять овладѣло имъ. Онъ опшираешь сундукъ свой, и съ ужасомъ видишь въ немъ пустой мѣшокъ — слѣдствіе вчерашней распочипельности, заливаешься слезами, и выбѣжавъ на улицу, кричишь въ опчаяніи: *воры! воры!*—Являешься полиція, скряга просишь связать себя руки и опвесши въ шюрму *за то* — говоришь онъ — *это вчера укралъ у себя сто талеровъ.*

7.

“Французъ, сказалъ однажды Англинскій путешественникъ, чрезвычайно равнодушны къ славнѣйшимъ иностраннымъ Поэтамъ, кромѣ Тасса. Нѣтъ ни одного кофейнаго дома, въ кошеромъ бы поминупино объ немъ не говорили., Онъ принималъ чашку (*tasse*) за Пѣвца Освобожденнаго Иерусалима. (*Corsaire.*)

Г. К.

СМѢСЬ,

или

Выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ.

Исчислено, что Свободныя Художества въ Парижѣ находящяся въ слѣдующей пропорціи: одинъ Поэтъ къ семи Живописцамъ и девять Поэтовъ къ одному Компонисту. Ипакъ въ Парижѣ считаешя теперь 4000 Живописцевъ, 500 Поэтовъ и Авторовъ и только 50 Компонистовъ. (*Journal de Paris.*)

Лондонскій Судъ приговорилъ Россіи заплашнть 4000 фунт. стер. пени за то, что онъ не приготоовилъ къ надлежащему времени композиціи для Англинской большой Оперы. (*Pandore.*)

Въ одной Англинской газетѣ предлагаешя всѣмъ достопочнымъ людямъ носнть шелковое плащье: ибо оно предохраняешя отъ молніи, подагры, апоплексіи, также отъ сплина, сумасшесствія и самоубійства. (*Mainz. Zeitung.*)

Недавно въ Спрасбургѣ спрѣмались два Офицера, и одинъ изъ нихъ вскорѣ

умеръ опъ полученной раны. Что же было поводомъ къ этому поединку?— Вопросъ: *можно ли дикую лошадь совершенно вывздить въ четыре дни, или нѣтъ?* (*Corsaire.*)

Россини сочиняешъ теперь Оперу подъ названіемъ: *Vieux de la montagne*. Дѣйствіе происходитъ въ Абиссиніи. Говоряшъ, будто крокодилъ и слонъ будутъ пѣшъ дуешъ въ эпоху Оперъ. (*Оттуда же.*)

Каждую недѣлю выходишъ въ Парижъ 40 новыхъ романовъ, въ мѣсяць 160, въ годъ 2000.—Бѣдные чипашели! Говоряшъ, что Валперъ Скопшъ законспрактировался въ печеніи одного мѣсяца снабдишъ Парижъ вышеозначеннымъ числомъ романовъ. (*Pandore.*)

Съ пѣхъ поръ, какъ романпизмъ вселился во Францію, переспали наблюдашъ точность словъ и приличіе выраженій. Недавно спросили въ Парижъ за споломъ одну даму: любите ли вы кислую капусту? — «Люблю ли? ошвѣчала она — я обожаю капусту. (*Оттуда же.*)»

Египтянки не носяшъ совсемъ обуви, пошому что женщина должна всегда сидѣшъ дома. — Фидій изваяль однажды

Венеру, стоящую на черепахъ. Этимъ хопль онъ намѣкнулъ женщинамъ, что онъ должны быть домохозяйками и хорошими хозяйками. (*Diable boiteux.*)

Самое огромное письмо, понынѣ извѣстное, было послано славнымъ Тамерланомъ къ Египетскому Султану. Оно было 3 аршина въ ширину и 70 аршинъ въ длину. Знаменитый Каллиграфъ Мулона Херикъ Мугамедъ писалъ его.—Прежде Тамерланъ не имѣлъ иной государственной печати, кромѣ напечатанной красною краскою руки своей; но послѣ многихъ завоеваній и покореній просвѣщеннѣйшихъ земель Востока, вошло у него въ дипломатическій эпикетъ, что бы посылаемые къ иностраннымъ Государямъ письма не только сочинены были хорошимъ слогомъ, но и написаны самымъ красивымъ почеркомъ. — На Воспокъ и до сихъ поръ иностранныя письма почищаются знакомъ великаго уваженія. (*Lesefruechte.*)

Самый безразсудный способъ проматывать деньги состоишь въ томъ, что бы имѣть кабинетъ рѣдкостей. Надобно употребить на это отъ 25 до 50 тысячъ франковъ; но за то вы будете имѣть у-

довольствие показывать ружье Дамасской работы, оправленное въ золотѣ — саблю съ Дамасскимъ клинкомъ и съ великолѣпною рукояткою — садовыя орудія спальныя удивительной полировки и отделки — каршину изъ слоновой кости — лошадку сдѣланную изъ жемчужины, и пр. и пр. (*Journal des dames et des modes.*)

Въ Вѣнѣ находишься теперь Тиролецъ, который съ 1769 года былъ во всѣхъ походахъ и получилъ 14 орденовъ и 42 раны. (*Journal de Paris.*)

Въ Аббевилѣ одинъ молодой человекъ влюбился страстно въ дочь своего сосѣда, который низачто не соглашался принять его въ свои зятя. Нечего было дѣлать: влюбленные рѣшились ожидать смерти жестокосердаго опца — дождались и обвѣнчались. — Но въ теченіи этого времени женихъ дожилъ до 65, а невѣста до 59 лѣтъ. (*Corsaire.*)

Многія дѣвицы кажутся издали бриллиантами, а посмотришь вблизи и найдешь одну только композицію. (*Abendzeitung.*)

Одна хозяйка, увидя, какъ кухарка ея сдирала съ живаго угря кожу, спала упрекаетъ ее въ безчувствіи. — И! судары-

ня! ошвѣчала кухарка, двадцашъ пяшь лѣшь уже какъ сдираю я съ угрей кожу, и они вѣрно къ шому привыкли. (*Pandore.*)

У Парижскаго модника въ спальнѣ обыкновенно бываетъ шкапъ краснаго дерева съ 12 ящичками подъ нумерами, въ кошорыхъ сохраняешся бѣлье, напимѣрь: въ N° 1, лежишь большое неглиже, рубашки съ круглымъ воропомъ безъ складокъ, но съ пуговками на груди, ошъ-индскій мадрасовый галспукъ, жилешъ писненнаго пике. Въ N° 2, половинное неглиже, рубашки съ баписповыми складками на груди, галспухъ изъ жақонне, жилешъ бѣлаго пике. Въ N° 3, большій нарядъ: баписповыя рубашки сомножесшвомъ складокъ и манжешами, кисейные галспухи съ розешами, шелковые и бархашные жилешы, и ш. д. (*Leipz. Modenzeitung.*)

Славная Акприса дѣвица Марсъ разглашаешъ вездѣ въ Парижѣ, чшо она одна кормишь всѣхъ акшеровъ Французской Комедіи, и чшо безъ нее шеапральная касса была бы въ самомъ жалкомъ положеніи. Съ сего времени Гжа Марсѣ провозглашена кормилицею Французскаго театра. (*Corsaire.*)

Г. К.

ИЗБРАННЫЕ АНЕКДОТЫ И МЫСЛИ ИЗЪ
СОЧИНЕНІЙ ШАМФОРА.

Анекдоты.

1.

Филиппу, Регеншу Франціи, хотѣлось однажды бытъ въ маскарадѣ съ шемъ, что бы никшо не могъ узнать его.—“Я знаю, какъ сдѣлать это, Ваша Свѣплосшь!,, сказалъ ему наперсникъ его и Миниспръ Аббашъ Дюбуа. По приѣздѣ въ маскарадъ спалъ онъ по и дѣло полкашь Регенша: Регеншу не очень это понравилосъ, и онъ сказалъ ему: “ты уже слишкомъ скрываешь меня!,,

2.

За одного пожилаго челоѣка свашали невѣспу. Онъ опказался слѣдующимъ образомъ: “Во мнѣ были двѣ спрасши: любишь женщину и холоспую жизнь. Первая спрасшь миновалась съ лѣщами; кочу ошашься при послѣдней.,,

3.

Нѣкшо говариваль, что подагра еспѣ такая болѣзнь, кошорая придаешь ува-

женіе въ свѣтѣ. — Точно такъ, сказали ему: это *знакъ отличія неумѣренной жизни*.

4.

Фоншенель сочинилъ Оперу, въ которой былъ хоръ жрецовъ. Набожные люди сочли это неприличнымъ и оскорбительнымъ для духовенства; Архіепископъ Парижскій хотѣлъ было исходатайствовать запрещеніе представлять эту піесу. По сему случаю Фоншенель сказалъ: “я не вмѣшиваюсь въ дѣла Архіепископа; зачемъ же онъ вмѣшивается въ мой?,”

5.

Дюкло, говоря о нынѣшнихъ Римлянахъ, называлъ ихъ обыкновенно *Итальянцами изъ Рима*, что бы не оскорбить имени древнихъ Римлянъ.

6.

Нѣкто сказалъ одному богачу: вѣрьте, сударь, что я не имѣю нужды въ томъ, чего у меня недоспаетъ.

Мысли.

Великодушіе естъ состраданіе благородныхъ душъ.

Пришворная скромность естъ ложь, самая приспойнѣйшая.

Разсмаширивая записки и памяшники вѣка Лудовика XIV, находимъ даже въ худыхъ общеспвахъ того времени нѣшто такое, чего недоспаешъ нынѣ и въ самыхъ хорошихъ.

Повпореніе существуешъ толькo для слуха и разума, а никогда для сердца.

Свѣшское общеспво похоже на библиошеку, въ кошорой при первомъ взглядѣ кажешся все въ порядкѣ: сочиненія разспавлены по формашу и величинѣ книгъ; но въ самомъ дѣлѣ все въ безпорядкѣ, поштому чшо здѣсь не расположено ничего по разряду наукъ, содержанію и писашелямъ.

Высокія качества дѣлають челошка неспособнымъ къ общеспву. На рынокъ не пойдешъ со слишкомъ золоша: шупъ нужны деньги и чаще всего мѣлкая монеша.

Общеспва, кругъ знакомыхъ, вечерин-

ки, словомъ все то, что называется большимъ свѣтомъ, есть самое посредственное сочиненіе, дурная безъ завязки Опера, поддерживаемая машинами и декорациями.

Чтобы успѣть въ обществѣ, непременно надобно учиться многимъ вещамъ, которыя совершенно знаешь, у такихъ людей, которые ихъ не знаютъ.

Трудно вообразишь, сколько надобно ума, чтобы не быть смѣшнымъ.

Успѣхъ многихъ сочиненій зависитъ отъ сходства, которое находится между посредственными мыслями сочинителя и Публики.

Бѣда человѣку, если онъ при большомъ умѣ не имѣетъ твердаго характера. При фонарѣ Діогена нужна и его дубина.

Писатели любятъ шѣхъ, которыхъ они забавляютъ; а путешественники шѣхъ, кпо имъ удивляется.

Писатель со вкусомъ, въ отношеніи къ прельщенной Публикѣ, есть тоже, что молодая женщина въ обществѣ ушарь-лыхъ повѣсь.

Познавая бѣдствія природы, научаемся презирать смерть; а познавая бѣдствія въ обществѣ, презираемъ жизнь.

Бѣдный человѣкъ, но независящій отъ другихъ, находишься подъ власпію необходимости. Богатый человѣкъ, но зависящій, находишься подъ власпію подобнаго себя, или и многихъ.

Общее мнѣніе есть такой приговоръ, копорый честный человѣкъ никогда не долженъ ни презирать совершенно, ни оспавлять безъ вниманія.

А. Р.

АНЕКДОТЪ О ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ТЕРЕЗІИ.

Императрица *Марія Терезія*, посѣпивъ однажды Кадепскій Корпусъ, спросила Дирекшора: кто самый опличный изъ его воспитанниковъ?

— Ваше Величество! отвѣчалъ Дирекшоръ, ни на кого не могу пожаловаться; но, поистинѣ, Вукасовичъ у меня самый первый Кадепъ.—

Эшо же самое подтвердили и бывшіе шупъ Фехтмейстеры, опнося сію похвалу къ искусству его въ фехтованіи.

“Браво! браво! молодой Далманъ! воскликнула Императрица. Посмотримъ, какъ шы фехтуешь; возьми - рапиру.”

Почтипешельно и робко до сей минушы спояль предъ Государынею молодой Вукасовичъ; но когда взяль онъ рапиру и спаль въ позицію, по приняль на себя мужеспвенный и смѣлый видъ. Со многими бился онъ нѣсколько разъ и побѣдилъ всѣхъ.

Имперашица пожаловала ему 12 червонцевъ.

Чрезъ нѣсколько дней приѣхала она опять въ Кадепскій Корпусъ; и шопчасъ спросила о Вукасовичѣ.

Ту же минушу послали за нимъ; онъ пришелъ, но былъ крайне разспроенъ и дрожалъ, какъ преспупникъ.

Имперашица спросила его съ улыбкою: “не промошалъ ли пы пожалованныхъ мною шебъ денегъ? Гдѣ онѣ у шебя?,”

— Я опослалъ ихъ къ опцу, Ваше Величеспво! — опвѣчалъ онъ препенущимъ голосомъ.

“А кпо пвой опецъ?,”

— Опспавный Поручикъ; онъ уволенъ безъ пенсіи и живешъ въ крайней бѣдности въ Далмаціи. Могъ ли я сдѣлать лучшее упошребленіе изъ дара Вашего Величеспва, какъ не обратишь его въ пособіе бѣдному и спарому опцу моему?—

“Добрый малой! сказала Императрица и ласково попрепала его по щекѣ. Возьми перо, бумагу и пиши что буду говорить тебѣ.,”

Кадетъ повиновался, а Императрица продиктовала ему слѣдующее письмо:

“Любезнѣйшій родитель!

Письмо, которое я пишу теперь къ вамъ пишуешь мнѣ сама Императрица. Мое поведеніе, мое приглаженіе и особенно сыновняя любовь моя къ доброму опцу моему обратили на себя такое благоволеніе Императрицы, что вы съ сего часа будете получать двѣспѣ гюльденовъ ежегодной пенсіи, а я сію минушу получилъ опяшь въ подарокъ 24 червонца.,”

Съ Нѣм. П. Яковлевъ.

ЗАБОТЛИВАЯ МАЧИХА.

Сказка.

Одинъ разслабленный, оставленный Судьбой
 На мачихино попеченье,
 Просиль всечасно Провидѣнье.
 Послашь ему конецъ земной,

Но Провидѣніе спрадальцу не внимало,
 И сколько Мачиха ни мучила его;
 Но Пасынку вдругъ лучше спало,
 И наконецъ дошелъ онъ до того,
 Что могъ безъ косылей вспавашъ съ сво-
 ей постели,

Ходилъ по комнатамъ и аппепишъ имѣлъ.

Опець въ соборъ его повель,
 И благодаршвенный молебень шамъ ошпѣли.

Приходяшъ — дома пиръ горой!
 Военныхъ набралось, какъ будшо на разводѣ,
 И музыка вспрѣчаешъ ихъ при входѣ—
 И хоръ запѣлъ: *да здравствуетъ герой!*

Опець все видишъ какъ во снѣ,

И говоришъ своей женѣ:

“Скажи, кого героемъ величали?,”

—Ну Ваню нашего! ошвѣщенуешъ жена.

Теперь война,

Такъ эши господа его завербовали.—

“Какъ? Безъ согласія!,, — А почемужъ не
 шакъ? —

“Онъ болѣнь...,, — Вылѣчашъ,, не наше эшо
 дѣло! —

“Помилуй...,, — Замолчи, дуракъ!

Вѣдь сыну швоему бышъ сиднемъ надоѣло!

Москва.

14. 33.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

И я не избѣгнуль истребительной силы страшнаго наводненія, бывшаго сего Ноября 7 числа. Находящуюся въ чрезвычайной опасности жизнь мою Всемогущему спасши было благоугодно; но общее злоключеніе сіе лишило и меня немаловажной части имущества, запопило между прочимъ мою библіотеку и весь заводъ какъ изданныхъ уже въ свѣсь двухъ частей моего перевода *Иліады*; такъ и третьей части, еще неизданной. Оспавалось напечатать не болѣе чешырехъ листовъ, и я сдержалъ бы свое слово. Часть сія непременно вышла бы въ концѣ нынѣшняго года; если бы незапное бѣдствіе не приостановило, и можетъ быть, надолго работы, въ типографіи Департамента Просвѣщенія, въ коей она печатается, и не угрожало бы невозвращною ушрашою всего въ ней напечатаннаго и въ ней оспающагося. Послѣ шаковаго злополучнаго событія, опшращеніе коего не опъ челоуѣка зависипъ, лшсупъ надеждоу, что почтеннѣйшая Публика великодушно снесетъ неисполненіе моего обѣщанія. Впрочемъ, не въ состояніи будучи нынѣ опредѣлить, когда третья часть *Иліады* оппечатается, я буду имѣть честь объявить

о томъ чрезъ періодическія изданія по опечатаваніи оной, если для удовлетворенія ГГ. подписчиковъ число экземпляровъ опечатаваемыхъ уже листовъ ея спасено будетъ отъ испребленія. Печатаніе же Трагедій Софокла въ Типографіи Іоаннесова продолжается, и я не теряю надежды продолжать изданіе Греческихъ Классиковъ, въ 1825 году, невзирая на весьма значительные убытки, мною понесенные. Санкт-петербургъ, Ноября 12 дня 1824 года.

Иванъ Мартыновъ.

2.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Подъ симъ названіемъ въ слѣдующемъ 1825 году, будетъ издаваться въ Москвѣ, новый Журналь иностранной и отечественной Литтературы, Кристики, Наукъ и Художествъ.

Главнымъ предметомъ онаго будетъ: сообщеніе отечественной Публикѣ всего, что только любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ Журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ Европейскихъ Ученыхъ и Писателей, также всѣхъ новыхъ опы-

повѣ и открытій ума человѣческаго въ Наукахъ, Искусствахъ и нравственномъ мірѣ. Но чтобы Телеграфъ, оправдывая свое названіе, взаимно передавалъ изящное и полезное, въ немъ помѣщаются*будущъ спашьи касательно Русской Исторіи, древней Словесности, критическаго обозрѣнія нынѣшней Русской Литтературы и вообще все, что покажетъ иностранцамъ Россію въ истинномъ ея видѣ.

Изъ сего можно видѣшь, что спашьи въ Телеграфъ должны быть разнообразны; но вообще содержаніе ихъ будетъ относиться къ слѣдующимъ предметамъ:

I. Иностранная Словесность.

Переводы во всѣхъ родахъ прозы изящной: повѣсти, сказки, апологи, разговоры, описанія, опривки изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій и Журналовъ.

II. Отечественная Словесность.

Новѣйшія произведенія Русскихъ Писателей въ стихахъ и прозѣ. Многіе извѣстные Русскіе Поэты и Прозаики обѣщали Издастелю украситъ Телеграфъ своими сочиненіями и переводами.

III. Науки и Искусства.

Историческія и Археологическія изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, памятникѣхъ всѣхъ народовъ, и особенно народовъ Славянскихъ, Сѣверныхъ и Азіяскихъ, оц-

носишельно къ Россіи: ихъ языкахъ, памяшннкахъ, Лѣтописяхъ—извлеченія и переводы изъ Писашелей Греческихъ, Скадинавскихъ, Воспочныхъ, Славянскихъ, и вообще изъ сочиненій, признанныхъ классическими и въ Россіи мало извѣстныхъ.

Географическія и Статистическія извѣстія о Россіи и описанія различныхъ многочисленныхъ ея обиташелей.—лучшія статистики изъ ученыхъ иностраныхъ Журналовъ—новыя любопытныя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта.

Сочиненія и переводы касательо Эстетики и Теоріи Изыщныхъ искусствъ.

Критическія изслѣдованія, относящіяся къ Русской Исторіи, Археологіи, Палеографіи—выписки изъ древнихъ Русскихъ сочиненій—Граматы—старинныя нѣсни.—

Непремными статистиками Телеграфъ будуще:

1. *Критическое обзорніе Литтературы Русской Исторіи.*

2. *Критическое обзорніе сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи.*

IV КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

Библиографическія звѣстія о всѣхъ книгахъ и Журналахъ, въ Россіи выходящихъ.

Критическій разборъ новыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ по части Изыщной Словесности, Исторіи, Географіи и Статистики. Кромѣ того, будуще разсматривае-

мы Географическія карты, разные рисунки и музыкальныя произведенія.

Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ и разборъ замѣчательныхъ произведеній Словесности Французской, Англійской и Италіянской.

V. Извѣстія и Смѣсь.

Новѣйшія любопытныя открытія и изобрѣшенія—Археологическія и Историческія находки—Біографіи современниковъ—опечесшвенныя извѣстія—новыя произведенія Художествъ—высказки, засѣданія и задачи Русскихъ и иностранныхъ Академій и Ученыхъ Обществъ.

При каждой книжкѣ будетъ отдѣльное прибавленіе, особенно посвящаемое — *Читательницамъ Телеграфа*: здѣсь найдутъ онѣ небольшія сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ, новости не—политическія, описанія старинныхъ и нынѣшнихъ нравовъ и обычаевъ, Московскія записки, извѣстія объ иностранныхъ театрахъ, концерсахъ и описанія новыхъ модъ *съ картинкою*, хорошо гравированною и оплично разкрашенною.

Кромѣ сихъ картинокъ, по временамъ прилагаются будущъ къ Телеграфу портреты, чертежи, снимки съ почерковъ (*fac simile*) знаменитыхъ людей, ноты и таблицы.

Издаватель Телеграфа выписываетъ всѣ лучшія иностранныя Журналы и газеты; каждое замѣчательно сочиненіе также будетъ

немедленно выписываться. Кому угодно помѣщать въ Телеграфъ свой сочиненія и переводы, могутъ присылать оныя съ надписью на пакетъ: *Издателю Московскаго Телеграфа, въ Москвѣ, въ Университетской книжной лавкѣ.*

Телеграфъ будетъ печататься хороши-ми, чешскими листерами, на бѣлой бумагѣ и выходишь книжками черезъ двѣ недѣли: въ началѣ и половинѣ каждаго мѣсяца выйдеть книжка, состоящая изъ пяти печатныхъ листовъ или 80 страницъ, иногда болѣе и меньше; двадцать четыре книжки, или шесть Частей составляютъ годовое изданіе.

Цѣна за 24 книжки съ 24 рисунками модъ и другими карпинками и нотами здѣсь въ Москвѣ 35 рублей, съ пересылкою во всѣ другія города 40 рублей ассигнацъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, у Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Александра Сергѣев. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ; въ Санктпетербургѣ, у Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи Александра Филипов. Смирдина, въ библиотекѣ ттенія, у Синяго моста, и въ книжномъ магазинѣ Ивана Васильев. Слѣнина. Иногородныя Особы благоволять адресоваться для полученія Телеграфа къ означеннымъ книгопродавцамъ.

Николай Полевой.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. № XX.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА.

(изъ соч. Гейнсіуса.)

Языкѣ НѢмецкій поспешенно и по многимъ трудностямъ вознесся до настоящаго совершенства и употребленности. Онъ произошелъ на берегахъ Каспійскаго и Чернаго морей, среди племенъ, копорыя въ разныя времена и различными путями переселились въ нынѣшнюю Германію. Самый языкъ свидѣтельствовалъ о бѣдномъ и униженномъ сословіи сего грубаго и суроваго народа, копорый не умѣлъ воспользоваться для усовершенія своего нарѣчія ни частыми войнами съ Римомъ, ни знакомствомъ съ чужеземными обычаями и навыками. Только въ претѣемъ и послѣдующихъ вѣкахъ послѣ Р. X., когда несмѣшныя шолды дикихъ племенъ нахлынули съ полуночи на Западъ и Югъ, и наводнили собой не од-

ну Германію, но и всю западную и южную Европу, только тогда положено начало образованію языка Германовъ (такъ Римляне именовали обитателей Нѣмецкой земли). — Къ числу сихъ народовъ переселенцевъ принадлежали и Готы, которые успремались на Западъ, будучи вытѣснены Гуннами изъ обиталищъ своихъ около Чернаго моря. Готы сходствовали съ Германцами своимъ нарѣчьемъ; но ихъ языкъ опчаспи сдѣлалъ уже важные успѣхи въ обработанности. Вѣра Христіанская была имъ извѣстна, и вскоре распространилась еще болѣе, когда Ульфалась, одинъ изъ ученыхъ мужей сего народа и благочестивый Христіанинъ, изготавилъ на Готскомъ языкѣ переводъ Новаго Завета, изобрѣщая письмо, изъ буквъ Греческихъ и Латинскихъ образованное.

Итакъ переселеніе народовъ содѣйствовало къ усовершенствованію Нѣмецкаго языка. Между племенами Германскими возникли благоустроенныя Государства, когда они познали необходимость верховной власти; земля Нѣмецкая очистилась отъ неизмѣримыхъ льсовъ и

болошь; нравы народныя смягчились Христіанскою Вѣрою; по потребности умножились; понятія обогатились, а такимъ образомъ и языкъ приобрѣлъ новыя слова для выраженія сихъ новыхъ понятій. Но еще великимъ затрудненіемъ, задерживавшимъ успѣхи языка, были воинственныи духъ дворянства и упрямая привязанность Духовенства къ испорченной Латинѣ того вѣка, которая употреблялась и въ ученыхъ сочиненіяхъ и въ условахъ общественныхъ .

Но съ восшествіемъ на престолъ Императорскій Карла Великаго (768) улучшение языка спало ощутительнымъ. Сей Государь, столь же дальновидный, сколько мужественный, оказалъ наукамъ важныя услуги своими мудрыми установленіями и собственнымъ примѣромъ. Онъ пробудилъ невѣжественное духовенство отъ обычной дремоты; учредилъ при всѣхъ монастыряхъ училища; назидателями въ нихъ поставилъ самыхъ искусныхъ людей своего времени; повелѣлъ обучать безденежно; собиралъ рукописи оплчныхъ твореній; устроилъ по монастырямъ книгохранилища; призывалъ уче-

ныхъ въ свое Государство; самъ, какъ знашокъ древнихъ языковъ, писалъ Лапінскіе списки, и даже основалъ ученое общество при Дворѣ своемъ. -- Радѣя объ успѣхахъ наукъ вообще, Карлъ Великій не менѣе поощрялъ и языкъ опечесшвенный. Онъ собиралъ древнѣйшія героическія Поэмы Германцевъ; далъ Нѣмецкія наименованія мѣсяцамъ, копорые дошолъ имѣли имена Лапінскія; успавиль, что бы поученія церковныя предлагаемы были на Нѣмецкомъ языкѣ; началъ даже самъ со-спавляшь Грамматику онаго, и вообще во всѣхъ предпріяніяхъ являлъ себя любитель и покровитель опечесшвенныхъ обычаевъ и знаній.

Въ Государствованіе сына и преемника его, Людовика Благочесшваго, успѣхи Нѣмецкаго языка были не споль замѣпны—хотя и сей Государь учреждалъ новыя училища и снабдилъ новообращенныхъ Саксонцевъ переводомъ Св. Писанія въ спискахъ на ихъ нарѣчій. По смерти его, при раздѣлѣ Государства на части, Германія досталась въ удѣлъ сыну его Людовику, прозванному Германскимъ, копорый ревностнѣе заботился объ усовершеніи

языка своего народа. Примѣръ Монарха поощрялъ подданныхъ, и въ его царствование явились опличные мужи, копорые изучали опечеспвенный языкъ и на ономъ писали. Между ними опличающся Рабанъ и Опфридь: первый положилъ начала къ составленію Нѣмецкаго Словаря; послѣдній оставилъ намъ переводъ спихами чепырехъ Евангелисповъ. Но благодѣшья слѣдспвія сихъ усилій обнаружились гораздо позже, преимущеспвенно опъ шого, что прочіе Нѣмецкіе Государи изъ Франконскаго дома ничего важнаго для языка не совершили. Уже въ концѣ XII сполѣпія подъ владычеспвомъ Швабскихъ Имперашоровъ, ожила съ новою силою склонность къ испуспвамъ и наукамъ, и въ сіи времена образовались Швабскіе спихопворцы, подъ наименованіемъ Миннезингеровъ; ихъ современниками и соперниками были Французскіе Трубадуры въ Провансѣ. Въ числѣ Миннезингеровъ, возбудившихъ удивленіе во всей Германіи и вдохнувшихъ всѣмъ охошу къ соревнованію, находились и самыя Имперашоры, копорые сдѣлали Поэзію господспвующимъ увеселеніемъ при дворахъ своихъ.

Такимъ образомъ положено основаніе къ водворенію между Германцами упонченнаго вкуса, который въ послѣдствіи учинился ихъ руководителемъ на прудномъ поприщѣ учености. Но подь конецъ тринадцатаго вѣка замолкли сладостныя пѣснопѣнія Швабскихъ Спихопворцевъ. Императорскій домъ и другія Княжескія поколѣнія, бывшія покровителями Музы Германской, большею частію пресѣклись; мѣсто Поэзіи, которой измѣнила непоспоянная мода, заступили другія увеселенія, и тогда наименованіемъ спихопвореній спали украшались низкія мысли и вялыя вирши такъ называемыхъ Мейсперзенгеровъ.

Однако за симъ упадкомъ Поэзіи въ послѣднюю половину четырнадцатаго вѣка, наступило счастливѣйшее время для образованности и учености вообще. Города спали цвѣтущіе и могущественные; изобрѣшеніе бумаги произвело дешевизну письменныхъ припасовъ; во многихъ мѣстахъ основались Университеты, паденіе Констанцинополя населило берега Италіи Греческими учеными, опъ копорыхъ Германцы заимствовали знанія и

вкусъ и вѣдряли оныя въ своемъ опечесствѣ: тогда ознакомились съ древними писателями Греціи и Рима, и наконецъ изобрѣшенное Гуштенбергомъ искусство привело въ дѣятельнѣйшее обращеніе лучшія книги, копорыя дошолѣ падали въ безвѣспности, или были переписываемы весьма немногими.

Къ симъ счастливымъ обстоятельствомъ, въ началѣ XVI вѣка, присоединилась еще Реформація, копорая имѣла сильное вліяніе на всѣ отрасли наукъ и развитіе мысленной способности челоѣковъ. Люшеровъ переводъ Священнаго Писанія былъ первою книгою, написанною чистымъ и правильнымъ языкомъ Нѣмецкимъ—книгою, копорая вскорѣ распространилась повсюду и копорую нишадли съ жадностію, хошя и скрышно, опасаясь преслѣдованій, со стороны Капюлическаго духовенства. Онъ сочинилъ и перевелъ многія духовныя пѣсни для церковнаго пѣнія; написалъ многія шворенія, исполненныя силой и обиліемъ мыслей. Современники Люшера ревностно читали, его шворенія, оспоривали, защищали, и это послужило поводомъ ко многимъ со-

чиненіямъ на Нѣмецкомъ языкѣ; а такимъ образомъ и къ улучшенію послѣдняго .

Успѣшными уиіліями сего достойнаго мужа, верхнесаксонское нарѣчіе взяло перевѣсъ надъ нижнесаксонскимъ; а изъ нихъ обоихъ, преимущественно же изъ перваго, образовался вышнегерманскій, или собщвенно Нѣмецкій языкъ, который со времени Реформаціи сдѣлался книжнымъ языкомъ всѣхъ писателей, и разговорнымъ утонченнаго общежитія.

Послѣдовавшіе за Реформаціею годы не были благоприятны для языка; возникшая повсюду спрасъ къ богословскимъ спорамъ не ускорила усовершенствованія языка; а смуты приданнѣйшей войны вовсе остановили его успѣхи. Уже и тогда, но еще болѣе въ XVII вѣкѣ, выходцы Французскіе, вселившіеся въ Германію, указали Нѣмецкій языкъ и выпѣснили его изъ высшаго общества, изъ домовъ знатныхъ вельможъ и изъ дворовъ Государей Германскихъ. Моуществомъ все- сильной моды и испорченнаго вкуса, слова самыя правильныя, самыя чиспыя, замѣнялись словами Французскими, раз-

говоръ спалъ условною мѣною пустыхъ, безмысленныхъ учтивостей; выраженія вѣрныя и ясныя, какъ въ письменномъ, такъ особливо въ разговорномъ языкѣ, почитались признаками поспыднаго невѣжества. Несмотря на то, посреди звуковъ оружія слышны были нѣжныя пѣснопѣнія Опишца, и со всеобщемою спрашю къ подражанію боролось мужество Томазіуса, кошорый раскрывая своимъ единоземцамъ ихъ собсвенныя силы, какъ испинный Германецъ, писалъ на языкѣ опечеспвенномъ, и упошреблялъ его при всенародномъ преподаваніи. Онъ пробудилъ въ Германцахъ свободу мышленія и свободу письма, и съ симъ духомъ вступили они въ осьмоенадесапъ сполѣпіе, въ кошоромъ Лейбницъ, богатый учеными свѣдѣніями, одаренный пронцашельносшію и краснорѣчіемъ, сильно дѣйствоваль на всѣ опрасли челоувческаго знанія своимъ философскимъ умомъ. Ему соревноваль съ равною неушомимосшію Вольфъ, и своею философическою почносшію сообщаль языку бѣольшую правильносшь и опредѣлительносшь. Чрезъ ближайшее знакомсшво ученыхъ съ образцо-

выми твореніями Грековъ и Римлянъ, чрезъ постоянное изученіе ихъ, при руководствѣ очищеннаго вкуса, сообщены языку Нѣмецкому полноша и богатство мыслей, и многіе отличные мужи, преимущественно Іоганнъ Геснеръ, усстремились подражашь Краснорѣчію и Поэзіи древнихъ.

Наспавленные сими достойными предшественниками, Германцы неушомимо пишали пламя соревнованія и въ половинѣ испекшаго спольпія оно вспылало сильнѣе: тогда лучшія произведенія Французовъ и Англичанъ, оцѣненныя вѣрнымъ вкусомъ, предложены были на Нѣмецкій языкъ. Его свойства и составъ учились предметомъ систематическихъ изслѣдованій, а очищеніе его опъ иноземныхъ, особливо Французскихъ словъ, цѣлю постоянныхъ усилій Гопшеда, копорый изготавилъ Нѣмецкую Грамматику, собиралъ лучшія правила Краснорѣчія и Стихотворства, и хотя самъ не былъ ни Орашоръ, ни Поэшь образцовый — но имѣлъ благодѣтельное вліяніе на Вишій и Стихотворцевъ своего времени. Изъ прежняго мрака возникли Мозгеймъ и

Иерузалеми, а попомъ Цолликоферъ, и сіи духовные проповѣдники явили въ своихъ швореніяхъ примѣры истиннаго краснорѣчія.

Такъ приближалось то время, когда Галлеръ учинился любимцемъ своего народа; когда языкъ его швореній, мощный и чистый, заслужилъ всеобщее вниманіе и привлекъ подражателей. Возбужденныя имъ и предшественниками его новыя мысли, благородство понятій, чистота выражений вскорѣ были усвоены народу швореніями Геллерша, который нѣжнымъ, безыскусственнымъ краснорѣчіемъ сердца снискалъ чипапелей во всѣхъ состояніяхъ, и съ легкостью и гибкостью выражений испытывалъ свой піишическій даръ во многихъ опрасьяхъ Спихошворшва. Между темъ какъ съ необыкновенною жадностью расхватывались шворенія сего писателя, Клейспъ, вдохновенный красотою природы, воспѣвалъ прелестъ весны; Саломонъ Геснеръ описывалъ невинность сельской жизни, а Лессингъ, одаренный рѣдкими способностями, дѣйствоввалъ на образованіе народныхъ нравовъ, исправляя Нѣмецкую сцену, и спяжалъ

безсмертную славу заслугами своими въ Спихошворспвѣ; въ языкѣ и въ красно-рѣчи.

По сему счастливому пупи, особливо въ послѣднюю четверть минувшаго вѣка, спремилась Германцы къ той высокой совершенства, на копорой теперь ихъ усмашриваемъ. Образованнѣйшіе народы Европейскіе, бывшіе некогда насмашниками Нѣмцевъ, теперь видя ихъ частію соперниками, частію побѣдителями своими, изучающъ ихъ языкъ и пользуясь умешвенными ихъ сокровищами для обогащенія и улучшения собшвенныхъ познаній. Во всѣхъ заведеніяхъ обучающъ Нѣмецкому языку, и Нѣмецкое юношество, взаимною крипикою и сстрогою внимательностію къ своимъ произведеніямъ стараются сдѣлать болѣе общими правильность и чиспому опечеспвеннаго языка. Ученые менѣе снисходительны къ 'нерадивости своихъ современниковъ: они соединяются въ Общества, или дѣйствующую отдѣльно какъ Спихошворцы, Орашоры, и Филологи. Исторія Нѣмецкаго народа съ честію наименуешь и сохранишь для вѣковъ память мужей, ка-

ковы: Клопишпокъ, Виландъ, Геше, Фоссъ, Гердери, Рамлери; Енгель и Шиллери, и каковы изслѣдователи языка: Аделунгъ, Ебергардъ, Кампе.

В. К — ий.

О НАВОДНЕНІЯХЪ ВЪ С П. БУРГЪ *).

Вторая часть *Сочиненій* (Акта) *Императорской Академіи Наукъ* на 1777 годъ содержишь въ себѣ разсужденіе покойнаго Академика Крафта о наводненіяхъ въ Санкшъ - Пешербургъ, особенно о бывшемъ въ 1777 году, сильнѣйшемъ всѣхъ досель происходившихъ. Крапкая выписка изъ сего разсужденія конечно будетъ приятна читателямъ сихъ вѣдомостей.

Самое давнее наводненіе, о которомъ извѣстно, было въ 1691 году, за двѣнадцать лѣтъ до основанія Санкшъ - Пешербурга. Легко представитъ себѣ можно, что тогда не думали измѣришь высоту воды; между темъ дошедшія до насъ извѣстія могутъ намъ дать досщашочное

*) *St Petersburgische Zeitung*. N° 96. Freitag, den 28 November 1824.

понятіе о величинѣ сего наводненія. Именно оно простиралось до принадлежавшей еще тогда Шведамъ крѣпости *Ніэншанца при Охтѣ*, вершъ за пять вверхъ по Невѣ опѣ Санкшъ-Петербуржской крѣпости. По сему вычислено, что вода на Невѣ поднялась до ужасной высоты, 25 футовъ сверхъ обыкновеннаго положенія; однако же таковыя вычисленія весьма ненадежны, ибо предполагаюшъ почное познаніе высоты какъ тогдашней поверхности земли, такъ и выступившей изъ береговъ Охты воды, чего мы вовсе не имѣемъ. Изъ сего вѣрнѣе заключишь можно, что вода достигла тогда такой высоты, что даже самыя возвышенныя части столицы, нынѣ совершенно предохраненныя опѣ всякаго наводненія, спояли бы подъ водою. Замѣчательно припомъ, что, по словамъ рыбаковъ, тогдашнихъ единственныхъ обитателей сей страны, выступленіе Невы изъ береговъ случилось почти правильно каждыя пять лѣтъ; напрошивъ того въ новѣйшія времена никогда не примѣчали правильнаго періода. Коль скоро рыбаки сіи предостерегаемы были западными бурями опѣ у-

грожающаго прилива, по они крѣпко привязывали къ деревьямъ деревянныя хижины свои, и спасались на Дудерофской горѣ, удаленной отсюда отъ 30 до 40 верстъ. Ишакъ они не находили ни одного ближайшаго пункта, споль возвышеннаго, что вода его не достигала.

Первое наводненіе, по основаніи города Санктъ-Петербурга, произошло въ 1715 году. Оно пошопило почти весь городъ, сорвало всѣ мосты, и разрушило деревянную набережную Невы, замѣненную въ послѣдствіи гранишною.

5 Ноября 1721 года Нева поднялась на 7 фушовъ 4 дюйма сверхъ обыкновеннаго положенія, 2 Октября 1723 на 7 фушовъ 7 дюймовъ; 5 Ноября 1725 на 5 фушовъ 9 дюймовъ, 1 Ноября 1726 на 8 фушовъ 2 дюйма.

За симъ послѣдовали до 1777 почти въ каждомъ году приливы, при коихъ вода поднималась выше 3 фушовъ. Тѣ изъ нихъ, при коихъ вода возвышалась отъ 6 до 8 фушовъ сверхъ обыкновеннаго, и пошому въ самомъ дѣлѣ зашопляла часпъ города, произошли въ годахъ: 1729, 1744, 1752, 1756, 1757, 1759, 1762, 1763, 1764,

1777, и припомъ всѣ въ послѣдніе четы-
ре мѣсяца года; иныя изъ нихъ оплеча-
ются примѣчательными обшоятель-
ствами. 9 Сентября 1744 по упру, вода,
при сильномъ воспочномъ вѣпрѣ пакъ упа-
ла, что въ городѣ каналы почти до дна бы-
ли сухи; но послѣ полудня вѣпрѣ пере-
нился на юго-западный, и преврашилъ въ
бурю, кошорая произвела ночью великое на-
водненіе. Въ 1752 году вода спояла выше 6
фушовъ 22, 25, 26, 28 Окпября и 11 Декабря;
28 Окпября вода удержалась во весь день на
сей высотѣ, хошя вѣпрѣ почти совсемъ
ушихъ; попомъ узнали, что между темъ
была буря опъ юго-запада на Балпійскомъ
морѣ. Въ 1764 вода спояла въ продолженіе
четырёхъ дней (опъ 18 до 22 Ноября) на
высотѣ 7-8 фушовъ при совершенной пи-
шинѣ. Именно въ сей разъ наводненіе имѣ-
ло совсемъ другую причину, нежели обык-
новенно; наносный ледъ взгромоздился при
устьѣ Невы, и шакъ въ немъ сперся, что
вода не могла спекашъ; послѣдствіемъ
пого было, что малая Нева и Фоншанка,
въ устьяхъ коихъ не находилось льду, не
выступили изъ своихъ береговъ, и что
наводненіе коснулось шолько береговъ

большой Невы и Мойки. По той же причине въ слѣдующемъ году Нева поднялась ошь 24 до 26 Ноября на $5\frac{1}{2}$ фушовъ, хопя дуль сильный сѣверо-воспочный вѣпръ.

Санкшъ- Песербургъ ни ошь какого наводненія доселѣ сполько не шерпѣль, какъ ошь бывшаго осенью 1777 года, кошорое было шемъ ужаснѣе, чшо случилось ночью; извѣспно, чшо значишь въ нашемъ климашѣ дождливая, бурная осенняя ночь. 9 Сеншября и въ ночь на 10е поднялась буря ошь юго-запада, и баромешпръ упаль въ сіе время почши на 1 дюймъ, при дождѣ и шеплошѣ 6 градусовъ Реомюра. По ушпру въ 6 часовъ вода доспигла величайшей высошы своей 10 фушовъ, 6 дюймовъ при Адмиралшейспѣвѣ; въ Кроншпадшѣ спояла она 3 фушами ниже. Спранно великое сходспво всѣхъ обшпояпельспѣвъ при семъ наводненіи съ шѣми, кошорыхъ мы были очевидцами 7 Ноября сѣго года. При обоихъ направленіе вѣпра, спояніе баромешпра и шермомешпра были почши одинаковы; сначала вода поднималась медленно, но въ продолженіе одного часа съ быспрошою, запруднявшею всякое спасеніе, и до шакой высошы, чшо

причинила почти во всѣхъ часняхъ города ужаснѣйшія опустошенія; наиболѣе пострадали Васильевскій островъ и Пешербургская сторона. Когда въ полдень 10 Сентября 1777 года улицы опять высохли, то во многихъ часняхъ Васильевского острова успремилась водомешы съ влажной поверхности земли, а опъ подмытія фундаменшовъ произошли прещины въ мостовой улицѣ и въ снѣгахъ нѣкоторыхъ домовъ, какъ будто - бы послѣ землетрясенія. При Шлассенбургѣ оказалось въ Невѣ совсемъ противоположное движеніе: въ то же время, и при томъ же вѣтрѣ, такъ упала вода, что корабли оспались на сушѣ. Безъ сомнѣнія тому причиною, что юго-западный вѣтръ прямо противоположенъ истоку Ладожскаго озера въ Неву, и посему погналъ воду сего озера къ сѣвернымъ берегамъ его. Между темъ, по прошествіи часа, оказались слѣдствія противоположныя сей бурей поднявшейся воды и давленія при Санктъ - Пешербургѣ возвысившейся Невы: вода стремительно поднялась до необыкновенной высоты, сколько равновѣсія того пребовало.

Сіе великое наводненіе (1777) произошло ошъ спеченія многихъ обшояшельспвъ; и если позволено будетъ приняшь за правило, чпо всѣ сіи причины должны всегда спекашься вмѣспѣ, для произведенія сего дѣйсшвія, то кажешся нельзя шакъ легко, или шакъ скоро опяшь опасашься шакого несчастія; да и въ самомъ дѣлѣ прошекло почти полвѣка ошъ погдашняго великаго наводненія до величайшаго еще 7 Ноября сего года. Сіи обшояшельспва въ 1777 году были слѣдующія: за нѣскольکو дней до 10 Сеншября свирѣпшвовали въ Сѣверномъ морѣ бури ошъ запада, погнавшія валы къ берегамъ Скандинавіи и Скагеррака; пошомъ послѣдовали бури ошъ сѣвера, кошорыя взгроможденную воду пронесли чрезъ Капшегапъ и Зундъ въ Балшійское море; и наконецъ бури ошъ югозапада промчали приливъ въ Финскій заливъ и Неву. Любопышно было бы знашь, примѣчены-ли шѣ же самыя направленія вѣшровъ и предъ 7 числомъ Ноября сего года, когда Нева поднялась еще на полшора фуша выше, нежели въ 1777 году? 3 Ноября сего года поднялась Эльба при Гамбургѣ на

19 фушовъ; какъ сіе случилось за чепыре дня до послѣдняго наводненія въ Санктъ-Петербургѣ, шо вѣроятно, что при семь шѣ же дули вѣспры, какъ и въ 1777 году.

Великое несчастіе, причиненное наводненіемъ 1777 года, подало поводъ къ мудрымъ распоряженіямъ, учиненнымъ *Императрицею Екатериною II*, коихъ благодѣшельныя дѣйствія оказались въ послѣдствіи, равно какъ и при наводненіи 7 Ноября. Сіи распоряженія соспошпъ, между прочимъ, въ сигналахъ, даваемыхъ пушечными выспрѣлами, колокольнымъ звономъ, флагами и фонарями, для предосперереженія жишелей опъ угрожающей опасности; далѣе—въ прубахъ со сводами подъ всѣми улицами, посредствомъ коихъ, по крайней мѣрѣ, вода, коль скоро она опяшъ понизилса въ Невѣ, можешъ шопчасъ спекашъ съ улицъ и бышъ выкачена изъ погребовъ; наконецъ въ приказаніи во всякое время содержашъ въ гошовности въ часпяхъ города, наиболѣе подверженныхъ пошопленію, досшашочное число гребныхъ судовъ, для спасенія людей, находящихса въ опасности.

Не подвержено сомнѣнію, что самыя главныя и обыкновенныя причины наводненія суть вышеприведенныя, именно означенныя шамъ различныя направленія вѣтра. Однакоже не нужно, что бы вѣтры послѣдовали' одинъ за другимъ въ томъ же порядкѣ, какъ по случилось въ 1777 году; напрошивъ того надлежитъ ожидать величайшаго прилива, когда въ одно время начнутъ свирѣпствовать бури отъ запада въ Сѣверномъ морѣ, отъ сѣвера въ Каптегатѣ, отъ юго-запада въ Балтійскомъ морѣ, и отъ запада, или юго-запада въ Кронштадтскомъ заливѣ. Однако же необходимое при томъ условіе, что бы всѣ сіи вѣтры довольно долго дули, для произведенія своего дѣйствія, ибо всякое дѣйствіе въ природѣ пребуешь извѣснаго времени, и трудно опредѣлишь до какой степени поднялась бы вода, если бы западный вѣтръ въ полдень 7 Ноября съ равною силою продолжался нѣсколько часовъ долѣе. У насъ часто случающіяся въ иныхъ направленіяхъ бури, продолжающіяся три дня; но къ счастію бури въ опасномъ направленіи были доселѣ всегда кратковременны.

Сии главныя причины, зависящія отъ силы, направленія и продолжительности вѣтровъ, могутъ быть усилены, или ослаблены побочными обстоятельствоми. Мы видѣли 7 Ноября, съ какимъ порывомъ Нева успремилась назадъ къ своему истоку: явленіе, случающееся только у жипелей береговъ Океана, и извѣстное подъ именемъ: *прилива и отлива*. Наводненіе не иное что есть какъ вѣспрамитъ вынужденный, необыкновенный приливъ; ипакъ оный увеличивается чрезъ соединеніе свое съ естественнымъ приливомъ, случающимся чрезъ каждые двѣнадцать часовъ, и бываетъ шемъ болѣе, чемъ значительнѣе послѣдній, который шакже не всегда имѣетъ равную силу. Извѣстно, что ежедневныя явленія прилива и отлива суть послѣдствія припяженія солнца и луны, въ особенноти послѣдней; что слѣдственно приливъ будетъ сильнѣе, когда дѣйствія обоихъ свѣтилъ соединяшся вмѣсто прошиводѣйствія другъ другу, и когда припягательная сила ихъ, особенно луны, бываетъ сильнѣе: первое случается чрезъ нѣсколько дней послѣ новаго, или полнаго мѣсяца; послѣднее, ког-

да луна находишся въ ближайшемъ раз-
 сстояніи опъ земли, особливо при равно-
 денспвіи. Ипакъ надлежишь опасашься
 величайшихъ наводненій, когда случашся
 бури опъ запада во время равноденспвій
 и приближенія луны къ землѣ, чрезъ при-
 или чешыре дня послѣ новолунія, или пол-
 нолунія. Всѣ сіи обспоятельствва въ са-
 момъ дѣлѣ спеклись при великомъ навод-
 неніи 10 Сеншября 1777, въ самый день
 осенняго равноденспвія, чрезъ чешыре
 дня послѣ полнолунія, и два дни послѣ
 величайшаго приближенія луны къ землѣ.
 Наводненіе, до котораго мы нынѣ дожи-
 ли, случилось, на канунѣ новолунія, и
 чрезъ чешыре дня послѣ приближенія луны
 къ землѣ. Однако же при величайшихъ на-
 водненіяхъ въ Санкшъ-Пешербургѣ случа-
 лись многія изьяшія изъ сего правила;
 природа показываешъ намъ и здѣсь, что
 она не позволяешъ намъ предписывашъ
 себѣ никакихъ правилъ и богаче, нежели
 мы думаемъ, средспвами какъ къ воспан-
 новленію, пакъ и къ разрушенію. Впро-
 чемъ легко поняшь можно, что луна, или
 приливъ и опливъ можешъ имѣшь силь-
 ное вліяніе шокмо на наводненія при бе-

регахъ Сѣвернаго моря, но менѣе въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ вообще нѣтъ примѣрнаго прилива и отлива.

Напрощивъ того присоединяешь къ сему другое мѣстное обстоятельство, которое къ сожалѣнію такого рода, что всего болѣе способствуетъ наводненіямъ, но никогда не можешь содѣйствовать къ ихъ уменьшенію, и что оно, какъ ракъ, непримѣннымъ образомъ все далѣе распространяется. Опшми, песчанья мѣли и засоренія, находящіяся, или еще опкрывающіяся и ежегодно умножающіяся въ Невѣ, особливо въ устьѣ ея, ко вреду судоходства, способствуютъ наводненіямъ не только чрезъ то, что сужаютъ русло Невы, но также и потому, что уменьшаютъ силу теченія. Наводненіе происходитъ отъ борьбы между теченіемъ и противоположною бурей. Доколѣ вода спекаетъ скорѣе, нежели назадъ прогоняется въпрямь, Нева не можешь вышутить изъ своихъ береговъ; но она должна возвыситься и наконецъ разлиться по своимъ берегамъ, когда буря отъ запада преодолѣетъ теченіе отъ востока. Ипакъ всякая причина, ослабля-

ющая силу печенія, какъ по: задержаніе онаго льдинами въ 1764 и 1765 годахъ, или песчаными мѣлями и опмѣлями, спавишся союзницею бури, и способствувешъ дѣйствію оной, наводненію.

Къ сожалѣнію извѣстно, что сія послѣдняя причина ежегодно умножается; однако же естъ прошиводѣйствующія ей силы; и можно надѣяться, что она сдѣлаешся безвредною чрезъ постепенное возвышеніе береговъ и низкихъ частей города, чрезъ проведеніе новыхъ каналовъ и очищеніе Невы.

Съ Нѣмецкаго. П. Яковлевъ.

~~~~~

ГАЛЛЕРЪ.

(Albrecht von Haller.)

Сей необыкновенный писатель, по справедливости названный ошъ современниковъ *Великимъ* за отличныя заслуги свои по части Анапоміи, Физиологіи, Бошаники и Поэзіи, родился въ Бернѣ 16 Октябрю 1708 года. Съ слабымъ шло-сложеніемъ и угрюмымъ характеромъ онъ

получилъ опъ природы рѣдкія душевныя способности: на шестомъ году началъ учиться Лашинскому, на седьмомъ и восьмомъ Греческому и Еврейскому языку. Испорія и Естествоученіе имѣли для него величайшую прелесть. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ сочинять стихи въ Логенщпейновомъ вкусѣ, который однакожь скоро опвергнулъ.—По смерти опца своего продолжалъ науки въ Бернской Гимназіи, потомъ въ Вилѣ, Тюбингенѣ, Лейденѣ (подъ руководствомъ знаменитыхъ Боэргава и Альбина); на девятнадцатомъ году получилъ степень Доктора Медицины; послѣ чего ѣздилъ въ Англію и Францію, и нѣсколько лѣтъ провель въ Базелѣ, гдѣ славный Бернулли преподавалъ ему высшую Математику. Будучи спрогъ къ самому себѣ, онъ въ одинъ день, счастливый по собственнымъ словамъ его, сжегъ всѣ свои прежнія, безчисленные стихопворенія: пастушескія пѣсни, трагедіи, эпическія поэмы и другихъ родовъ. Продолжительныя и неупомимыя занятія разспроили его здоровье, для поправленія котораго онъ предпринялъ путешествованіе по Альпійскимъ горамъ и во

все это время прилѣжно занимался Бошаникою. Въ 1729 году Галлеръ оиашь поселился въ Бернѣ, и хопя здѣсь удачно занимался пракпическою часпю Медицины, однако Правительство не хопѣло опредѣлишь его врачомъ при одной больницѣ пошому шолько, что онъ былъ Поэшь. Первое собраніе своихъ спикопвореній издалъ онъ въ 1732 году безъ своего имени. Между шемъ досшопнсшва его сдѣлались извѣспными Ганноверскому Миниспру Мюнхгаузену, который досшавиль ему мѣсто Профессора Анапоміи и Бошаники при Гешпингенскомъ Университешѣ. Здѣсь онъ пробыль семнадцать лѣшь (съ 1736 по 1753) съ величайшею пользою для наукъ и чеспю для своего имени. Двѣшельность его превосходитъ въ рояшіе, и едва ли кто изъ ученыхъ написаль болѣе Галлера. Въ продолженіе пребыванія своего въ Гешпингенѣ издалъ онъ *восемьдесятъ шесть*, большею часпю анапомическихъ, медицинскихъ и бошаническихъ сочиненій; рецензіи его, копорыхъ онъ въ печеніе жизни своей написаль до *двѣнадцати тысячъ*, обнимающъ почши всѣ опрасли человекскаго позна-

нія. Слава его распроспранилась по всѣй Европѣ. Знапнѣйшія Академіи поднесли ему дипломы на званіе члена. Императоръ Франць I, желая почпипшь заслуги сего необыкновеннаго мужа, возвелъ его со всемъ потомствомъ въ Имперское дворянство. Король Шведскій пожаловаль ему орденъ Сѣверной Звѣзды. Въ 1753 году Галлеръ оспавиль Гешпингенъ, что бы вспупипшь въ опсправленіе почешныхъ общеспвенныхъ должностей, въ копорыя избрало его правпшельство города Берна. Многія учрежденія, сдѣланныя имъ для блага опечества, доказывають, что онъ имѣль всѣ качеспва, нужныя для государспвеннаго человѣка. Глубокія полиспическія свѣдѣнія свои изложилъ онъ въ шрехъ романахъ, копорыми заключиль свое поприще въ области изящной липшерашурь. Въ *Узонѣ* предспавиль онъ идеаль совершеннаго деспотическаго правленія; въ *Алфредѣ*—ограниченнаго монархическаго, въ *Катонѣ* и *Фабіѣ* преимущеспво ариспокрапіи предъ демокрапическимъ правленіемъ. Впрочемъ сіи романы, при всей поучптельной пользѣ и достоинствѣ слога, вскорѣ были забышы пошому, что

чувство и воображеніе не находить въ нихъ никакой для себя пищи. Императоръ Іосифъ II, проѣзжая чрезъ Швейцарію, удостоилъ Галлера своимъ посѣщеніемъ; вскорѣ попомъ сей великій мужъ скончался 12 Декабря 1777 на семидесятомъ году опъ рожденія. Онъ былъ раздражительнаго темперамента и склоненъ къ ипохондріи; честолюбіе обладало имъ въ высокой степени; впрочемъ онъ чрезвычайно уважалъ добродѣтель и особенно былъ привязанъ къ Религіи, копорую сильно защищалъ опъ нападеній Вольпера и его приверженцовъ. Заслуги Галлера по части Естественнаго и Медицины незабвенны. Можно сказать, что онъ былъ самый ученый изъ всѣхъ Поэтовъ древности и новѣйшихъ временъ. При всемъ томъ Муза его не любила щеголять познаніями и умѣла держать себя въ надлежащихъ предѣлахъ. Хотя онъ не принадлежалъ къ числу величайшихъ Поэтовъ; однако стихотворенія его, исполненныя благородныхъ, великихъ и смѣлыхъ идей, озарили Нѣмецкую Поэзію новымъ свѣтомъ и сославили эпоху въ ея исторіи. Творческое воображеніе не при-

надлежишь къ преимуществамъ Галлерова гения, рожденнаго болѣе для глубокомысленныхъ, ученыхъ изслѣдованій. Характеръ Поэзіи его есть *дидактическій*.— Чувство Религіи придаетъ его изображеніямъ особенную силу и важность: вообще онъ болѣе смотрѣлъ на поучительную часть своихъ спихотвореній, нежели на эстетическое ихъ достоинство. Опъ того въ нихъ примѣтна какая-то жесткость, противная Поэзіи, и не сколько происходящая опъ недоспапковъ выраженія, сколько опъ образа мыслей.

Слогъ Галлера силенъ, крапокъ и поччень; но онъ не имѣетъ легкости и наполненъ провинціализмами. Галлеръ самъ чувствовалъ недоспапки своего языка, и что бы извинить ихъ нѣкопорымъ образомъ, назвалъ спихотворенія свои *Швейцарскими*.

Превосходнѣйшее поэтическое твореніе Галлера есть *Описательная Поэма Альпы*, которая не имѣетъ образца ни въ какой липперашурѣ: Ея должно почипашъ плодомъ вдохновеннаго чувства; которое сопровождало Поеша въ его бопаническихъ путешествіяхъ по Альпійскимъ го-

рамъ Вернскаго Капюна. Въ семь стихошвореніи живо доказыаешся, что люди съ просшыми, неиспорченными нравами, живушіе въ нѣдрахъ природы, наслаждающаея самымъ чистымъ и прочнымъ счасіемъ. Каждая мысль, каждое описаніе показыающъ Поэша съ глубокимъ чувствомъ и корощко знакомаго съ нашурою. Правильные спансы превращающъ всю Поему въ галлерео малыхъ картинъ, соспааляющихъ вмѣстѣ гармоническое, прекрасное цѣлое. Несмопря на недоспапки языка и нѣкошорья слабыя мѣста; Альпы всегда будушъ принадлежашъ къ числу ошборнѣйшихъ Нѣмецкихъ стихошвореній.—*Лирическія произведенія* Галлера исполнены разишельными, смѣлыми идеями, истиною чувствъ и силою выраженія. Но и въ нихъ поржеспвенная важность сердечныхъ изліяній спановишся иногда сухою. Спрогая мораль, кошорая всегда прогаешъ совѣсть, оспанавлиаешъ полешъ воображенія и ослабляешъ эспешическое дѣйствіе. Въ самыхъ элегіяхъ, кошорья впрощемъ опличающаея нѣжноспію чувства и въ кошорыхъ онъ оплакиаешъ смершь своей супруги Ма-

ріанни, горестъ его умолкаешъ предъ успѣшеніями Религіи. Между немногими прекрасными *одами* его первое мѣсто занимаетъ *Ueber die Ewigkeit*, можетъ быть самая глубокомысленная изъ всѣхъ одъ, писанныхъ на какомъ либо языкѣ. Къ сожалѣнію она оспалась недокончанною. Сколько Галлеръ приспраспешъ былъ къ нравственнѣмъ сеншенціямъ, доказываетъ уже то, что онъ, а съ нимъ и большая часть его почишпателей—дидакшическому спихопворенію своему: "*Ueber den Ursprung des Uebels*, ошдавалъ преимущество предъ всѣми другими произведеніями своей Музы. Но здѣсь - шо спрогая и часшо угрюмая мораль его распроспраняешся съ шакою силою, что для Поэзіи—кошорая хочешъ изображашъ, а не поучашъ почи не оспашешся мѣста.—Въ шакомъ же родѣ написаны имъ: *Gedanken iiber Vernunft, Aberglauben und Unglauben*. Нѣкошорыя изъ дидакшическихъ спихопвореній Галлера, какъ напр: *die verdorbenen Sitten*, обыкновенно причисляющся къ *Сатирамъ*, хоня онѣ собшвенно не принадлежашъ ни къ какому роду сапирь, переданныхъ намъ древними поэшами. Нѣмцы означа-

юпъ ихъ названіемъ *Strafgedichte*; ибо онѣ кипяпъ презрѣніемъ и ненависпю къ пороку. Даже *Ювеналъ* не увлекался никогда шакимъ порывомъ гнѣва, какъ *Галлеръ*, у котораго и самая насмѣшка являешся безъ малѣйшей улыбки. Сей родъ спихошвореній непосредственно происпекаль изъ характера *Галлера*; почему онъ и оспался на семь полѣ одинъ — безъ подражашелей.

Н. Рашковъ.

~~~~~

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТЕРНОВА *SENTIMENTAL JOURNEY*.

— — — Я уснулъ, и первое слово, паразившее мой слухъ при пробужденіи, было: *Аліенъ*.

Боже! сказалъ я, проширая глаза, эшо самый шопъ городъ, куда должна приѣхашъ моя знакомка.

Аліенъ.

Едва произнесъ я сіи слова, какъ дорожная кареша *Графа N*, въ кошорой сидѣла и сеспра его, быспро промчалась мимо меня; она успѣла шолько покло-

нишься въ знакъ того, что меня узнала; но ея взоръ сказалъ мнѣ, что наше знакомство еще не совершенно прервалось. Вскорѣ моя догадка подтвердилась: и прежде, нежели я окончилъ свой ужинъ, вошелъ въ комнату слуга ея брата съ запискою, въ которой она писала, что приняла смѣлостью обременить меня порученіемъ, доставить прилагаемое при этой запискѣ письмо лично *á madame de R.* въ первое утро, когда я ничемъ не буду занятъ въ Парижѣ. Къ этому она прибавила, что очень жалѣетъ, но по какому *repechant*, того и сама не знаетъ — о томъ, что ей помѣшали рассказать мнѣ свою исторію; что въ семъ отношеніи она остается моею должницею, и что если когда нибудь придется мнѣ проѣзжать чрезъ Брюссель и имя *de madame de L.* — не изгладится изъ моей памяти: по *madame L.* съ удовольствіемъ заплашитъ свой долгъ.

И такъ я опять увижусь съ побою въ Брюссель — сказалъ я — спойшь только возвращаясь изъ Италіи, ѣхашъ чрезъ Германію и Голландію на Фландрію. Это едва сославивъ десятъ спанцій въ сто-

рону, но хопя бы и десяшь пысячь! — Какимъ нравспвеннымъ наслажденіемъ увѣнчаешя мое пушешествіе: она будешь повѣрять мнѣ свои бѣдспвенныя приключенія; изъ милыхъ уснъ спрадалицы я услышу повѣспъ ея скорбей; увижу ее плачущую, и хопя не буду въ соспоянніи осушишь испочника ея слезъ: но какое усладиспельное ощущение обѣщають мнѣ нѣ минушы, когда я буду опирашь слезы съ лица лучшей, прелеспнѣйшей изъ женщинъ, когда буду сидѣшь подлѣ нее цѣлый вечеръ, молча, держа въ рукѣ плашокъ.

Ничего предосудиспельнаго не было въ семъ чувспвованіи; но я въ шу же минушу началъ укоряшь себя за оное въ выраженіяхъ, самыхъ спрогихъ и жеспнокихъ.

Читашель уже знаешь, что спраннымъ опредѣленіемъ судьбы мнѣ суждено почши каждую минушу бышь влюбленнымъ въ кого нибудь — а какъ пламя послѣдней любви моей угасло опъ дуновения ревности при скоромъ поворошѣ моемъ на углу улицы: шо я снова его возжегъ чисшымъ свѣспильникомъ любви къ Эли-

зѣ. Это было за три мѣсяца предъ симъ: тогда я клялся хранить сію любовь во все продолженіе моего существованія.—Зачемъ мнѣ скриваться предъ чинашелемъ? Я клялся ей въ вѣчной вѣрности — она имѣла право на все сердце мое... раздѣлять мою привязанность значило ослаблять ее... испытывать значило подвергать ее опасности: гдѣ есть опасность, тамъ можешь быть и потерян; а тогда, Юричь, какой отвѣтъ будешь ты въ состояніи дать сердцу, столь полному довѣрія и опкровенности, столь доброму, нѣжному, непорочному?

—Не поѣду въ Брюссель!—вскричала я, прерывая самаго себя—Но мое воображеніе, прошивъ воли моей, стремилось далѣе и далѣе.—Я припоминалъ себѣ ея взоры въ послѣднія минуты нашей разлуки, когда никто изъ насъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы сказать: *прости!* Я посмотрѣлъ на поршрешъ, кошорый Элиза повѣсила мнѣ на шею на черной лентѣ — и покраснѣлъ, взглянувъ на него; я ошдалъ бы все на свѣшѣ за то, что бы поцѣловать его, но спыдился.... Ужели сей нѣжный цвѣшокъ, сказала я, сжимая въ ру-

какъ порпретъ, уже ли онъ долженъ бышь сломлень у самага корня, сломлень побою, Юрикъ, копорый обѣщался охраняшь его на груди своей? —

Вѣчный испочникъ блаженства! вскричалъ я, спавъ на колѣни, будь шы свидѣшелемъ, и вы, чиспѣйшіе духи, копорые имъ наслаждаешесь, будьте и вы свидѣшелями, что я не поѣду въ Брюссель, развѣ когда Элиза будешь моею спупницёю—не поѣду, хопя бы дорога пролегала и чрезъ Небо!

Въ воспоргахъ шакого рода, изъ сердца, на зло разсудку, всегда вырывается что нибудь лишнее.

Писмо .

Аліенъ .

Счастіе не улыбнулось Лафлѣру: его подвиги наѣздничества были не удачны, и съ самага всшупленія его ко мнѣ въ званіе слуги, по ешь въ продолженіи почши цѣлыхъ супокъ, онъ не могъ найши удобнаго случая, чтобъ показашь мнѣ свое усердіе. Бѣдняжка стараль опъ не-

перпѣнія; а какъ приходъ слуги Графа Л, принесшаго письмо, былъ для него сча-
 сшлывымъ въ семь опношеніи происше-
 спвіемъ: шо Лафлёръ и не замедлилъ жмь
 воспользовашься. Онъ опвелъ Графскаго
 слугу въ заднюю комнашу госпинницы
 и шамъ попчивалъ его лучшимъ Пикард-
 скимъ виномъ. Слуга же Графа Л, что
 бы съ своей стороны не опсшашь въ
 учшivenessи опъ Лафлёра, пригласилъ его
 съ собою въ домъ Графскій. Привѣзли-
 вощь Лафлёра (ибо одинъ взглядъ его у-
 бѣждалъ уже въ его пользу) скоро при-
 влекла къ нему довѣріе всѣхъ слугъ въ
 кухнѣ; а какъ Французъ — каковы бы ни
 были его дарованія—не любишь скрывать
 ихъ: шо и Лафлёръ, менѣе нежели черезъ
 пяшь минушь послѣ своего прибышя,
 вынулъ флейшу и при первомъ звукѣ ея
 самъ опкрылъ балъ и заспавилъ пля-
 сашь и горничную и мешпрдошеля и по-
 вара и судомойку и всю домашнюю при-
 слугу, собакъ и кошекъ, исключая одну
 шолько пресшарѣлую обезьяну: я ўвѣренъ
 что съ самаго попопа ни въ одной кух-
 нѣ не было шолько веселья.

Madame de L.—проходя изъ покоевъ

братша своего въ ея собшвенные, услышала шумную радость внизу подъ лѣспницею, позвала свою горничную, разспросила ее, и узнавъ, что слуга пущешественника Англичанина развеселилъ всѣхъ своею флейшою, велѣла прислать его къ себѣ.

Доброму Лафлѣру показалось неприлично явиться предъ нею съ пуспыми рукавами; почему, всходя по лѣспницѣ, онъ запасся множествомъ прилѣпствій *á madame de L.* ошъ имени барина своего, прибавилъ длинную апокрифъ освѣдомленій о здоровьи *de madame de L.*, сказалъ ей, что *monsieur* его баринъ *est au desespoir* ошъ того, что она оправилась ошъ изнуренія въ дорогѣ, а въ заключеніе всего, что *monsieur* получилъ письмо, которое *madame* сдѣлала ему чеспъ... И онъ сдѣлалъ мнѣ равную чеспъ, сказала *madame de L.*, преравъ слова Лафлѣра, и вѣрно прислалъ записку въ ошвѣшъ на мою? „

Madame de L. произнесла эшо съ шакою увѣренностію, что Лафлѣръ былъ не въ силахъ оприцательнымъ ошвѣшомъ обманушь ея ожиданія — онъ шрепешалъ за мою чеспъ; и можешъ бышь, несовер-

шенно былъ спокоенъ и на счетъ своей собственнѣй, опасаясь прослышь чело-вѣкомъ, служащимъ у шакого барина, ко-шорый въ соспояннн проспунншься еп-égards vis-à-vis d'une femme. По сей причинѣ, когда madame de L. спросила Лафлера, принесь ли онъ письмо—Лафлёръ опвѣ-чалъ: о qu'oui! Послѣ того, положивъ на полъ шляпу и ошворопивъ лѣвою рукою своей правой боковой карманъ, началъ пра-вою рукою искашь письма—попомъ на оборотъ; Diable! попомъ осмопрѣлъ всѣ карманы по порядку одинъ за другимъ, не забывъ ни одного мѣспа; Peste! послѣ се-го спалъ все выкладывать изъ нихъ на полъ; вынулъ запачканную косынку—пла-шокъ, гребенку, плешку—колпакъ—попомъ заглянулъ въ свою шляпу.....Quelle etourde-rie! Онъ забылъ письмо на сполѣ въ l'au-berge, и сказалъ, что сбѣгаетъ за нимъ и ворошился чрезъ при минуть.

Я шолько что кончилъ мой ужинъ, когда Лафлеръ вошелъ комнѣ въ комнату и разсказалъ въ подробноснн все случи-вшееся съ нимъ: онъ описывалъ приклю-ченнє свое просто, шакъ какъ оно было, и прибавилъ шолько, что если monsieur

забыль (par hazard) опвѣчать на письмо de madame: по положеніе дѣла подаешь возможность загладишь le faux pas; а если не забыль: по все можешь оспашься шакъ, какъ ешь.

Я самъ не швердо былъ увѣренъ въ шребованіяхъ de l'etiquette, должно ли мнѣ было писашь, или нѣшь. Если бы я опвѣчалъ—Чтожь? Самъ чорпъ не могъ бы на шо досадовашь!—Поступокъ Лафлѣра показывалъ шолько забошливое радѣніе доброй души объ охраненіи моей чеспи; и хощя бы онъ избралъ не испинный пущь, хощя бы своимъ усердіемъ привель меня въ хлопоты; но сердце его было невинно: писашь, или не писашь зависѣло опъ моей воли; но вопъ что сильнѣе всего убѣждало меня въ его пользу: ему и въ умъ не приходило, что онъ могъ догадаться не ксшати.

Эшо все очень хорошо, Лафлѣръ, сказалъ я. Эшого было довольно. — Лафлѣръ бросился изъ комнашы съ быспрошою молніи и возврашился, неся въ рукахъ перо, чернильницу и бумагу. Подойдя къ шполу, онъ положилъ все эшо передо мною и припомъ съ шакимъ сердечнымъ са-

модовольствіемъ, что я поневолю принялся за перо.

Я начиналъ, и снова начиналъ; мнѣ казалось, что вовсе нечего писать, и что въ шести, или семи строкахъ нельзя ничего изъяснить; разъ съ десятокъ принимался я писать; но все шло не такъ, какъ мнѣ хотѣлось.

Однимъ словомъ, я былъ не въ духѣ.

Лафлёръ вышелъ и принесъ въ спанканѣ нѣсколько воды, чтобы развесити чернила; попомъ сыскалъ песку и сургуца; но ничто не помогло: я начиналъ писать, и все опяшь вымарывалъ, раздиралъ, сжигалъ, и попомъ принимался снова писать. — *Le Diable l'emporte!* сказалъ я въ полголоса, я не въ состояніи написать этого письма—и въ отчаяніи бросилъ перо.

Перо полетѣло на полъ; тогда Лафлёръ съ самымъ почтительнымъ поклономъ приблизился къ сполу, и распространяясь въ оправданіяхъ той дерзости, которую онъ намѣревался принять, сказалъ, что въ карманѣ у него есть письмо мецо, писанное барабанщикомъ его полка къ женѣ капрала, и которое—какъ онъ

осмѣливаешься думашь-годишься въ наспо-
ящемъ случаѣ.

Мнѣ вздумалось попѣшишь бѣдняжку
и исполнишь все, что ему хотѣлось—
Такъ покажи же мнѣ, пожалуйста, это
письмо, сказалъ я ему.

Лафлёръ попчасъ выпацилъ малень-
кой, грязной книжникъ, шуго набишый
разнаго рода письмами и billets doux; по-
ложилъ его на споль; распушалъ веревку,
кошорою письма были связаны; началъ
перебирашь ихъ одно за другимъ; пока на-
шелъ вышеупомянутое. *La voilà!* вскри-
чалъ онъ, ударивъ въ ладоши; поспѣшно
развернулъ его, положилъ предо мною, и
пока я чипалъ, опспунилъ на при ша-
га ошъ спюла.

Письмо .

Madame,

*Je suis pénétré de la douleur la plus vive,
et réduit en même temps au désespoir par ce
retour imprévu du caporal, qui rend notre ent-
revue de ce soir la chose du monde la plus im-
possible.*

*Mais vive la joie! et toute la mienne sera
de penser à vous.*

L' amour n' est *rien* sans sentiment.

Et le sentiment est encore *moins* sans amour.

On dit qu' on ne doit jamais désespérer.

On dit aussi que monsieur le caporal monte la garde mercredi: alors ce sera mon tour.

Chacun a son tour.

En attendant vive l' amour! et vive la bagatelle!

Je suis,

Madame,

avec tous les sentiments les plus respectueux et les plus tendres, tout á vous,

Jacques Roque.

Вся шрудность соспояла въ помь, чшо бы капрала замънить Графомъ, не говоришь ни слова о караулъ въ среду—и дѣло въ шляпъ! И шакъ, чшобъ порадовашъ бѣднаго Лафлѣра, кошорый препепаль о чеспи моей, о своей собспвенной и о чеспи письма своего—я счиспиль съ него часпицы жира, опъ кошораго оно лоснилось, пригошовиль его на свой ладь, запечашаль и послаль съ Лафлѣромъ къ madame de L.—А на слѣдующее ушпро мы продолжали наше пупешествіе въ Парижъ.

Сб Ангелнск. В. К.,ій

ВЗГЛЯДЪ НА АМЕРИКУ.

Америка находится въ столь шѣстныхъ связяхъ съ Европою, и имѣеть на нѣкопорыя происшествія нашей части свѣща столь значительное вліяніе, (которое, по всей вѣроятности, годъ ошъ году умножашься будешь) что она, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ бышь разсмотрѣна во всѣхъ возможныхъ опношеніяхъ. Здѣсь находимъ мы челоуѣка въ первобытномъ соспояніи его, на низшей степени образованности, но чуждаго ушонченныхъ пороковъ Европейцевъ; незнакомаго съ многоразличными пошребностями роскоши, но въ самой проспощѣ и бѣдности своей часпо посрамляющаго презрительное богатство и слѣпошспивующую мудрость нашу.

Америка, будучи по крайней мѣрѣ въ чешыре раза болѣе Европы, имѣеть въ семь разъ меньшее населеніе. Она лежитъ во всѣхъ пяши поясахъ, заключаешь въ себѣ всѣ климаты земнаго шара, и пошому способна къ произращенію почти всѣхъ шѣхъ прозябеній, кои мы досшаемъ изо всѣхъ спранъ свѣща, для удовлешво-

ренія по потребности и прихотей нашихъ. Сей обширный материкъ, при величайшемъ благораспореніи воздуха, еще весьма далекъ отъ того, чемъ онъ бытъ можетъ, когда соразмѣрное число жителей населишь степи, обрабатываетъ пустыни, прояснитъ лѣса, осушитъ болота и дастъ водамъ полезное направленіе. На немъ находящіяся еще необозримыя пространства, равняющіяся Европейскимъ Королевствамъ, гдѣ раздаются только глухой шумъ, производимый вершинами вѣковыхъ деревьевъ, бурное колебаніе незнакомыхъ съ судоходствомъ рѣкъ; пронзительный свистъ хищныхъ птицъ, страшное шипѣніе чудовищныхъ змѣй и дикій ревъ лютыхъ звѣрей. Земля можетъ дать по крайней мѣрѣ пропитаніе въ двадцать разъ болѣе людей, и готова воздать съ явленою спорицею, если трудолюбіе будетъ содѣйствовать естественному плодородію ея. Дикари, дѣти природы, скишающія здѣсь еще на свободу, по близости великихъ народовъ, опличающихся дѣятельностію, оказывающихъ быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, и приходящихъ время отъ времени въ большее благососто-

яніе. Многочисленное сѣмейство не почитается шамъ, какъ въ нѣкопорохъ спранахъ Европы, гнѣвомъ Божиимъ, но благословеніемъ свыше, и можешь бышь пройдешь тысящелѣпіе, прежде, нежели Румфордскій супъ останешся послѣднею надеждою человѣка, послѣ жизни, исполненной безчисленныхъ прудовъ, заболъ и гореспей.

Сія часъ свѣпа, величайшая изъ всѣхъ, успроенная Творцемъ въ исполинскомъ видѣ, опличающаяся отъ прочихъ чрезвычайною высокою горъ, числомъ великихъ озеръ, рѣками подобными морскимъ заливамъ, конечно предназначена къ важной цѣли и породитъ мужей великихъ. Уже мы видѣли шаковыхъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ изъ толпы несчастныхъ изгнанниковъ и безирюпныхъ спранниковъ, образовалась могущественная держава, подобно тому, какъ въ древнія времена вершепъ разбойниковъ послужилъ основаніемъ столицы вселенной.

Не съ большимъ за приспа лѣпъ опкрыша Америка, и найдень пупъ около мыса Доброй Надежды; не болѣе какъ сполѣпіемъ прежде изобръщены порохъ и

сорокъ лѣтъ спустя книгопечатаніе, и какаѣ разности между нынѣшнимъ и тогдашнимъ состояніемъ міра? Какъ преобразится Америка по прошествіи еще трехъ столѣтій? Каковъ будетъ она тогда имѣть вліяніе, по своему пространству и народонаселенію, на прочія части свѣта, если въ ней явятся необыкновенные и предприимчивые люди? По крайней мѣрѣ, не невѣроятно, что такія времена наступить могутъ; и неоспоримо, что мужъ, облеченный могуществомъ, будетъ имѣть несравненно большій кругъ для дѣйствій своихъ, нежели въ Европѣ.

Что будетъ изъ сей необозримой части свѣта, при выгодномъ ея положеніи при ея плодородіи и по просвѣщеніи населяющихъ ея народовъ? Безчисленныя озера, заливы и рѣки пересекаютъ сію страну во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, поддерживаютъ и оживляютъ внутренніе ея торговые обороты. Ничто не благоприятствуетъ такъ образованію всякой силы, земледѣлію, торговлѣ, ремесламъ, искусствамъ и наукамъ, какъ удобныя сообщенія и сообщество, доставляемыя и содержимыя сими путями при-

роды. Испорія показываетъ намъ, что народы, имѣвшіе во владѣніи своемъ приморскія мѣсна и судоходныя воды, наиболѣе ошличались благососпояніемъ и образованностію. Америка лежитъ въ нѣдрѣ морей, начиная отъ недосыгаемыхъ предѣловъ сѣвера до самыхъ оконечностей своихъ на югѣ, и опшсюду окружена множествомъ острововъ, проливовъ и заливовъ. При чрезвычайномъ обилии корабельнаго лѣса можешъ она весьма удобно созидашь флоты, и высылашь оныя, куда попребуюшь обспоятельствва. Иттакъ кажешся можно, при самой обыкновенной проицательности, предвидѣть будущее ея величіе, когда многочисленныя народы населятъ ея пучныя равнины впусѣ лежащія, когда успроятся въ ней сухопущныя торговыя пути по всевозможнымъ направленіямъ и когда проведущя искусственныя водяныя сообщенія.

П. Яковлевъ.

~~~~~

УЖАСНЫЙ ОХОТНИКЪ.

(Изъ Валтера Скотта.)

I.

Вильдграфъ шрубилъ въ охопничій рогъ: „на коней, на коней, галлали!“, Его борзый конь вдыхаетъ въ широкія ноздри свой прохладу упра, и многочисленные вассалы слѣдуютъ за своимъ повелителемъ.

II.

Спая псовъ, спущенная со своры, полная огня, скачетъ черезъ кусшарникъ, папорошникъ и валежникъ; гончія, рога и лошади отвѣчаютъ другъ другу. Сосѣднія горы дрожатъ и пробуждаютъ эхо.

III.

Былъ господній праздникъ; лучъ солнца озолотилъ уже шпиль сельской колокольни; пропаянный и поржеспвенный звонъ мѣди призывалъ грѣшника къ молитвѣ.

IV.

Но Вильдграфъ скакалъ все впередъ, крича: „галлали! галлали! за мною! смѣлѣ!

Вдругъ съ прошивныхъ споронъ два незнакомца соединились со всадниками.

V.

Одинъ спалъ по правой споронѣ, другою по лѣвой. Кпо сіи незнакомцы, я ошгадываю; но не смѣю сказаць. Подъ однимъ конь бѣлъ, какъ снѣгъ; подъ другимъ черенъ, какъ адъ.

VI.

Правый всадникъ молодъ и прекрасенъ; улыбка его напоминала майское утро; лѣвый всадникъ мешалъ мрачнымъ окомъ своимъ багровое пламя молніи.

VII.

Вильдграфъ распустилъ по въпру охопничій плащъ свой—“Милости просимъ, благородный чужеземець, сказалъ онъ: чпо сравнися на землѣ, на морѣ, или на небѣ съ королевскою охопою?,,

VIII.

“Перешанъ прубишь въ звучный рогъ пвой, сказалъ ему молодой сосѣдь его припнымъ голосомъ; замолкни и

присоединись къ благочестивому хору
вѣрныхъ.,,

IX.

“Оставь на нынѣшній день сію гибель-
ную охоту. Колоколь призываетъ тебя
въ храмъ; внемли гласу, тебя зовущему;
завтра будешь раскаяваться, но уже
поздно!.,

X.

—Впередъ по долину, прервалъ черный
всадникъ грознымъ голосомъ—оставь мо-
нахамъ ихъ молишвенники, колокола и
заупрени.—

XI.

Вильдграфъ колънулъ коня шпорами
и поскакалъ, вскричавъ: “кто оставитъ
охотничій рогъ и шумную спая псовъ,
чтобы слушать скучныя швои проповѣди?.,

XII.

“Удались, если наши мужесшвенныя
игры тебѣ не нравятся; иди иѣшь и мо-
лишься съ опшельниками. Ты правъ, сму-
глый другъ мой! Галлалаи! галлалаи! впе-
редъ!.,

XIII.

Вильдграфъ погоняешъ легкаго коня своего по долинамъ, спешамъ, холмамъ и косогорамъ. Незнакомцы не перескаюшь скакашъ за нимъ.

XIV.

Изъ скрышнаго валежника вспрепелся олень, бѣлѣ снѣга горь. Вильдграфъ зашрубиль въ рогъ громче прежняго и закричалъ: “впередь! впередь! аллали! галлали!,,

XV.

Несчастный пушникъ пересѣкъ дорогу: онъ проспершъ подъ ногами коня; но живъ ли онъ, или мершвъ, что нужды?— Впередь, впередь! зачемъ прерывашъ охоту?

XVI.

Видите ли за проспою загородою поле, оплодшворенное сокровищами осени? Видите ли проспершаго къ ногамъ Вильдграфа поселянина, усмугленнаго рабошою?

XVII.

“Помилуй, помилуй, благородный господинъ, пощади единшвенное досшоянiе

бѣднаго— вскричалъ онъ— пощади шо, что приобрѣтено спруями поща, омочавшими чело сіе въ палящіе часы Іюня.,,

XVIII.

Правый всадникъ умоляетъ Вильдграфа оспановишься; лѣвый понуждаетъ его преслѣдовать добычу—но жеспокій Вильдграфъ ничему не внемлетъ и спремится съ неисповснвомъ по слѣдамъ оленя.

XIX.

“Удались, несчастный вассаль, или спрашисъ ударовъ бича моего. Рогъ его зашрубиль снова: впередъ! впередъ! галлали! галлали!.,,

XX.

Сказано—сдѣлано. Онъ скачетъ чрезъ низкій плешень поселянина; за нимъ все спремится: люди, лошади, псы—какъ вьюга въ Декабрѣ.

XXI.

Всадники, лошади, псы разоряють поле несчастнаго, и ужасный Голодь, шор-

жествуя на испребленной жашвѣ, улыбаешся неисповой шолпѣ.

XXII.

Снова преслѣдуемый робкій олень бѣжитъ по лугамъ, равнинамъ, холмамъ и доламъ. Вошь уже близко; силы его ослабѣваюшъ и онъ прибѣгаешъ къ хипросши, чшобъ спасши жизнь свою.

XXIII.

Уединеніе для него опасно.—Онъ приближаешся къ жилищамъ, чшобъ найши убѣжище и думаешъ скрышь голову свою посреди домашняго сшпада.

XXIV.

Но по равнинамъ, лугамъ, холмамъ и доламъ псы преслѣдуюшъ добычу и неисповый Вильдграфъ скачешъ по слѣдамъ ея.

XXV.

Пасшухъ кидается къ ногамъ его. “Пощади, благородный Графъ, говоривъ онъ ему, пощади единстввенное досшояніе

вдовы; пощади сихъ агнцевъ — все богатство сироты.»

XXVI.

Правый всадникъ умоляетъ Вильдграфа остановиться; лѣвый понуждаетъ его преслѣдовать добычу. Вильдграфъ не внимаетъ просьбѣ и гласу сосраданія.

XXVII.

“Подлый вассаль! жалкія твои рыданія не прервуть моей охоты, еслибъ и души, подобныя твоей, находились въ этихъ живошныхъ!”,

XXVIII.

Снова пробивъ онъ въ рогъ: “впередь! галлалли! впередь!”, — и въ безжалостной гордости понуждаетъ злыхъ псовъ на спадю.

XXIX.

Умерщвленные жертвы падаютъ кучами и съ ними падаетъ окровавленный паспухъ; крики убійцы успрашаютъ оленя — снова лепитъ онъ и спрахъ даетъ ему силу и скорость.

XXX.

Въ крови и пѣнѣ, бѣжитъ онъ въ
темному лѣса и ищетъ спасенія въ свя-
томъ убѣжищѣ мирнаго опшельника.

XXXI.

Люди, лошади слѣдуютъ за нимъ вблизи,
одушевленные звукомъ рога; — въ свя-
щенной келліи раздаются пронзительные
крики: “впередъ! впередъ! галлали! галлали!,,

XXXII.

Крошкѣй и тихѣй посреди нечестивой
толпы опшельникъ умоляетъ ее:
“спрашишь осквернишь убійственной
кровію домъ Божій, уважьше алшаръ его
—удалишесь!,,

XXXIII.

“Послѣднее швореніе имѣетъ право
на состраданіе; если злоба и гордость
презряшь его, шо мщеніе будетъ тремѣть
надъ главою неумолимаго: внемлише моль-
бамъ моимъ и удалишесь!,,

XXXIV.

Одинъ незнакомецъ съ горестію еще

его упрашиваетъ: другой голосомъ и движеніемъ обрекаетъ жертву на смерть. Увы! Вильдграфъ ничему не внемлетъ, ничто не можетъ оспановить его.

XXXV.

“Хорошо ли я дѣлаю или дурно, священъ ли алтарь твой, или нѣтъ, я не уважаю его. Никто не заставитъ меня удалиться.,,

XXXVI.

Шпорами жметъ онъ бедра коня, шрубитъ въ рогъ и кричитъ: впередъ! галлалі!...но вдругъ на крыльяхъ урагана исчезли олень, келья и опшельникъ.

XXXVII.

Не видно болѣе ни коней, ни всадниковъ, ни псовъ; не слышно рога и крика охотниковъ. Ржанію коней, лаю псовъ, звукамъ рога наследовала мершвая пишина.

XXXVIII.

Успрашенный Вильдграфъ обращаетъ вокругъ смущенные взоры свои. Напрасно

старается возбудить рогъ, напрасно силишься кричать; уша его не могушь издашь звука.

XXXIX.

Онъ слушаетъ: никакой опдаленный лай не возбѣщаетъ ему вѣрныхъ совѣ. Конь его какъ вкопанъ; осирья шпоры не могушь сдвинуть его съ мѣста.

XL.

Но пѣни гуснѣють. Вскорѣ наступила мотильная тѣма. Никакой звукъ не поражаетъ его слуха, кромѣ журчанія опдаленнаго ручья.

XLI.

Наконецъ шишина прервалась надъ опягченною главою грѣшника, и изъ нѣдра багровыхъ пучъ слышенъ былъ ужасный голосъ, подобный грому.

XLII.

“Пришѣнишель швореній, ожесточенное орудіе опступныхъ духовъ, врагъ Бога, бичь бѣднаго! — мѣра чаши швоей исполнилась!,,

XLIII.

“Въ свою очередь будешь ты преслѣдуемъ въ лѣсахъ сихъ; скрывайся вѣчно въ семь ужасномъ уединеніи и участъ швоя да научишь гордаго, что и послѣдняя шварь есть созданіе Всемогущаго.”

XLIV.

Умолкъ гласъ. Яркая молнія освѣпила лѣсъ желшоватымъ цвѣпомъ. Волосы Вильдграфа поднялись дыбомъ и ужасъ овладѣлъ его членами.

XLV.

Холодный пошъ выступилъ по нѣду, сильный вѣпръ завылъ въ окрестностяхъ и вскорѣ разразилась буря.

XLVI.

Поколебалась земля и разверзлась; изъ нѣдръ ея посреди вихрей сѣрнаго пламени, сопровождаемыхъ тысячью страшныхъ звуковъ, выжили отвращительные псы ада.

XLVII.

Кто это ужасный охотникъ слѣду-

ещь за нимъ? Я опгадываю; но не смѣю сказаць. Взорь его горитъ, какъ молнія въ шемную ночь; конь его черень, какъ адъ.

XLVIII.

Вильдграфъ бѣжитъ черезъ хворощникъ и кустарникъ, испуская крики опчаянія. По слѣдамъ его гонящяся спая псовъ и охощникъ—*впередъ! впередъ! галлали! галлали!*

XLIX.

Онъ оборачивается и видитъ, что бѣшеная спая гошова уже схватишь его окровавленными зубами и въ ужасъ продолжаетъ бѣжашъ.

L.

До конца времени будешъ длитъся охоща сія днемъ въ пещерахъ; въ шайнштвенный же часъ полночи снова на поверхности земли.

LI.

Удивленный поселянинъ, заспигнутый ночью, слышитъ звукъ рога, лай псовъ и шопощь коней. Въ спрахъ, шво-

ришь онъ крестное знаменіе, внимаю
симъ страннымъ звукамъ.

ЛII.

Бодрствующій на молитвѣ пастырь
часто проливаетъ слезы о гордости
человѣка и несчастіяхъ его, когда въ
полночь слышишь онъ адскій крикъ:
галлалли! галлалли!

Сія Поэма есть подражаніе *Вилдъ-Егерю*
(*Wild Jäger*) Нѣмецкаго Поэта Бюрера.
Преданіе, на которомъ она основана,
говоритъ, что нѣкогда Вильдграфъ, или
хранитель Королевскихъ лѣсовъ, по име-
ни Фалкенбургъ, до такой степени при-
страстился къ охотѣ и былъ столь же-
стокъ, и развращенъ, что предавался се-
му неистовому занятію только по во-
скресеньямъ, или другимъ праздничнымъ
днямъ, посвященнымъ исполненію обязан-
ностей Религіи, и что позволялъ себѣ
неслыханныя притѣсненія надъ крестья-
нами и вассалами. Когда эпоть второй
Немвродь умеръ, то народъ слыша часто
во время ночи разные звуки въ глубинѣ

Германскихъ лѣсовъ, сталъ вѣрить, что раздаются крики снаи псовъ покойнаго Вильдграфа, его голосъ, шопотъ коня и шумъ вѣтвей, производимый преслѣдованіемъ дичи собаками и охотниками. Но призраки рѣдко были видимы.

Однажды какой-то охотникъ заспигнутый темною ночью, слышалъ шумъ этой охоты. Невольно вскричалъ онъ: *Gluck zu Falkenburg* (доброй охоты, Фалькенбургъ!)—“Ты желаешь мнѣ доброй охоты?—опвѣчалъ сиповатый голосъ—раздѣлимъ же дичину.,,—И въ ту минуу упала къ ногамъ его огромнѣйшая и уже испортившаяся пшица. Смѣлый охотникъ пошерялъ вскорѣ двѣ лучшія свои лошади и не могъ никогда оправиться отъ страха, причиненнаго ему симъ видѣніемъ. Сей повѣсти, различно впрочемъ рассказываемой, вѣряшь вообще въ Германіи.

Во Франціи есть также подобное преданіе о воздушномъ охотникѣ, копорый тревожилъ посѣщеніями своими лѣса Фоншенебло. Онъ былъ иногда видимъ и являлся въ образѣ ужаснаго охотника, окруженнаго собаками. Можно найши въ

запискахъ Сюлли, который говорилъ, что его называли Оберь - Егермейстеромъ (grand Veneur). Въ одинъ день вздумалъ онъ охотиться такъ близко къ дворцу, что придворные и даже самъ Сюлли, если не ошибаюсь, вышли на дворъ, думая, что Король возвращается съ охоты. Сей призракъ въ другихъ мѣстахъ называли Св. Губершомъ. Это суевѣріе, казалось, разлилось повсюду, и въ собраніи описательныхъ Поэмъ Шотландскихъ есть прекрасный рассказъ объ одной подобной охотѣ, слышанной въ лѣсахъ Россъ—Шира.

Чудеса послѣ смерти Леслиа, Шотландскаго Капуцина происходили на одномъ холмѣ, гдѣ раздавались крики невидимой стаи собакъ.—Когда мощи его были высшавлены—шумъ пересталъ. Чиспатель найдеть описаніе сего чуда, также и другихъ, въ жизни Опца Бонавеншури, написанной прекраснымъ Ипальянскимъ языкомъ.

В. С. ф. г.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° XXI и XXII.

УДОВОЛЬСТВИЕ И ГОРЕСТЬ, ИЛИ ВЕЩИ
ПРИЯТНЫЯ И НЕПРИЯТНЫЯ ВООБЩЕ.

(изъ Уроковъ Докт. Блера.)

Въ сей спашь должно будешь упомянушь объ удовольствіяхъ и горестяхъ совершеннаго чувства, или сердца, дѣятельнаго занятія и поведенія.

Слова: удовольствіе и горесть, большею частію, имѣють взаимное между собою отношеніе: гдѣ какое обстоятельство приятно, тамъ его лишеніе горестно; и, наоборотъ: гдѣ какое обстоятельство горестно, тамъ освобожденіе отъ онаго приятно. По сему, показавъ одно, не всегда нужно упоминашь о другомъ.

Въ дѣйствительныхъ распоряженіяхъ природы, по всему царству животныхъ, вещи полезныя приятны, а вещи вредныя горестны. Удовольствіе опредѣлено для побужденія къ совершенію дѣяній, потребныхъ для сохраненія жизни, или благосостоянія; а горесть употребляется какъ бы предостереженіемъ, яшобъ избѣгашь случаевъ погибели, или несчастія.

Замѣчено, что когда извѣстная цѣль будешь достигнуша въ употребленіи удовольствія, то поощреніе къ дальнѣйшему дѣйствію въ томъ особенномъ случаѣ опъемлешся; и покушенія продолжишь, или сдѣлашь непрерывнымъ наслажденіе, какъ могутъ бытъ вредны, такъ сопровождающа не только пресыщеніемъ, но даже опшвращеніемъ и горестію.

Въ семъ премудромъ и благошворительномъ успавѣ природы какъ есть удовольствія, сопряженныя со всѣми обыкновенными и полезными дѣяніями шѣлесной жизни, такъ есть горести, сопровождающія все, что гибельно для живошнаго сошпава, и конечная причина, или цѣль въ обоихъ случаяхъ есть одна и та же; то есть, дабы, преклоняя къ полезному и опшвращая опъ гибельнаго, возбудишь лѣношное живошное къ полезному; и дабы понудишь спраждущее живошное къ усиліямъ, могущимъ дѣйствительно опшврапитъ несчастныя приключенія; и дабы всѣми средствами сохранишь его безопасность.

На сей конецъ хотя случаи горести, подобно случаямъ удовольствія, могутъ бытъ временны; однако поелику нужно, чтооь горестъ продолжалась, пока причина боли не опшврапится, или даже чтооь горестъ возрастала, когда причина боли усиливаеш-

ся, или опасность для животной жизни увеличивается; но здѣсь открываешь доспапочная причина, почему спраданія, сродныя животному сосставу, во многихъ случаяхъ продолжшельнѣе и сильнѣе, нежели соопвѣшсшвенныя пому наслажденія, или удовольствія, опредѣленныя для побужденія къ обыкновеннымъ дѣянїямъ жизни.

Изъ сего открываешь, въ разсужденіи животноныхъ вообще, что намѣреніе природы въ распредѣленіи ощущенія еспь то, чшобъ доставить безопасность каждому изъ нихъ и преемство роду, въ то же время, какъ усшавъ положень наслажденію, по мѣрѣ, какъ оно совмѣстно съ шою цѣлію. Въ семъ распредѣленіи заключается настоящее воздержаніе опъ шого, что было бы горесшно въ будущемъ, и настоящее направленіе къ тому, что можешь способствовашь къ будущему наслажденію и безопасности: и сіе еспь доспапочная награда за совершеніе дѣяній, производящихъ печеніе правильной и порядочной жизни. Всякое животное, вообще, съ приапностію шѣщится и наслаждается дѣйствіемъ самосохраненія и продолженія своего рода, и радость, или забава для всѣхъ почти животноныхъ, можешь занимашь великую часть жизни.

Человѣкъ наслаждается удовольствіемъ и подвержень горесши въ своей жизни и

сіе явно показываесть поже намѣреніе природы въ отношеніи къ нему, какъ и другимъ сущесшвамъ, одареннымъ жизнію. Ему также опредѣлено дѣлать то, что нужно къ его сохраненію: но одни шѣлесныя наслажденія, служащія къ доспиженію той цѣли, не могутъ занимать такой же части его времени; и въ разсужденіи его, предосшавлено больше дѣйствія началамъ, копорыми онъ опличаесть опъ другихъ частей живошнаго царства. Когда сохраненіе его обезпечено, то жизнь, имъ сохраняемая, пребуесть еще другаго занятія. Подобно другимъ живошнымъ, онъ наслаждаесть своею пищею, удовлешвореніемъ своимъ нуждамъ и различнымъ хощеніямъ. Но никшо и никогда не думаетъ продолжатъ, напримѣръ, ушоленіе голода до того, чшобъ проводить жизнь въ наслажденіяхъ за щоломъ, какъ нѣкоторыя живошныя, кажешся, провоздають въ употребленіи пиши, при ясляхъ, или на пашвѣ.

Естьли бы человекъ не слишкомъ гордился своимъ выборомъ, то природа не дала бы ему способности безпрещанно угождать своему шѣлу. Чувстввенныя удовольствія только случайны и временны. Они, по свойству своему, также смѣшены и сопряжены съ горестію. Живошныя отвращають опъ вреднаго также, какъ привлекають къ

полезному; и человекъ самъ, при всемъ свѣдѣннн своемъ о цѣли, долженъ бытъ возбуждаемъ, въ подробности своихъ дѣяній, увѣщаніями горести, равно какъ и удовольствіа.

Ощущеніе, приготавливающее жизненное чувство къ удовлетворенію себя приобрѣтеніемъ потребности, есть больше, или меньше ощущеніе горести; и наслажденіе есть только освобожденіе отъ сего ощущенія. Покушенія продлишь удовольствіе за предѣлы естественнаго его времени, производящъ новый родъ горести, дѣйствіемъ пресыщенія. Кроме сего, всякое излишество причиняетъ спраданіе и вредъ: шакъ что сей источникъ наслажденія всегда нечислъ, въ разсужденіи горести, ему предшествовающей, или въ разсужденіи ошвращенія и вреда, могущихъ послѣдовать отъ неоспорожнаго исканія радости.

По сему, хотя люди могутъ удивляться чину природы въ сей ообенности, и соображаться ему какъ спашь благоразумія и приличія, однако не многіе, занимающъ жишейскими попеченіями, признающъ удовольствія совершенно чувственныя предметами главнаго уваженія. Бѳльшее число людей сравнительно хладнокровны къ личнымъ выгодамъ, по мѣрѣ, какъ они занимающъ дѣлами частными, или обществен-

ными; либо имѣя въ виду предметы, сильно ихъ поражающіе уваженіемъ собствѣнной ихъ чести и пользы, или сохраненіемъ ихъ сѣмейства, друзей и отечества.

Для другихъ животнохъ, какъ и для человѣка, единое упражненіе бываетъ прилично, и по сей причинѣ усилія ихъ къ сохраненію жизни частію составляютъ ихъ обыкновенныя удовольствія. Цѣли, къ копорымъ ихъ дѣятельныя пощеченія направляются, суть предметы надежды; и приносятъ такую же радость дальновидностию, какъ достиженіемъ ихъ, или употребленіемъ. И хотя собственныя пому ожиданія неудачъ могутъ прежде времени причинить спсраданія печали, однако чинъ животной жизни, вообще, такъ расположенъ, что въ дѣлїяхъ, потребныхъ къ самосохраненію, удовольствіе превозмогаетъ горестъ; и общій видъ живущей природы представляеть веселіе и радость.

Силы размышленія въ умѣ человѣка, копорыми онъ предусматриваетъ будущее и воспоминаеть прошедшее, даютъ ему способность къ наслажденію, или подвергаютъ его спсраданію. Отсюда происходятъ различныя въ немъ спсрасти, надежда и спрахъ, радость и печаль. Корень надежды есть ожиданіе будущаго добра, и для того въроянно она бываетъ случаемъ также бояз-

ни. Печаль имѣешь отношеніе къ претерпѣваемому несчастію, страхъ къ ожидаемому злу. Горестное состояніе души, въ дѣйствительной скорби, или шокѣ и безпокойствѣ, не способно къ настоящему наслажденію, кромѣ того, что надежда можетъ представитъ. Но въ отношеніи къ предметамъ надежды, или страха, самое пріятное состояніе души есть живость въ благоразумныхъ дѣяніяхъ, ими внушаемыхъ, и въ употребленіи средствъ, данныхъ намъ Провидѣніемъ къ достиженію, или избѣжанію шѣхъ предметовъ.

Безопасность, болѣе всѣхъ обстоятельствъ, служишь къ удовольствію. Отсюду *стяжаніе* получаешь цѣну, переходя въ *собственность*, т. е. въ надежность, или безопасность; и въ разсужденіи сего, самое пріятное состояніе души есть увѣренность въ благоденствіи, котораго ни случай, ни своенравіе не могутъ лишитъ насъ—въ благоденствіи, которае состоитъ единственно въ радостномъ совершеніи того, что намъ повѣрено дѣлать и въ удовольствіи зрѣлищемъ дѣянія, на которомъ мы поставлены.

Человѣкъ имѣешь много занятія и чувственныхъ удовольствій, доставляемыхъ ему житейскими попеченіями. Въ семъ состоитъ шопъ многосложный предметъ,

кошорому даешъ онъ имя пользы; и отъ сего происходящъ многіе случаи, въ кошорыхъ онъ шрудился для себя, своихъ друзей и своего опечештва.

Вещештва, кошорыя онъ спарается собрать для своего упошребленія, служашъ также средештвами благошворительности ему подобнымъ. Въ его умешвенномъ, или опличительномъ свойствѣ занятія умножающа и измѣняюща до безконечности; и удовлешворенія однимъ жизненнымъ пошребностямъ для него не шоль важны, какъ занятія, въ кошорыя они его вовлекающъ. Въ семъ умѣ его и склонности приапно занимающа образованіемъ предначертаній, приобрьшеніемъ опытности о прошедшемъ, распоряженіемъ насюащаго и пригошвленіемъ себя къ будущему.

Справедливо замѣчаніе, что всякое занятіе человѣческихъ способностей, къ кошорому злоба, или страхъ не бывающъ побужденіями, и всякое упражненіе, непродолжаемое до гибельной крайности изнеможенія, по природѣ приапно *).

“Необходимость занятія, говоритъ Бродда, не шолько можно доказашъ спроеніемъ шѣла, но оно явшвенно изъ наблюденія о

---

*) C. Theorie des sentimens agreables.

всеобщей дѣятельности человѣческаго рода, *) копорый для сохраненія здоровья (надлежало бы сказать для удовольствія) въ чинахъ и богачествѣ, освобождающихъ людей отъ прибыточного труда, изобрѣлъ игры и забавы, хопя не столь полезныя свѣшу, какъ ручныя ремесла, но столь ушомительныя для занимающихся оными и различествующія отъ работы земледѣльческой, или ремесленной шемъ только, что онѣ суть дѣйствіе выбора, и для того производятся безъ горестнаго чувства принужденности. Охотникъ вспаешъ рано, гоняешся за своею дичью сквозь опасности и препятствія, переплываешъ рѣки, перелазитъ спремнины, пока возвратится домой въ шакомъ же изнеможеніи, какъ воинъ, а можешъ бышь отъ шоликой же опасности ранъ, или смерти: но онъ не имѣешъ никакого побужденія къ ревности; не подверженъ велѣніямъ полководца, не боишся наказанія за небреженіе, или неповиновеніе; не ожидаешъ ни пользы, ни чести отъ побѣдъ своихъ и опасностей; шрудитъ безъ чаянія вѣнцевъ шѣнныхъ, или гражданскихъ, и довольствуетъ хвалою своихъ, служителей, или шоварищей.,,

---

*) Смощри *Бродягу*, № 36.

“Но, таково сложеніе челоуѣка, продол-
жаешъ пошъ же писашель, что шрудъ мож-
но назвашъ собсшвенною ему наградою; и
не нужно къ шому внѣшнихъ побужденій,
есшли разсудишь, сколько счасшїя дости-
гаемъ и сколько бѣдсшвіа избѣгаемъ ча-
сшымъ и сильнымъ безпокойсшвомъ шѣла.,,

Сей писашель, въ другихъ часшяхъ своей
книги, или общимъ слогомъ цѣлой, пред-
ставляешъ жизнь челоуѣческую продолже-
ніемъ призраковъ, прехожденіемъ всегда
ошъ надежды къ надеждѣ, никогда ошъ на-
слажденія къ наслажденію. По сему ушѣ-
шишельно, что онъ ошкрываетъ исшочникъ
насшоящаго наслажденія, даже посреди ра-
бошъ, подвиговъ и опасносшей, сшоль ча-
сто имъ почишаемыхъ сосшавляющими бѣд-
сшвіе: ушѣшишельно его мнѣніе, что даже
шрудъ есшъ собсшвенною себѣ наградою; и
симъ выраженіемъ по крайней мѣрѣ ведешъ
къ мысли, что всѣ упражненія швердаго,
благосшворисшельнаго ума, хощя родъ шруда,
могущъ шакже бышъ собсшвенною себѣ на-
градою, не меньше наградою для шрудяща-
гося въ нихъ пошому, что онъ можешъ дѣй-
сшвовашъ подѣ вліяніемъ усердіа, по своей
природѣ лесшнаго и приашнаго.

Даже просшолоудимы замѣчаютъ, что
они должны бышъ заняшы, или дѣлашъ что
нибудъ для своего собсшвеннаго счасшїа; и

очевидно самому поверхностному наблюда-
телю, что жизнь приятна паче шѣмъ, ко-
торые занявшись добрыми и честными
попеченіями, въ какомъ нибудь похвальномъ
званіи, общественномъ порученіи, или упо-
требленіи, не запрудняютъ себя ничемъ
сверхъ исполненія своей должности. Въ
противоположность симъ, мы можемъ по-
ставить примѣры другихъ, которые споль-
ко заботятся о будущемъ, что пренебре-
гаютъ настоящимъ, усматриваютъ ошъ долж-
ностей своего состоянія, подъ предлогомъ
безпокойства; уклоняются всякаго участія
въ благополучіи другихъ, какъ препятствія
въ попеченіяхъ о своемъ собственномъ. Они
хотѣли бы что нисеть дѣлашъ; но, кажет-
ся, хотяшъ, чшобъ ихъ занятія сколько
возможно походили на праздность. Бѣгутъ
ошъ дѣла; ибо оно кажется имъ работою.
Не разсуждаютъ, какъ могутъ облагодѣ-
тельствовать другихъ; ибо сіе было бы
нерадѣніемъ о себѣ самихъ; но они пере-
плываютъ рѣки и перелезаютъ спремнины,
пшому что они по своей волѣ сіе дѣлаютъ
и могутъ содержать лошадей и собакъ.

Живущія существа опличаются дѣяні-
ями, къ которымъ имѣютъ они способ-
ность и расположеніе. Человѣкъ спшитъ
выше прочихъ, въ семь опличіи. Выше его
сспшитъ въ порядкѣ дѣятельныхъ усилий

и онъ наслаждается упражненіемъ своихъ способностей въ производствѣ дѣлъ, и въ оппавленіи должности, не меньше какъ и въ помъ, что называется онъ увеселеніемъ и препровожденіемъ времени.

Доброжелательство есть дѣятельное начало и приятное состояніе души, дѣлающее присутствіе и благосостояніе другихъ людей случаемъ къ удовольствію, и располагающее каждого человека къ его сношенію въ братствѣ съ существами, ему подобными. Удовольствія общежитія суть упражненія общежительной природы. Они смѣшиваются съ дѣяніями шѣлесной жизни, и по истинѣ, суть главная причина многихъ наслажденій, предполагаемыхъ происходящими опъ чувственной роскоши. Напримѣръ, удовольствія стола относятся больше къ общежитію, нежели къ утоленію голода. Почему для насъ трапеза наединѣ есть не что иное, какъ удовлетвореніе необходимости; но въ обществѣ съ веселостію дружескихъ разговоровъ имѣешь сполько важности между наслажденіями жизни?

Бышь занятымъ—приятно; но занятія не меньше различествуютъ, какъ ощущенія. Занятія крошкой и доброжелательной склонности безмятежны и благоуспѣшны. Упражненія враждебнаго и злобнаго сердца судорожны и злополучны.

Многіе предметы, коихъ мы желаемъ достигнуть въ человѣческой жизни, подобно ловишвѣ, гоняемой охопникомъ, цѣняща больше по охопѣ, въ насъ возбуждаемой. Но изъ сего не слѣдуетъ, что нѣтъ различія, на какой предметъ мы шрудъ свой ни упошребляемъ. Какъ мечты и невозможности приводящъ насъ къ несомнѣнной горести и неудачѣ, такъ вещи, зависящія отъ случая и воли другихъ людей, ештьли почишающа необходимы, подвергающъ такой же неудачѣ; или, въ ожиданіи злополучныхъ приключеній, сущъ случаи къ непреспанной шоскѣ, зависимости и боязни.

Вещи, неимѣющія доброты собственно совершенной, но почишаемыя шолько въ сравненіи съ шемъ, чемъ другіе владѣющъ, какъ *господство, преимущество и гинѣ, слава и знатность*; даже *богатство и счастье*, сверхъ пошребности къ продовольствію и благососшоянію, вводящъ насъ въ попеченія, въ успѣхѣ невѣрныя, кои по свойшву своему сущъ предметы ревности, зависимости и злобы. Дѣянія споронъ въ сихъ попеченіяхъ сущъ взаимная помѣха и взаимное оскорбленіе; и усилія одного сдѣлашъ сосшояніе свое лучшимъ признающа дѣйшвіемъ неприязни, или дающъ другому видъ и заразу злобы.

Извѣшно, что злость ешть сосшояніе

чрезмѣрнаго спраданія и глубочайшей горести; обнаруживаешь въ гибельныхъ дѣйствіяхъ и является на лицѣ въ особенныхъ чертахъ безобразія и ужаса. Можетъ быть нѣтъ ей другаго источника въ человѣческомъ сердцѣ, какъ злополучный пошль выборъ предмета, въ кошоромъ благополучіе и успѣхъ одного, есть неудача и пошера другому. Еслили довольно сего несчастнаго выбора для исполкованія злобы, то разумъ запрещаетъ намъ искать другой причины. Правило разума поспавляетъ, чшобъ не опредѣлять больше причинъ, нежели сколько есть въ природѣ и сколько доспапочно для исполкованія явленій *).

И для шого, можемъ смѣло принять, что злоба не ешпешвенна, но имѣетъ корнемъ какое нибудь предубѣжденіе о совмѣстничесшвѣ, убыткѣ одному отъ благополучія другому, раздраженіи, или боязни; по сему она пишается въ образѣ *Зависти*, *Мести*, или *Ревности*.

Эшо обильные источники бѣдствія человѣческому роду. *Зависть* есть печаль о благополучіи другаго. *Месть* есть горесшъ, ушояемая, или облегчаемая шокмо спрада-

---

*) Смощри 'Newtoni Principia, lib. 3. ab initio.

ніемъ 'другаго. *Ревность* есть горестъ, претерпѣваемая въ опасеніи того, что другой можешь, или могъ сдѣлать. Всѣ онѣ принимаютъ разныя степени; но въ самой низкой степени несчастны, и въ самой высочайшей степени составляютъ чрезмѣрную ядовитость и поску душевную, причиняемая однимъ присутствіемъ и благоденствіемъ ближняго; и существо, опредѣленное къ общежитію, не можешь избавишься отъ нихъ другими средствами, какъ искорененіемъ зла въ своемъ собственномъ расположеніи.

Кромѣ склонности человѣка присоединяться къ обществу своего рода, расположенія дѣйствующаго даже въ коварныхъ и общаго всѣмъ животнымъ, въ спада собирающимся; чистосердечные имѣють въ душахъ своихъ начало усердія и любви; благосклонность, по которой они расположены или способны, различнымъ образомъ, принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ себя — подобныхъ. Несчастіе другаго есть для нихъ случаемъ состраданія, или сожалѣнія; злоключеніе его случаемъ удовольствія и радости. Общежительная природа и совокупныя спаранія, или раченія людей о пользѣ общей приводящъ силы наслажденія, равно какъ и дѣянія въ высочайшее упражненіе.

Соболѣзнованіе, или состраданіе, уча-

спвуя въ горести, хотя заключаешъ въ себѣ спраданіе, однако приятно, какъ опышь доказываешъ; такъ что человеклоубивые иначе не желаютъ освободиться отъ горести, какъ облегченіемъ зоключенія шѣхъ, о кошорыхъ они сожалѣютъ, или соболѣзнуютъ. Они печалятся о спраданіи другихъ; однако наслаждаются симпатическими движеніями сердца своего; искренно проливаютъ слезы состраданія, и въ семъ чувствуютъ съ Поэшомъ, что

*Велитайшая радость, которую безмысленное
распутство ошущаетъ,
Не столь сладостна, какъ истинныя слезы
добродѣтели *)*.

Соболѣзнованіе погашается въ особенныхъ обшояшельствахъ другими спраспями, *негодованіемъ, гнѣвомъ, или страхомъ*. *Негодование* ожесточаетъ сердце къ шѣмъ, кошорые спрадаютъ за явное злодѣяніе; *гнѣвъ* къ шѣмъ, кошорые насъ огорчили; а *страхъ*, , хотя не ешь расположеніе дѣйствовашъ озлобленіемъ, однако ожесточаетъ сердце къ чувствіямъ искренности, или состраданія можешъ—быть больше, нежели всякая спрасъ. Посему, между несчастіями

---

*) The broadest mirth unfeeling folly wears
Is not so sweet as virtu's very tears.

малодушія мы по справедливости считаемъ безчеловѣчіе къ побѣжденнымъ не меньше, какъ неспособность сражаться съ прошивниками, или возбуждающими въ насъ страхъ.

Соболъзнованіе, или состраданіе въ чистомъ сердцѣ возбуждается безъ различія и вообще ко всякому невинному спрадальцу. Но доброжелательство, въ другихъ видахъ своихъ, есть особенно въ своемъ выборѣ и заключаешь въ себѣ приспращіе къ предмету: къ поварицу ли, съ коимъ мы знакомы; другу коего любимъ — или опечесшву, на службу коего мы себя посвятили.

Приятное сношеніе можешь быть даже между лицами, другъ другу неизвѣстными; или легко производися посреди первыхъ и самыхъ общихъ явленій согласія и добродушія. Искренность даже между иностранцами составляетъ взаимность услугъ, и въ человѣческой жизни есть обыкновенный и непрерывный источникъ приятныхъ чувствій.

Въ дружбѣ доброжелательство привязываетъ насъ другъ къ другу и дѣлаешь всякую пользу взаимною для споронъ, въ ней участвующихъ. Любовь, въ которой оно состоитъ, и довѣренность, которую оно внушаетъ намъ, составляетъ главный источникъ безопасности и удовольствія.

Сверхъ сихъ дѣйствій доброжелательной склонности, человекъ можетъ питать въ себѣ поже расположеніе въ обширнѣйшемъ кругѣ. Общество людей въ странѣ, или народъ есть для его членовъ предметъ жарчайшей любви. Когда гражданинъ уважаетъ учрежденія и законы своего отечества, когда радуется его благоденствію, и когда съшуешь о несчастіи, или бѣдствіи, ему приключившемся: то онъ часто забываетъ себя самаго и жертвуетъ, какъ частный человекъ, своею собственною выгодною, или безопасностію обществу, въ которое онъ включенъ. Иногда полагають, что корыстолюбіе есть господствующая страсть человѣческаго рода; но часто собственная выгода и жизнь приносятся въ жертву предметамъ общественной привязанности, и въ государственныхъ учрежденіяхъ, порядочно расположенныхъ, сіе не превышаетъ силъ людей самыхъ обыкновенныхъ.

Общее стремленіе доброхотства, подобно стремленію живописныхъ склонностей, клонится къ сохраненію человѣческаго рода и къ содѣланію человека полезнымъ для подобныхъ ему; но когда начала самолюбія дѣйствуютъ къ сохраненію всѣхъ, сохраняя, или наблюдая безопасность каждаго въ особености, то доброхотство сославляетъ

главный узелъ союза и въ то же время есть общимъ источникомъ наслажденія и удовольствія многимъ. Оно дѣлаешь участіе другихъ людей, въ милосердіяхъ провидѣнія, случаемъ веселія. Дѣлая челоуѣколюбца служилелемъ несчастному, добродушнаго усерднымъ пользѣ друга и опечесива, оно дѣлаешь сіе служеніе и усердіе главнымъ источникомъ наслажденія для самаго себя, въ помъ различіи опъ удовольствій, свойственныхъ чиспой живошной склонности, что свободно опъ пресыщенія, и занимая безпредѣльную часшь времени, можешь сохранишься во все продолженіе челоуѣческой жизни и сдѣлаешься пружиною особеннаго и случайнаго дѣйствія, но источникомъ и причиною счастья для дѣйствующихъ. Такъ что въ печеніи дружелюбной и благошворительной жизни, и въ обязанностяхъ часшной дружбы, челоуѣкъ можешь занять съ удовольствіемъ каждую минушу, сбереженную опъ необходимостей своего собственнаго состоянія.

Но кромѣ удовольственнаго, или горестнаго состоянія нашихъ чувствій, происходящихъ опъ свойственнаго, или несвойственнаго дѣйствія нашихъ силъ шѣлесныхъ; опъ пошребности, на кошорую обращаемъ наши способности, и опъ нашего расположенія къ себѣ — подобнымъ; сіи самыя об-

стояшельства дѣлаюшся, чрезъ размышленіе, испочникомъ прибавочнаго наслажденія или спраданія. Увѣренность въ свойственномъ направленіи нашихъ естественныхъ склонностей; приобрѣтеніе свѣдѣнія, или умственной способности; непорочность, чистосердечіе и доброжелательство къ подобнымъ намъ сущь испочники чистѣйшаго удовольствія и веселія. Напротивъ того, увѣренность въ безчеловѣчіи, безуміи, малодушіи, злобѣ, или злодѣйствѣ, производишь чрезвычайное спраданіе, чувствіемъ стыда, или грызеніемъ совѣсти.

Величайшее удовольствіе—замѣчашь въ швореніяхъ природы знаки, или израженія мудрости и благости, убѣждающія насъ въ счастливомъ разпорядкѣ всѣхъ вещей. И мы можемъ заключишь изъ всѣхъ сихъ подробностей, что чистѣйшія удовольствія человеческой жизни состояшъ въ шрезвости, крепости нравовъ, или доброжелательствѣ къ человеческому роду, и благопворишельныхъ дѣяніяхъ, съ совершеннымъ упованіемъ на премудрость и благость Провидѣнія.

Созерцаніе красоты и превосходства, въ какомъ нибудь предметѣ, производишь удовольствіе и приятное состояніе ума. Представленіе безобразія, или недоспашка, есть противнаго свойства. И эпо сущь испочники наслажденія и спраданія, особен-

ныхъ человѣку. Онъ одинъ, между существами живущими, намъ извѣстными, кажется, чувствуетъ ошличія красоты и безобразія, превосходитъ, или недоспашка; и одинъ, сколько мы знаемъ, постигаетъ степени достоинства на лѣспвицѣ существъ. Одинъ примѣняетъ законы превосходитъ и недоспашка, заслуги и пресупленія къ самому себѣ и къ себѣ - подобнымъ — обрѣтая самое приятное состояніе души своей въ сознаніи непорочности и правосудія, или самая горестныя и печальныя мысли въ сознаніи нечестія, униженія и безумія. Радость и спокойствіе совѣсти суть изображенія одного; стыдъ, грызеніе совѣсти и ошнаяніе — суть изображенія другаго.

Глупый можетъ наслаждаться своею глупостію, и сумасшедшій своимъ безуміемъ; но никто не поздравитъ людей, пользующихся такимъ удовольствіемъ. Наслажденія человеческой природы пребываютъ основаній разума и истины; и никто, въ здравомъ смыслѣ, не можетъ полюбить состоянія, являющаго ему въ свойствѣ его знаки безобразія, униженія, или порока, ниже помыслишь, что онъ истинно счастливъ безъ качества, истинно добраго, попребнаго къ украшенію, или усовершенію его природы.

1 Іюля 1824. Съ Аналинскаго В. Созоновичъ,

МАЧИХА.

Повѣсть.

Одинъ Скульпшоръ, по имени Рамонъ, обшпашель Турнонской улицы въ Парижѣ, нажилъ въ корошкое время богапспиво, довольно значительное по его званію, могъ бы даже прослависья своимъ искуссшвомъ, если бы былъ шрудолюбивѣе; но честполюбіе и слава не столько его занимали, сколько забавы и удовольсшвія свѣша.

Рамонъ женился, не чувсшвуя любви. Его супруга не опличалась красопою, но была женщина почшенная. Сдѣлавъ его въ первые годы брака опцемъ двухъ прелесшныхъ дочерей, хошя и приобрѣла она довольноую власшь надъ вѣпреннымъ супругомъ, однако же не могла привязашъ его къ дому.

Обѣ ихъ дочери близнецы были равно прелесшны; но вовсе не походили другъ на друга ни сердцемъ, ни нравомъ: Мина, плѣнишельная брюнетка, живая и пылка до чрезмѣрности, была избалована своею матерью, кошорую очень мало уважала она и надъ кошорую совершенно

господствовала; Нели, блондинка, крошечная и чувствительная, сносила без ропсання преимущество, оказываемое любимой ея сестрой. Рамонъ далъ своей супругѣ полную власть надъ дочерьми, называя все то, что шолько къ нимъ относилось, хозяйственными дѣлами, въ которыхъ никогда не вмѣшивался, и онѣ, не доспигнувъ еще шеснадцати лѣтъ, уже нашли себѣ, по спаранію мащери, пріличные паршіи.

Госпожа Рамонъ пощипала себя несчастнѣйшею супругою, пощому что спрасно любила своего мужа. Она не шоль была чувствительна къ ласковому его съ нею обращенію, сколько оторчалась его холодностію. Напрасно спарался онѣ скрывать отъ нее безчисленные свои невѣрности: она не могла опказать себѣ въ горестномъ удовольствіи развѣдывать подробно объ нихъ и удосщовѣряться въ истинѣ, что бы щомощь шерзачь свое сердце и плакать въ объящіяхъ дочерей, которыхъ опкрывала слабости ихъ опца и которыхъ прывычки порищачь его поведеніе, ласкались къ нему шолько изъ своекорыстныхъ видовъ, по-

тому что онъ былъ слабъ, распочишель и не умѣлъ опказывашь имъ даже и въ малѣйшихъ ихъ прихотяхъ.

Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ Рамонъ, прельщаясь по очереди всѣми вспрѣчавшимися ему прелесными женщинами; наконецъ оспепенился и въ первый разъ узналъ любовь.

Предметомъ его спрасши была госпожа Офреди, дочь цѣновщика и вдова одного стараго благороднаго Ирландца, который полюбилъ Францію и навсегда въ нее переселился. Ей не было еще шестнадцати лѣтъ, когда вышла она за мужъ. Г. Офреди прилагалъ спараніе не только о образованіи ея прекрасной души, но и шаланшовъ; онъ заставилъ ее упражняшь въ такихъ искусствахъ, которыя могли бы служилъ ей вѣрнымъ пособіемъ, въ случаѣ, если бы лишилась она небольшого соспожня, упроченнаго ей попечительнымъ супругомъ.

Послѣдствія оправдали сіи опасенія, и Рамонъ узналъ любезную вдовушку въ одномъ часномъ концершѣ, гдѣ всѣхъ плѣнила она прелеснымъ своимъ голосомъ, равно какъ искусною игрою на арфѣ и на форшоціано.

Гжѣ Офреди было тогда не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Прелести ея были во всемъ блескѣ и совершенствѣ; но онъ сначала разсмаширивалъ ее какъ аршистъ, какъ любитель всего изящнаго. Вскорѣ замѣнилъ онъ, съ какою скромностію принимала она оное всѣхъ похвалы, и какая благородная простота царствовала въ ея нарядѣ. Случай привелъ его также услышать, съ какою прогашельною признательностію отзывалась она объ одолженіяхъ, полученныхъ ею отъ сараго и покойнаго своего мужа.

“Но всего болѣе, сударыня — сказала пущь съ улыбкою одинъ молодой франтъ — обязаны вы, по мнѣнію моему, покойному вашему супругу за то, что онъ шакъ рано оставилъ васъ вдовою. Какая честь и слава шому счастливицу, кошорый заставишь васъ испытать иѣжное чувство любви, и по истинѣ — прибавилъ онъ, взглянувъ какъ бы нечаянно въ зеркало — если бы я не опасался, что мое предложеніе будешь уже не во время...”, Не совѣщую вамъ отважиться на это, возразила прелестная вдовушка съ такимъ видомъ, въ кошоромъ замѣшно было усилие, смяг-

часть невольное презрѣніе къ его словамъ: воспоминаніе о моемъ благополучіи не испребилось еще изъ моей памяти; никакая блестящая наружность не обольстишь меня и не заславишь позабывъ насмѣющихся доспоинствъ и добродѣтелей покойнаго моего супруга.

Рамонъ былъ въ восхищеніи, что Гжа Офреди отвергла съ такимъ негодованіемъ наглое предложеніе надмѣннаго собою прелестника. Принявъ на себя свойственныи ему пошъ благоприспоспости, съ удивительною понкоспю осыпалъ онъ ее похвалами, съ особеннымъ усердіемъ услуживалъ ей, ревностно распочалъ предъ нею всѣ признаки нѣмой любви — и любезная вдовушка, казалось, раздѣляла его чувствованія. Наконецъ одинъ случай удосповѣрилъ Рамона совершенно, что она была къ нему весьма равнодушна.

Рамонъ всегда былъ первымъ посѣпителемъ того обществва, гдѣ встрѣшилъ въ первый разъ Гжу Офреди. Однажды при ней приѣхалъ онъ шуда позже обыкновеннаго. Хозяйка спросила у него о здоровьѣ его супруги.—“Его супруги!”, — сказала съ живѣйшимъ движеніемъ любез-

ная вдовушка—Г. Рамонъ женапъ!,,—Такъ почно, опвѣчала хозяйка. Говоряпъ, что Гжа Рамонъ препочпенная женщина; но она дика и ревнива; общеспва ея мужа не соспавляюпъ ея общеспвъ и потому-то никогда ея здѣсь вы не видипе.— Въ сию минушу Гжа Офреди почувспвовала, въ какомъ была она заблужденіи, принимая учаспіе въ Рамонѣ, къ копорому казалось, ей не пишала она ничего болѣе, кромѣ дружбы, но копораго почишала свободнымъ и топовымъ предложипъ ей свою руку.

Взоры прелеспной вдовушки вспрѣпились со взорами ея обожапеля, она замѣпила въ нихъ чрезвычайное сожалѣніе о томъ, что ей спало извѣспно; усилие, упопрѣбленное ею казашься покойною, еще болѣе увеличило ея замѣшашельспво; смерпная блѣдность покрывала лице Гжи Офреди, и едва только она вспала, что бы подойпи къ опкрышому окну, какъ вдругъ упала въ обморокъ.

Удивипельная скромность Рамона при эшомъ случаѣ и слабая его топовность оказашь ей пособіе никому не позволили замѣпишъ того, что между

ими происходило. Наконецъ Гжа Фредри пришла въ себя. Хозяйка дома, видя, что она не въ состояніи пѣшь, первая предложила ей ѣхать домой.—“Я пошлю, сказала она, за карешою и попрошу когонибудь проводитьъ васъ: надѣюсь, что Г. Рамонъ сдѣлаешь мнѣ это одолженіе., — Рамонъ ограничился однимъ поклономъ, опасаясь обнаружить предъ другими неожиданную свою радость.

Любезная вдовушка не смѣла ему указать и шико опираясь на его руку, простилась съ хозяйкою и съ госпями. Но лишь только сѣла съ Рамонемъ въ карешу, по ручьи слезъ оросили прелестное ея лице, и она не могла собраться съ духомъ, что бы начать съ нимъ разговоръ.

Прижавъ спрасно къ ушамъ своимъ прѣпешущую ея руку, Рамонъ сказалъ: “не смѣю спрашивать васъ, обожаемый другъ; но если бы позволено было мнѣ думать, что я опчастіи причиною того положенія, въ которомъ васъ вижу., — Я сама себѣ измѣнила, и вы меня слышали; но ненавидя всякое пришворство, скажу вамъ откровенно, что я давно желала найтислучай объясниться съ ва-

ми. Я люблю васъ, г. Рамонъ, и имѣла неблагоразуміе питашь въ себѣ эпу склонносшь, не удосповѣрившись, законна ли она, или нѣтъ? Вы женашы! чувствованіе, кошорое предполагаю въ васъ къ себѣ, повергло, можешь бышь, въ опчаяніе вѣрную супругу, кошорая васъ любилъ и у кошорой несправедливо похипила я ваше сердце. — “Въ чемъ упрекаете вы меня, сударыня? сказалъ восхищенный Рамонъ. Правда, я обожаю васъ и живу шолько для васъ; но осмѣлился ли я сказашь вамъ объ эпомъ? Не удерживаль ли я пылкаго стремленія своихъ желаній, кошорыя внушали въ меня взоры ваши? Въ комъ найдете вы шакое соединеніе неограниченной любви и глубочайшаго почшенія?,—Другъ мой! съ чувствившельносшію возразила вдовушка: любя меня, можешь ли вы возвращилъ права вашей супругѣ, кошорую переспали любилъ? Хотя бы имѣла я одно шолько намѣреніе удалилъ васъ опъ нея, засшавивъ васъ думашь, что не она, но другая можешь сдѣлалъ васъ счастливымъ, я все шакки была бы виновна — и съ эшой же минуты рѣшилась наказашь себя..думаете ли

вы, что я призналась бы вамъ въ моей нѣжности, если бы не рѣшилась разлучиться навѣкъ съ вами... не прерывайше меня, Рамонъ: возраженія ваши будутъ бесполезны. У дверей моего дома мы разстанемся—и навсегда... Вы знаете, другъ мой, какая причина заспавляетъ меня ѣздишь къ Гжѣ Авриньи: ея одолженія облегчаютъ ограниченныя мои способы къ моему содержанію. Но я не поколеблюсь оставить даже и ея домъ, если вы будете его посѣщать. — “Какой жестокой приговоръ! я не переживу эшаго..” — Раздѣляю горестъ вашу, Г. Рамонъ! Но если бы мы и должны были опъ нея умереть, по крайней мѣрѣ, не будемъ перзаться совѣстію. — Кареша оспановилась. Гжа Офреди собрала всѣ силы и всю швердоссть своего характера. Тихо пожавъ руку своему любезному, съ быспропою молніи выскочила она изъ карешы, захлопнула за собою дверцы и не удостоила его даже послѣднимъ взглядомъ.

Не дерзая пренебречь запрещеніемъ и не желая огорчать нѣжно любимую и уважаемую женщину, Рамонъ болѣе года нигдѣ не видалъ ее, кромѣ шеатра и пуб-

личныхъ собраній; но и шамъ слѣдоваль за нею издали, не говоря ни слова. Такое птягоспное принужденіе еще болѣе воспламеняло его любовь.

Вдругъ смерть Гжи Рамонъ сдѣлала его свободнымъ. Первымъ спараніемъ его было, чпо бы служъ объ эпномъ происшесшѣи доспигъ до ушей Гжи Офреди. Однако же онъ не показываль сильнаго желанія видѣшь ее, чпо бы не произвеси чрезъ по въ ней дурнаго мнѣнія о своемъ сердцѣ. Между шемъ онъ уже рѣшилса перемѣнишь родъ своей жизни, пригошворя для Гжи Офреди жребій, доспойный ее и ни опъ кого независимый. Рабочая его, съ давняго времени имъ забышя, и нѣсколько драгоцѣнныхъ произведеній, были проданы для покупки назначенныхъ ей брилліаншовъ.

Эшо не могло бышь сдѣлано споль скрышно, чпо бы не узнали о помъ дочери Рамона. Имъ описали Гжу Офреди кокешкою, иншересанкою, кошорая разоришь ихъ опца, если не удаспся ей выдши за него за мужъ. При сей мысли, Мина не могла удержашъ своего негодованія. Не разъ слышала она, какъ кормилица ея

называла свою мачиху *злодѣйкою* (Мина не знала, что такъ обыкновенно называютъ мачихъ во многихъ деревняхъ Франціи и принимала это слово въ насмѣхъ его значеніи). “Какъ, сестрица! сказала она Нели: батюшка намѣренъ женишься, хочешь навязать намъ на шею *злодѣйку* и думаешь, что я спану повиноваться ей и уважаешь ее какъ родную мать! ... О! я выведу его изъ заблужденія; насмѣю, что бы прежде выдалъ онъ насъ за мужъ., — Нели старалась успокоить ее и дала ей почувствовать, что богатство отца ихъ приобретено собственными его трудами и что покойная ихъ мать ничего не принесла за собою въ приданое. Мина не хотѣла слушать разсудительную свою сестру и дерзнула осыпать отца своего самыми оскорбительными упреками. Привыкши съ малыхъ лѣтъ предаваться всему безумству своей мечтательности, она сказала ему, что если онъ не выдасъ ее за мужъ за молодого, любимого ею Верланжа, то она убьетъ съ нимъ и подвергнешъ его отвѣстственности за свой позорный поступокъ. Рамонъ отвѣчалъ однимъ только презрительнымъ

молчаніемъ на наглоспъ своей дочери, а Мина полковала его шерцѣніе въ свою пользу. Но дерзоспъ ея внушила раздраженному опцу мысль — удалишь ее опъ себя.

Въ потъ же самый вечеръ приказаль онъ ей сѣспъ въ карешу, подъ предлогомъ что хочепъ ѣхашъ съ нею на нѣсколькo дней въ деревню. Но приѣхавши въ довольно уединенное мѣсто предмѣстія Св. Антонія, Мина увидѣла сходящихъ изъ за карешы прехъ человекъ, копорыхъ прежде не замѣшила. Они позвонили у дверей огромнаго дома, и одинъ изъ нихъ, опворивъ дверцы, просиль ее выдши. “Для чего?“, спросила шрепещущая Мина, смотря на своего опца. Развѣ мы приѣхали уже?“, — Да, съ величайшимъ хладнокровіемъ опвѣчалъ Рамонъ, мы приѣхали къ благочестивому убѣжищу, гдѣ примѣръ добродѣтелей возвращиль тебѣ къ чеспи и къ здравому разсудку. Въ монаспырѣ Св. Маргариты научильши своимъ обязанностямъ и узнаешъ, какъ должна почишашъ опца, что бы вовсе не лишилься его милоспи. — “Я не выду изъ карешы!“, съ сердцемъ вскричала Мина—

Сопропивленіе швое будешъ бесполезно. Людямъ приказано опвесши шебя насильно въ монашпырь, если не пойдешъ шуда доброй волею. Въ самую эшу минушу подошли они съ шакимъ грознымъ и ужаснымъ видомъ, что испуганная Мина сама бросилась въ монашпырскія дшери, кошорыя немедленно и зашворились за нею.

Рамонъ возврашилсь домой съ горестію въ сердцѣ, что упошребилъ шакую спрогость, кошорую впрочемъ счипаль необходимою.

Примѣръ Мины подѣйспвоваль на Нели. Она узнала изъ эшаго случая, что и самый крошкій и слабый мужчина, если увидишь, что упошребляють во зло его снизхожденіе, дѣлаешся иногда весьма швердымъ. Ласкаясь къ своему опцу, шщечно умоляла она его о прощеніи сешпрѣ. Но рѣшившись бышь ей полезною, имѣла сполько крошосши и покорносши, сколько Мина оказывала своеволія и запальчивосши.

Рамонъ, восхищенный ея поведеніемъ, сдѣлаль ее, несмошря на ея молодосшь, хозяйкою въ своемъ домѣ и позволиль ей принимашь, въ присущствіи спарой ея

няни какъ сесприна, пакъ и собспвеннаго ея жениха . Изъ эпого Нели могла заключишь, что замужсшво ихъ не вовсе еще опмѣнено .

Черезъ мѣсяць, когда Рамонъ узналъ, что Мина ведетъ себя хорошо, позволилъ онъ Нели навѣщати ея въ монастырѣ. Нели убѣждала сеспру имѣти шерпѣнне и обѣщала спарашься, возврашнть ея домой.

Рамонъ зналъ чувспвительность Гжи Офреди; а пошому и не показывался къ ней нѣсколько недѣль. Исполнивъ же все, чего требовало приличіе, спалъ просишь у нее позволенія видѣти ея, и пошчасъ его получилъ.

“Я ожидала васъ,, — сказала ему Гжа Офреди, когда онъ вошелъ къ ней — и сердце мое было порукою, что ваше не перемѣнишь.,,

На шакое нѣжное привѣшствие Рамонъ опвѣчалъ восшоргами пылкой любви. — Точно свобода моя не перемѣнила меня, сказалъ онъ; располагайте моимъ счаспемъ, богатшвомъ и жизнию ... все, что ни имѣю я, принадлежишь вамъ, и я хочу быти невольникомъ шой, кошорая

по своимъ прелестямъ и добродѣтелямъ заслуживаетъ управлять всею. — “Все, что ни сказали вы, съ улыбкою возразила Гжа Офреди, слишкомъ увеличено. Впрочемъ надобно почитать такую любимую женщину. Что касается до меня, то и я считаю васъ существомъ совершеннымъ. Безъ сомнѣнiя, оба мы ошибаемся; но, если возможно, останемся навсегда въ этомъ заблужденiи.

Съ нѣжнѣйшею довѣренностiю разговаривали между собою любовники, какъ вдругъ Гжа Офреди вспомнила, что она еще не спрашивала Рамона о самомъ важномъ. “Другъ мой! сказала она ему; когда узнала я, что вы женаты, то употребляла всѣ силы, что бы забыть васъ и изгнать изъ моего сердца: болѣе года не произносила я вашего имени и не позволяла себѣ никакого вразсужденiя васъ о свидомленiя. Но узнавъ о кончинѣ Гжи Рамонъ, я имѣла слабостъ подумать, что небо возвративъ вамъ свободу, назначило насъ другъ для друга ... я не могла воспрѣшить ни одного человѣка, который бы коротко былъ съ вами знакомъ. Одни говорили мнѣ, что у васъ есть дѣши;

другіе же увѣряюшъ въ пропивномъ. Скажише мнѣ испину: союзъ нашъ не огорчишь ли кого нибудь?., — При такомъ неожиданномъ вопросѣ, Рамонъ, вообразивъ себѣ, что существованіе Мины и Нели можешъ бышь препяшпствіемъ его женишьбѣ и опасаясь, что бы прелесшная вдова не отказалась для его дочерей выдши за него замужъ, рѣшилсѣ обма-нушь ее.—Правда, сказалъ онъ увѣришельнымъ пономъ, у меня была одна дочь, которая желала пойши въ монахини; но она умерла назадъ пому чешыре года. Ничто не могло упѣшишь опчаянную машь, и я думаю, что ея послѣдняя болѣзнь, была слѣдспвіемъ эшой гореспи.—“Бѣдная женщина! воскликнула милая вдовушка — почшимъ же ея памяшь и опложимъ нашу свадьбу до конца года.,,

Рамонъ всѣми силами спаралсѣ унич-пожишь и наконецъ уничпожилъ эшо намѣреніе Гжи Офреди: онъ любиль, былъ любимъ и пошому могъ ожидать, что любовь будешъ за него ходапайспввашъ.

Въ шо же время убѣждалъ онъ ее при-няшь давно пригошовленные для нея брил-ліаншы. Такое предложеніе огорчило Гжу

Офреди и она за то ему выговаривала; но размысливъ послѣ, что принятіе ихъ было бы, такъ сказать, обязательствомъ принадлежать Рамону, приняла ихъ и надѣла на себя, что бы болѣе ему понравиться. Теперь она уже поставила себѣ долгомъ уведомить друзей своихъ, что скоро выдѣтъ замужъ.

Слѣхъ объ этомъ достигъ и до монастыря Св. Маргариты, гдѣ Мина умирала со скуки и опчаянія. Прежде сего она только подозрѣвала, опасалась впрочемъ супружества своего отца; но теперь не могла болѣе въ томъ сомнѣваться. Нашедши случай увидѣться тайно со своимъ женихомъ, пожаловалась она ему на Гжу Офреди и требовала, что бы онъ публично какъ нибудь оскорбилъ ее, но получивъ рѣшительный въ томъ отказъ, отправила къ ней въ тотъ же самый день глупое и дерзкое письмо, въ которомъ грозила ей, что если спанетъ она упорствовать въ своемъ желаніи выдти замужъ за Г. Рамона, или разоритъ его попрежнему, то жизнь ея не будетъ въ безопасности, и п. п. Это письмо, никемъ неподписанное, вручено было пре-

лестной вдовушкѣ въ самое по время, когда Рамонъ на колѣняхъ умолялъ ее назначить день свадьбы. Гжа Офреды прочла его безъ всякаго смущенія, но не могла не огорчиться, что шакъ худо полковали любовь ея. — “У насъ естъ непріятели, сказала она Рамону, отдавая ему письмо: не знаете ли вы ихъ?,,

Рамонъ взялъ письмо, пробѣжалъ его и узналъ слогъ своей дочери, хопя оно писано было и не ея рукою. Удержавъ первое движеніе гнѣва и замѣпя, что въ письмѣ ничего не говорится о его дѣшяхъ, просилъ онъ свою возлюбленную пренебречь безыменною запискою, копорая доказываетъ только безуміе и злобу того, кто писалъ ее. — “Однако же, если вамъ угодно, прибавилъ онъ, что бы я оказалъ всю жестокость мщенія, по прикажете только и увидите ...,, — Ахъ! не говорите о мщеніи, прервала Гжа Офреды, разрывая письмо на мѣлкіе куски; я не любопытствую болѣе и не хочу знать никого, кромѣ васъ, мой другъ, копорого умѣю цѣнить. —

Болѣе не говорили объ этомъ. Но Рамонъ, просясь съ прелестною вдовуш-

кою, размышлялъ о пѣхъ гибельныхъ пред-
 приятіяхъ, на какія могутъ рѣшиться
 его дочери. Онъ положилъ удалить ошь
 себя и Нели, рассказавъ ей что сдѣлала
 безразсудная сестра ея. Хопя и вовсе
 не знала она о дерзкомъ ея поступкѣ,
 однако же Рамонъ считалъ ее соучаст-
 ницею въ этомъ дѣлѣ и не сомнѣвался,
 что бы не она уведомила Мину о его
 женишбѣ. Въ гнѣвѣ поклялся онъ, что
 навсегда прекратишь покушенія послѣд-
 ней, противишься его благополучію и
 принудишь ее поспричься въ монасты-
 рѣ Св. Маргариты, изъ котораго она ни-
 когда не выдешь. — “Тебя не обманули,
 сказалъ онъ Нели: я женюсь на Гжѣ Офре-
 ди; но она не знаетъ, что у меня ешь
 дѣпи, и не узнаетъ объ этомъ до пѣхъ
 поръ, пока не будешь моею супругою.
 Воспользуйся примѣромъ несчастной
 своей сестры, которая во всю жизнь
 не получишь ошь меня прощенія. На годъ
 отправишь ты въ провинцію, и если
 во все это время буду я доволенъ швоею
 скромностію и уваженіемъ къ наилучшей
 и почтеннѣйшей женщинѣ, тогда ты
 возвратишь ко мнѣ, что бы раздѣлишь

мое благополучіе и удостойсья моего попеченія о пвоей учаспи. Ты еще мо-
лода, Нели, и я увѣренъ, что ниско не
почтешь меня дурнымъ, или жестокимъ
опцемъ, если я опсрочу пвою свадьбу
еще на нѣсколько лѣтъ. Это же нужно
и для того, что бы испыташь постоян-
ство пвоего жениха. Немедленно увѣдом-
лю его, что соспояніе мое разспроилось
и что я не могу дать за пбою того
приданого, которое покойная мать пвоя
шакъ неоспорожно ему обѣщала.,,

— Бапюшка! не смѣю роппашь на
ваши приказанія, опвѣчала Нели, проли-
вая испочки слезь; но шакъ какъ вы
сами любите, то не уже ли не будете
имѣть соспрананія къ гореспямъ несча-
спныхъ вашихъ дочерей? — “Да, да, ска-
заль пронупый Рамонъ: я знаю, что ты
добрая дочь, и мнѣ приятно думаешь, что
ты не одобряешь поступковъ сеспры
своей ... ты не знаешь, Нели, какъ беско-
рыспна и благородна ша, которую она
обвиняешь ... Пустая чувспвительность
до сихъ поръ препяпспвуешь Гжѣ Офре-
ди сдѣлашь меня счаспливымъ; но когда
я не буду болѣе спрашишья эшаго пре-

пяшспвія, будь увѣрена, что поговорю ей о тебѣ. До того же времени ничего не пребуи и повинуйся: одною шолько покорносцію можешь сохранишь къ себѣ дружбу швоего опца и надежду къ нему возвращись. Завтра шы поѣдешь. „ — Располагайше мною, башюшка, шико сказала Нели, и будьше благополучны.—

Рамонъ, пронувшій крошосцію Нели, прижалъ ее къ своему сердцу и гоповъ былъ опмѣнишь данное имъ приказаніе; но—онъ еще не осмѣлился признашьсѣ Гжѣ Офреди въ своемъ обманѣ. Нѣжное чувствво родительской любви успушило мѣсто боязни лишисьсѣ обожаемой невѣсты, и Рамонъ удовольсьшвовался шолько шемъ, что даль Нели восемь дней на пригошовленія къ ея опѣвзду, съ шакимъ однако же условіемъ, что бы она никуда не выходила изъ дома и что бы не видалась даже и съ сесшрою.

Свадьба Рамона съ Гжею Офреди, назначенная чрезъ мѣсяць, зашавила его, немедленно послѣ эшаго разговора, опшправисьсѣ для разныхъ покупокъ по эшому случаю: бѣдная Нели предалась самымъ гореспнымъ размышленіямъ.

Лишь только уѣхалъ онъ, какъ вдругъ кареша остановилась у подъѣзда и Нели услышала голосъ молодой женщины, спрашивающей ея отца. — “Г. Рамонъ сей часъ уѣхалъ, опвѣчалъ придверникъ, а барышня дома., — Какая барышня? спросила дама. — “Нели, младшая дочь г. Рамона.,”

Слова сіи открыли глаза Гжѣ Офреды (эпо была она сама). Съ поспѣшностію выходить она изъ карешы и сквозь полуоткрытую дверь видитъ печальную Нели, не будучи сама примѣчена ею. Она нашла въ ней совершенный порпуръ отца ея, и если бы имѣла еще какія либо на эпошь счешъ сомнѣнія, по одно присутствіе несчастной вовсе бы ихъ уничтожило. На Нели былъ прѣуръ по маперу: крошкое, и томное ея лице могло внушить живѣйшее учаспіе въ особу и не споль чувствительную, какова была любезная вдовушка.

“Милая Нели! какой приятный сюрпризъ приготовилъ мнѣ Г. Рамонъ, сказала Гжа Офреда, обнимая ее. Я не знала, что онъ имѣетъ дѣшей. Но не противны ли имъ будущъ любовь и попеченія впроу маперу?,, — Я погибла! вскричала

Нели, и едва не упала въ обморокъ. Ахъ, сударыня! если башюшка подумаешь, что я завлекла васъ сюда, то никогда не простишь мнѣ эшаго. — “Не говорите же ему, что я была здѣсь... но мнѣ весьма прискорбно видѣшь, какой ужасъ поселила я въ васъ, милая Нели. Скажите, что за мысль у вашего башюшки скрываетъ опъ меня ваше сущесствование?,, — Ахъ, сударыня! Нѣкогда любилъ онъ насъ, любилъ нѣжно; благополучіе наше казалось близкимъ... но шеперь... бѣдная моя сестра заключена въ монастырь и должна навсегда шамъ оспашься... я сама скоро оставлю башюшку... и того — прибавила она, проливая слезы — кошораго покойная моя машушка позволила мнѣ любить. — “Никогда, никогда, вскричала Гжа Офреди, не буду я причиною вашего несчастья! И хотя бы должно было мнѣ пожертвовашь собою, вы не спанете жаловашься на случай, сблизившій меня съ вами. Но что бы я могла служить вамъ, надобно имѣшь намъ другъ къ другу совершенную довѣренность... Милая Нели! не вы ли написали обидное ко мнѣ письмо, кошорое шакъ раздражило вашего башюш-

ку?,, — Чувствую, сударыня, что вы не способны упрекнуть во зло мое признаніе; и такъ знайте, что письмо было отъ моей несчастной сестры: гнѣвъ и опчаяніе водили ея перомъ. Но недовольно ли вы опмщены? Мина осуждена на вѣчное заключеніе въ монастырь, гдѣ находишься шеперь.—“Не безпокойтесь ни сколько объ ней, моя милая; прошу васъ считатьъ меня отнынѣ самымъ вѣрнымъ и самымъ нѣжнымъ вашимъ другомъ... сестрица ваша, подобно вамъ, не любитъ ли кого нибудь?,, — Мы должны были объ выдти замужъ въ нынѣшнемъ же году; но бабюшка отказывается въ приданомъ: онъ объявилъ мнѣ это сегодня утромъ.—

Гжа Офреди разспросила о именахъ и состояніи молодыхъ людей, за которыхъ помолвлены были дочери Рамона, и узнала сверхъ того, что обѣщанное за ними приданое состояло въ 30.000 франкахъ за каждую. Получивъ эти свѣденія, начерпала она въ умѣ своемъ планъ, какимъ образомъ быть имъ полезною. Ей случилось видѣть жениховъ Мины и Нели; но она сочла за лучшее умолчать объ этомъ при Нели. Сія послѣдняя, прону-

шая ласками Гжи Офреди, полюбила ее и оспалась увѣренною, что никто сполько, какъ она, не сдѣлаешь имъ пользы въ наспоющемъ ихъ положеніи.

Гжа Офреди совѣшовала ей не показывать ни малѣйшаго опшращения въ повиновеніи волѣ родишеля, ѣхашь безъ спраха и печали и бышь швердо увѣренною, что эша ссылка не долго продолжитсѣ.— “Судьба Мины, сказала она ей, шрогаешь меня не менѣе вапей; меня оклевешали, но одни упреки ея совѣспи опмсшашь ей за ея несправедливостъ, и я надѣюсь засшавишь васъ обѣихъ со временемъ полюбишь шу, кошорая уже искренно васъ любишь.,,

Нели, убѣжденная ласковымъ обхожденіемъ Гжи Офреди, съ нѣжностію обняла ее, увѣряла въ своемъ почшеніи и вѣчной привязанности, и не спрашивая о средспвахъ, какія намѣрена была она употребишь для ихъ благополучія, съ величайшею скромностію обѣщала ей слѣпо повиновашься ея совѣшамъ.

Опасаясь, что бы Рамонъ не возвратился и не засшалъ бы ихъ вмѣстѣ, Гжа Офреди просшилась съ Нели ранѣе, не-

жели какъ бы хопѣла; придверника легко склонили къ молчанію объ этомъ посѣщеніи, и по истеченіи срока Нели отправилась въ Нормандію къ одной родсвенницѣ, которая давно желала ее видѣть.

Сдѣланное Гжею Офреди открытіе чрезвычайно огорчило ее, не попому однако же, что ея замужство будешь уже не столь выгодно, какъ она предполагала, но попому, что Рамонъ не былъ съ нею опкровенень. Хотя любовь и служила ему извиненіемъ, но Гжа Офреди съ шрудомъ могла проспихъ ему намѣреніе его пожертвовашъ для своей спраспи счастиемъ прелестной и пришомъ еще любимой имъ дочери. Предполагаемое супружесство было уже шакъ гласно и всѣ обшояшельсшва были шаковы, что она не могла опказашъ Рамону. Впрочемъ это средство и не предшавило бы ей возможности бытъ полезною его дочерямъ. Гжа Офреди нашла другой способъ: она спала обходиться съ нимъ довольно холодно. Рамонъ не зналъ шому причины и былъ сильно оппревожень.

Но что засшавило Гжу Офреди при-

ѣхашь нечаянно къ Рамону? — Выигрышь процесса, соспоявшаго въ помѣ, что наслѣдники покойнаго Офреди оспоривали у нее право на купленный имъ для нее прекрасный домъ. Почишая себя счастливою, что можешь нѣскольکو увеличить богатство человека, искавшаго ея руки въ то время, когда она не имѣла ничего, прелестная вдовушка нещерпѣливо желала объявить ему эту новостъ, думая, что при обстоятельствахъ, въ какихъ тогда находилась, можешь она, не нарушая скромности и приличія, сдѣлать ему посѣщеніе.

Но это происшествіе ничего не прибавило къ благополучію Рамона, который былъ человекъ самый безкорыстный и неспособный заниматься будущимъ. вмѣсто того, что бы обрадовался, онъ, замѣшивъ перемѣну во нравѣ и любви къ нему Гжи Офреди, началъ спрашиваться, что бы счастливо оконченная ею сязка не послужила ему еще ко вреду.

Подъ самыми пустыми предлогами Гжа Офреди претовала, что бы день свадьбы былъ отсроченъ, мучила его своими капризами, желаніемъ господствовать.

Рамонъ не замѣчалъ въ ней эпаго прежде; а пошому заключилъ, что она не любила его истинно, и что, обезпечивъ свое существованіе выигрышемъ процесса, желаетъ разспоргнуть съ нимъ свои обязанности.

Предположеніе его было однако же несправедливо: Гжа Офреди всегда любила его; но она соспавила планъ, исполненіе котораго претбовало безпредѣльной надъ нимъ власти.

Видя же наконецъ опчаяніе Рамона, и не зная, какимъ бы образомъ возвращишь его къ шѣмъ чувствованіямъ, которыя сначала поселила въ него, показала она видъ, будшо не можетъ болѣе прищворщивать. — “Другъ мой! сказала однажды она ему: минуша нашего соединенія приближается; но я не иначе могу рѣшишь бышь вашей супругою, какъ, получивъ опъ васъ доказательство несомнѣнной ко мнѣ любви и самой неограниченной довѣренности., — Вы очень хорошо знаете, что нѣтъ никакого испытанія, которому бы не могли меня подвергнуть; но сердце ваше переменилось и я всего долженъ опасатьсь. — “Не уже

ли опасаетесь вы, что я могу потребовать отъ васъ жертву, слишкомъ тяжкую? Право, любезный Рамонъ, мнѣ кажется, что мы не понимаемъ другъ друга.,,

Рамонъ бросился къ ногамъ Гжи Офреди и поклялся, что готовъ жертвовать ей самую жизнь. — “Этого не нужно, сказала она: надобно только сію же минуту подписать вамъ эту бумагу. А что въ ней написано, узнаете тогда, какъ пойдемъ къ алтарю. Любите ли вы меня сколько, Рамонъ, что бы согласился на мое предложеніе?,, — Охотно соглашусь, хотя бы я долженъ былъ пожертвовать вамъ всемъ моимъ имѣніемъ. — Сказавъ слова сіи, Рамонъ беретъ бумагу и подписываетъ ее, не обнаруживая ни сколько ни страха, ни любопытства относительно ея содержанія.

Прелестная вдовушка идетъ въ свой кабинетъ, запираетъ въ бюро бумагу и возвращается къ Рамону, предаваясь восторгамъ живѣйшей любви. “Я получила отъ васъ, любезный другъ, сказала она ему, величайшую власть; но повѣрьте, что употреблю ее къ вашему же благо-

получію. Не будемъ далѣе оплагать нашего брака: чрезъ двѣ недѣли украсю я себя именемъ вашей супруги. Но и эта опсрочка уменьшился, если удастся намъ сократить необходимые обряды. Теперь объявите объ этомъ вашимъ друзьямъ и будьте увѣрены, что я не менѣе васъ счастлива.,,

Нѣсколько дней сряду Рамонъ не чувствовалъ ничего, кромѣ неизъяснимой радости. Занимаясь только приготовлениями къ свадьбѣ и подарками, копорыѣ намѣренъ былъ сдѣлать молодой своей супругѣ, забылъ онъ всѣ прочія дѣла, всѣ прочія обязанности ... но вдругъ вспомнилъ о злополучныхъ дочеряхъ своихъ. — “Бѣдная Нели! сказалъ онъ самъ себѣ: не уже ли нужно, что бы дни, посвящаемые мною собственному моему удовольствію, проводила ты въ горести и въ слезахъ? Такимъ ли образомъ могу я заславить себя любивъ мачиху? И какъ не видѣть тебѣ врага въ шой, для копорой удалена ты изъ подъ опеческаго крова? Что касается до Мины, то она заслуживаетъ свою участь: я оскорбленъ ею самымъ чувствительнымъ образомъ, оскорбленъ

въ предметъ , для меня драгоцѣнномъ . . .
 надѣясь скоро выдти замужъ за своего
 любезнаго , она предвидѣла , что богат-
 ство мое перейдешь въ другія руки , что
 я не сдержу своихъ обѣщаній . . . жребій
 ихъ зависишь ошь одного меня ; онѣ уже
 начинающъ чувствовашъ цѣну жизни ; а
 я , я ничего еще не сдѣлалъ для ихъ бла-
 тополучія . . . Ахъ ! это забвенеіе отправляетъ
 собственное мое счастье . . . но я исправ-
 ляю свою ошибку , исправляю , когда испол-
 няшся мои желанія ; признаюсь велико-
 душной супругѣ , что имѣю дѣшей , при-
 веду ихъ къ ней , и она вѣрно согласится
 пожертвовашъ необходимымъ , что бы
 приспособишь . . . Вѣрно согласишься ? вскри-
 чалъ онъ , будучи пораженъ внезапно но-
 вою мыслию . Но кто меня въ эшомъ увѣ-
 ришь ? Что это за таинственная бума-
 га , копорую я шакъ неоспорочно подпи-
 савъ ? О безуміе ! о заблужденіе любви ! . . .
 если Гжа Офреди знала , если она взяла
 съ меня обязашельство , никогда не ви-
 дашь ихъ ! . . . если я самъ себя связалъ ру-
 ки и не могу успроишь жребія бѣдныхъ
 дочерей моихъ ! . . . Нѣтъ , нѣтъ , еще есть
 время ; нынѣ же все ей открою , пошре-

бую объясненія тайны... Не сказала ли она мнѣ, что я далъ ей сильную власшь? Такъ, нѣтъ сомнѣнія, это надъ моими дѣтьми! Правда, она чувствительна, великодушна, безкорысна и достойна всякаго уваженія; но я спрасивно люблю ее и, бышь можешь, ослѣпленъ любовью!.,

Устыдясь своей слабости, Рамонъ рѣшился обо всемъ переговорить съ Гжею Офреди; онъ и дѣйствительно отправился къ ней, но приѣздъ многихъ изъ ея друзей не допустилъ его до объясненія.

Они пригласили ее за городъ, на что прелестная вдовушка охотно согласилась. Рамона осыпали искренними поздравленіями съ его благополучіемъ, потому что поведеніе Гжи Офреди всегда было неукоризненно, хотя красота ея и паланцы внушали болѣе, нежели обыкновенную спрасшь.

Эшотъ день, на канунѣ свадьбы, проведенъ былъ самымъ приятнѣйшимъ образомъ. Прелестная вдовушка была очаровательна и не скрывала своего неперпѣнія скорѣе соединиться узами брака со счастливымъ Рамонемъ. Осыпанный самыми лестными знаками любви, могъ ли

онъ въ сію минуту обнаружитъ свое подозрѣніе, нарушитъ общее веселіе? Едва нѣсколько минулъ удалось ему пробить съ нею наединѣ, и какъ же употребить ихъ на разговоръ важный, неприятный и, быть можешь, оскорбительный? Какъ откажешься опъ того, что общалъ? Оглашеніе о бракѣ уже сдѣлано, день назначень! . . . Рамонъ спарался преодолѣвать свою печаль и перзался совѣспію, а между темъ приближался споль желанный и споль спрашный для него день.

Гжа Офреди, прощаясь съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, просила его на слѣдующее утро приѣхать къ ней часомъ прежде, нежели соберутся свидѣтели и прочіе гости. Приглашеніе прелесной вдовы заключало въ себѣ какую-то важность и торжественность. Рамонъ содрогнулся, но общалъ — и эша ночь, предшественница споль прекраснаго дня, проведена имъ въ душевномъ безпокойствѣ и сильномъ волненіи чувствъ.

Рамонъ не могъ еще заснуть, а день уже показался. Вскочивъ съ постели и наскоро одѣвшись, спалъ онъ ходитъ по комнашѣ вдоль и поперегъ. Видъ его былъ

печальный и разсброенный. Слуги не могли понять что сдѣлалось съ ихъ господиномъ. Наконецъ наспунилъ пошъ часъ, въ которъй должно было ему явиться къ Гжѣ Офреди. Онъ опсправляется и заспаетъ ее уже совсемъ гошовой, во всемъ блескѣ красосы и нарядовъ. Чистая радость сияла въ ея глазахъ. Взявъ его за руку, она сказала: “другъ мой! прежде, нежели будемъ мы окружены людьми поспоронними и равнодушными къ нашему благополучію, хочу предспавить вамъ двухъ молодыхъ особъ, которъихъ люблю со всею горячностію, со всею нѣжноспію моего сердца. Вы сами дали мнѣ на шо неограниченное право, и онѣ горящъ неперпѣниемъ васъ видѣшь.,, Въ самое эшо мгновение опспоряетъ она дверь своего кабинеша—и обѣ дочери Рамона бросающъ къ его ногамъ. Онѣ были въ бѣлыхъ нарядныхъ плащяхъ и украшены шѣми самыми брилліаншами, которъе за нѣсколько мѣсяцовъ, подарилъ онъ Гжѣ Офреди. Позади ихъ спояли оба ихъ жениха.

— Что вижу я! вскричалъ Рамонъ. Дочери мои здѣсь! Мина, которую хочу и долженъ наказашъ!—“Вошъ ея прощенье,

возразила вдовушка, подавая ему подписанную имъ бумагу. Она уполномочила меня призвать къ себѣ своихъ дочерей и соединить ихъ съ пѣми, копорые избраны были для нихъ покойною пвоею супругою и самимъ побою. Я читала въ душѣ пвоей, мой милый другъ: счастье Мины и Нели было необходимо для пвоего благополучія. Но изпоргнувъ у себя согласие, увѣрена совершенно, что пы не разкаяваешься въ данной мною власпи., — Ты не женщина, но божество! вскричала. Рамонъ, бросаясь предъ нею на колѣни. Дѣпи мои, любезныя дѣпи! вспаньше и раздѣлите вмѣспѣ со мною любовь къ этому небесному существу: мы одолжены болѣе, нежели жизнью, тому, кто спасаетъ насъ отъ угрызений совѣспи.— Рамонъ прижалъ къ своему сердцу дочерей и ихъ жениховъ. — Поцѣлуй, объяпія, сердечныя изліянія радости и благодарности были общія.

Но слова замерли на устахъ Рамона, когда узналъ онъ отъ будущихъ супруговъ Мины и Нели, что приданое послѣднихъ уже ими получено: Гжа Офреди, пользуясь приобрѣщеннымъ ею наслѣдствомъ и

будучи увѣрена въ хорошей нравственности Верланжа и Норлеса, употребила все свое богатство на выполнение условленныхъ обязательствъ.

Эти три брака, совершенные въ одинъ и тотъ же день, были, какъ увѣряють, постоянно счастливы.

Много говорили о семь примѣрѣ великодушія, заслуживающемъ, безъ сомнѣнія, величайшую похвалу; но онъ не спользодокъ, какъ думаютъ.

Какая благородномыслящая женщина не почувствуетъ важности правъ, приобретаемыхъ ею усыновленіемъ дѣтей своего мужа! Какъ прочны, приятны и драгоценны связи, образуемыя любовію и укрепляемыя уваженіемъ!

Съ Франц. Х.

*****

ОРУЖЕНОСЕЦЪ КОРОЛЯ БУРГУНДСКАГО.

Повѣств.

Король Бургундскій возвращался съ войны; его дочь, прелестная Луизгарда, смотрѣла съ балкона, какъ всступала въ замокъ любезный отецъ ея, сопровожда-

емый многими своими воинами; одинъ изъ оруженосцевъ ѣхалъ подлѣ самаго Короля. Съ восторгомъ поспѣшила она привѣспвовать милаго родителя; и угрюмый, спарый Король не могъ пропивившья радости при взглядѣ на прелестно разцвѣпающую дочь свою, хопя мысли его болѣе заняты были его могущеспвомъ и величїемъ. По смерти своей супруги онъ ввѣрилъ дочь надзору честной женщины, Гизелы, бывшей ея кормилицы.

Всякой разъ, когда Король выѣзжалъ, или возвращался со своею свилою въ замокъ, Луисгарда спомрѣла съ балкона на его шеспвіе, и если взглядывала на молодого воина, ѣхавшаго подлѣ Короля, въ ней возникали пѣ сладкія чувспвованїя, кои раждаются весною, впервые послѣ мершваго дыханїя зимы. Ощущенїе всего ея бышїя, казалось, вдругъ развернулось въ ея юномъ сердцѣ; никогда не видѣла она споль привлекапельной красоты, споль очаровашельнаго образа.

Съ невинною дѣшскою опкровенностпю спросила она опца: “скажи мнѣ, милый родитель мой, зачемъ одинъ изъ пвоихъ оруженосцевъ всегда ѣздишь близъ шебя?,,

—Такъ, возразилъ Король: онъ оказалъ на войнѣ храбрость; я хочу почипить его, и для шого позволяю ему ѣздить всегда подлѣ себя. —

“Но кто онъ?“, спросила дѣвушка, вся покраснѣвъ опъ благопріяшнаго опвѣща.

—Онъ, прервалъ Король, Ринальдъ, мой оруженосецъ. —

Какъ восхищена была Луипгарда, когда узнала, что чѣловѣкъ, споль плѣнительнымъ предспавившійся въ ея глазахъ, шакъ уважаемъ опцемъ ея! Последнее напоминаніе о низкомъ соспоянніи его она въ радости едва замѣшила. Ревностнѣе, чемъ прежде, глядѣла она во слѣдъ Ринальда и уже издали узнавала его, ибо сановитый Ринальдъ гордо возвышался среди другихъ воиновъ, подобно ели на ушесиспомъ хребтѣ Юры, гдѣ онъ родился и уже съ первымъ небеснымъ воздухомъ впивалъ въ себя мужесшво.

Часпо видѣла Луипгарда, какъ онъ на обширномъ дворѣ замка гонялъ и укрощалъ дикихъ коней, прежде, нежели Король опваживался сѣспъ на нихъ; она видѣла, съ какою силою и проворспшвомъ, какъ легко и вмѣспѣ игриво управлялъ

онъ ими по своей властительной волѣ. Во всемъ казался онъ ей достойнымъ удивленія. Только одно начало поспешенно огорчашь ее: никогда не могла она остановишь на себѣ хоть одинъ взглядъ свѣпыхъ глазъ его; безъ всякаго къ ней вниманія и предубѣжденія шель онъ своею дорогою и, казалось, ни мало не забопился о великой благосклонности, родившейся къ нему въ нѣжной груди прелестной Принцессы.

Даже когда, прогуливаясь со своими прислужницами, Луизгарда встрѣчалась на пуши съ нимъ, прекрасный юноша шакъ равнодушно смотрѣль внизъ со своего величаваго коня; привѣспивоваль ее, какъ привѣспивовали другіе: но его взоръ споль чуждо касался ее, какъ будто оба они были существа не одного міра, и наконецъ едва не поперяла дочь Короля мужесшва, любишь сего бѣднаго человека, родившагося въ ничпожеспвѣ. Казалось, для одной шолько службы Королю, къ которому онъ былъ привязанъ неизмѣнною вѣрностью, имѣль онъ чувспво и душу.

Но сколь ни глубоко оскорблено было симъ равнодушіемъ сердце дѣвушки, она

не могла пропивиться возрастающей склонности къ Ринальду, воспламенившейся всею огнемъ первой любви, хотя сама Луизгарда не знала сего, по своей, еще младенческой, неопытности. Ея невинное сердце жаждало раскрыться предъ любезнымъ опцемъ; и, лишь только случилось ей быть вновь съ нимъ наединѣ, она еще разъ обратила разговоръ къ паинспвенному любимцу. “Скажи мнѣ, милый родителъ мой! — начала она своимъ нѣжнымъ, умильнымъ голосомъ: — изъ какой страны твой храбрый Ринальдъ?”,

— Съ хребта Юры — сухо отвѣчалъ Король, который въ этою разъ былъ въ меньше снисходительномъ расположеніи, нежели въ прошедшій.

‘И если онъ столько для...?’, продолжала она спрашивать.

— Луизгарда! угрюмо прервалъ ее Король: непристойно дочери Короля Бургундскаго говорить столь много и подробно объ оруженосцѣ своего опца. Дѣвица, ожидающая всякой день жениха, не должна болѣе заниматья такими дѣпскими пустяками, которые могутъ быть для него весьма неприятны. Ты должна

знашь, что я общалъ себя въ супружесво одному Королю богатыхъ Нидерландъ, кошорый въ скоромъ времени прибудешъ сюда. —

Сѣ сими словами Король обернулся и вышелъ изъ комнашы, оставивъ несчастную дочь свою почти въ безпамятствѣ. Теперь въ одно мгновеніе упалъ покровъ, сокрывавшій донынѣ опъ нея жизнь и ея собственное сердце; теперь должна она познать чувство, привязавшее ее къ шайному любимцу, уже изъ самаго спраха, съ какимъ услышала она вѣсть о другомъ женихѣ, хопя она вмѣстѣ узнала, что отецъ ея совсемъ не одобрялъ сей любви, и даже отвергъ какъ безчестную.

Мучительная борьба возспала въ груди ея; увяли розы на ея щекахъ и блѣдныя лиліи заспунили ихъ мѣсто. Погасло сіяніе прелесныхъ, нѣжныхъ глазъ ея, и одна помноспъ оспалась въ нихъ.

Оспрый взоръ маперинской заботливости легко усмаприваетъ болѣзнь дыпяши, и съ заботливою маперинскою любовью пришла Гизела къ прелесной Лушгардѣ; скорбь пронзила ея сердце, когда она увидѣла нѣжную дочь свою увяд-

шею; и дополѣ неуспокоилась, пока не проникла въ пайну, хопя печальная Луишгарда рѣшилась взять оную съ собою въ могилу. Куда Гизела не достигала вопросами, шамъ помогала ей женская проницашельность, шакъ чпо вскорѣ она опгадала истину, и признашельная Луишгарда не могла пропивишься ея просьбамъ; горько рыдая, упала она на грудь вшорой своей мапери, и опкрыла ей злощаспную вину своей печали.

Смерпный холодъ пробѣжалъ по членамъ Гизелы; съ ужасомъ она опспувила назадъ, когда услышала имя шого, кшо былъ въ споль великомъ разспоянїи опъ дочери Королевской. Невольно шрепешала она, помышляя о обширной пропасши, просширавшейся между обоими. Но по безпредѣльной любви къ своей пипомицѣ скорб опомнилась, и не дала замѣшишь печальной Луишгардѣ, сколько сама раздѣляетъ ея спрахъ; много разъ пышалась она пролишь ушѣшенїе въ спѣсенное сердце, и когда увидѣла, сколь глубоко и неизцѣлимо спрасъ пуспила въ оношь корень, шо надѣялась одною своею женскою хипроспью избрѣспи какое ни-

будь средство, чтобы ее успокоить и
подашь ей спасительную надежду. “О,
не плачь, не орошай нежныхъ глазъ
твоихъ слезами, мое милое, любезное дитя!
воскликнула она, лобызая ее—все кон-
чишься благополучно!,,

—Ахъ! какимъ образомъ, милая Гизе-
ла?—спросила Луишгарда, поднявъ не-
сколько свою голову, съ прелестными
разпущенными локонами, и успрямивъ на
няню глаза, блестяще жемчужными сле-
зами

“Все кончишься благополучно!,, — по-
впорила Гизела—и старалась утѣшить
печальную. — “Пусть Ринальдъ низкаго
произхожденія, но его любишь и цѣнишь
самъ Король—и при всемъ томъ, онъ, по
правдѣ, не простой оруженосецъ; выра-
женіе лица, красота, обращеніе — все въ
немъ слишкомъ благородно.,,

—Въ самомъ дѣлѣ? — съ жаромъ пре-
рвала Луишгарда, и лучи оживленія вос-
палились во влажныхъ глазахъ ея, подня-
тыхъ съ задумчивостію — о, мнѣ гово-
ришь мое сердце, что я не нарушаю чести,
любя того, кого сама природа, кажешься,
созворила бышь царемъ, и кого украша-

еще всю прелесть и блеском и выражением истинного благородства въ чертахъ лица—до совершенства, какими могутъ только обладать повелители свѣта.—

“Тише! тише! милая дочь моя!”, вскричала Гизела, еще болѣе убѣжденная жаромъ, съ какимъ говорила любовь, въ ея силѣ и горячности. „

— Но увы! воскликнула Луитгарда, вдругъ склонивъ голову, съ перзающею сердце скорбью— какъ могу я, злосчастная, льститься хотя однимъ лучемъ надежды? Ахъ! онъ не любитъ меня! Съ равнодушіемъ, съ холоднымъ равнодушіемъ отвергаются отъ меня его милостивыя очи!...—

И ея слезы опять брызнули ручьями. Сія минуша пробудила снова живѣйшее состраданіе въ сердцѣ Гизелы, и вмѣстѣ съ онымъ возмутилась вся женская гордость, что любезная воспитанница ея, прелестная дочь Короля, презрѣна человекомъ, въ ничтожности рожденнымъ человекомъ! “О, если пакъ, воскликнула она въ гнѣвъ, то сіи прославляемые глаза не имѣють зрѣнія! Нѣтъ! онъ только не

осмѣливаешься поднышь ихъ споль высоко! О, если бы зналъ онъ, какая пріязнь къ нему живешь въ груди прекраснѣйшей Принцессы! — шакъ, онъ не повѣрилъ бы своему счастію! „

Тушь она осшавляетъ дѣвушку въ соспоянїи, когда опчаяніе сливается съ восхищительною надеждою, и спѣшитъ опыскать суроваго Ринальда; скоро находишь его одинокаго въ саду.

Она пышалась начашъ съ нимъ разговоръ, и шакъ какъ эшо былъ уединенный уголь сада, шо и могла безпрепятственно бесѣдовать съ нимъ о томъ, чемъ было преисполнено сердце, хопя и видѣла что крѣпкій и бодрый воинъ, сынъ горь, при всей своей чистой, душевной скромности, былъ, подобно родимымъ упесамъ, неприспунень для разговора, какой имѣла она въ мысляхъ.

“Храбрый Ринальдъ, начала Гизела послѣ обдуманнаго вспуненія, опъ чего эшо споль прекрасный юноша все еще живешь въ одиночествѣ? „

—Я не прекрасень, возразилъ, довольно сухо перебивъ ее Ринальдъ, и шакже не одинокъ: мои шоварищи—оруженосцы

составляюшъ для меня пріянное общество.—

“Но, прервала Гизела, вы могли бы найти еще пріяннѣйшее общество съ прелестною женщиною. ,,

Тутъ храбрый Ринальдъ съ изумленіемъ, со взоромъ, изъявляющимъ гордость, устремилъ свои мужеспвенные, лазурные очи на Гизелу, и сказалъ: начто спрашивае вы слова? Я не хочу ничего знашь о женщинахъ, и Богъ сохранялъ меня въ спокойствіи!....Я имѣю уже блестящую и вѣрную невѣсту!—прибавилъ онъ, возвращаясь къ веселости.

“Какъ?—въ ужасѣ воскликнула Гизела—кто она? ,,

—Она, засмѣялся Ринальдъ, моя добрая сабля! Она всегда вѣрна мнѣ и оспрашивать только противъ враговъ моихъ; эпаго никогда не бываетъ въ женщинахъ.—

“Но, съ важностью продолжала Гизела, если бы прекраснѣйшая и благороднѣйшая дѣвица привязана была къ вамъ нѣжною склонностію? Если бы жизнию своею жертвовала любви вашей? ,,

“Ахъ, къ чему сей смущный разговоръ? перебилъ, вырываясь Ринальдъ. Оставьте! меня ожидаюшъ въ замкѣ.,,

При сихъ словахъ онъ проворно обернулся и направилъ обратный пушь къ замку.

“Оспановишесь! только на одну минушú оспановишесь,, — воскликнула Гизела, удерживая его, и проворно вынула маленькй порпрешъ, предспавлявшй плънипельную Луишгарду во всей юной ея прелеспи...,

“И если бы эшо было изображенiе шой, кошорая васъ избираетъ изо всѣхъ мужчинъ свѣпа и пылаетъ къ вамъ нѣжною, чистюю любовiю?,, — сказала она и посмошрѣла на него испышующимъ взоромъ.

Юноща бросилъ взглядъ на порпрешъ; эшо дочь Короля, воскликнулъ онъ и присовокупилъ съ гнѣвомъ: или вы кошпше насмѣхашься надо мною? — Между шемъ быспрый пламень пробѣжалъ по лицу его, и его глаза еще разъ успремились на прелеспныя чершы.

Опышная Гизела воспользовалась симъ мгновениемъ, когда суровая швердоспъ вишпязя начала успунашъ проницашельному могущеспиву любви, и увѣрила его въ справедливоспи словъ своихъ, что Луишгарда

дѣйствительно питаешь къ нему спрaстѣ нѣжную и глубокую.

— О Боже! воскликнулъ добродѣтельный воинъ, и еще разъ хотѣлъ спросившись.— Какъ можете вы говорить такимъ образомъ? Я бѣденъ и родился въ простомъ состояніи! —

“Вы бѣдны? возразила Гизела. — О, верьте мнѣ: царскій пурпуръ не прелестнѣе для Луишгарды пурпура, украшающаго ваши ланины! И всѣ сапфиры въ убрaнствѣ Короля не такъ цѣнятся ее своимъ блескомъ, какъ лазурь глазъ вашихъ. И хотя бы вы были низкаго происхожденія, не возвыщаетъ ли васъ мужество ваше и ваша храбрость?,,

Гизела избрала вѣрный путь; честолюбіе юнаго, жаждущаго подвиговъ сердца ослѣпило Ринальда надъ пропастью, простиравшеюся между нимъ и Королевскою дочерью, и усилило еще болѣе возрастающую спрaстѣ къ ней. Прелести, быль любимымъ достойною любви женщиною, рѣдко прошившись чувствительное сердце мужчины; и тогда менѣе всего, когда оно благороднѣе и забываетъ самъ себя.

Гизела замѣтила однако Ринальду,

что, сколько бы Король ни возвышалъ его, непременно должно сохранить ошь него сію любовь въ шайнѣ, пакъ какъ эпо необходимо для наспопящаго времени. Для сего обвщала ему свиданіе съ Луишгардою и опозвала его при наступившей ночи въ одно маленькое уединенное жилище, кошорое она имѣла въ ближнемъ лѣсу.

Сражаясь съ боязнью и восхищеніемъ, получила дѣвушка сіе желанное, а шеперь ее ужасавшее извѣстіе; и съ робоспію послѣдовала за своимъ вожапымъ, когда ночь начала разпроспраняпъ по землѣ защитный покровъ свой.

Уединенное лѣсное жилище, казалось, существовало для прибѣжища угнѣпенной любви. Приятная березовая рощица пихо шелеспила зелеными листьями, споль же свѣжими, какова была юная; разцвѣшающая любовь въ обоихъ невинныхъ сердцахъ; съ говоромъ бѣжалъ ручей передъ маленькимъ домикомъ и перялся въ кустахъ на ближней полянѣ; и соловей свою сладоспную, унылую шоску любви изливаль въ спраспной пѣсни; ласково глядѣли звѣзды сквозь вершины высокихъ деревьевъ.

Съ какимъ мучительнымъ и припомъ прелестнымъ смущеніемъ вспрѣпились любовники! Нѣсколько времени продолжалось взаимное ихъ молчаніе, прежде нежели осмѣлились они вспрѣпиться своими взорами, межъ темъ какъ пылающая краска пролепала попеременно на ихъ щекахъ - доколѣ чувство не взяло своего пупи, доколѣ Ринальдъ, котораго новое, непредвидѣнное счастье облекало какъ бы нѣкимъ шуманомъ сновидѣнія, не палъ къ ногамъ прекрасной дочери Короля, склонившейся надъ нимъ съ попоками слезъ: спыдливое, краснорѣчивое признаніе любви! —

Когда оба они вышли изъ забвенія, Ринальдъ первый сказалъ: “Принцесса, вы копорой съ сего мгновенія принадлежите вся жизнь моя, хопя я чувствую все разспояніе между вами и мною, бѣднымъ, ничшожнымъ воиномъ — но, прибавиль онъ съ нѣжноспію смопря ей въ глаза — еще никогда сія рука не обнимала женщины — можеше ли вы играете моимъ искреннимъ сердцемъ?,,

— О, Ринальдъ, возразила Луишгарда прогашельнымъ, убѣдительнымъ голосомъ,

не думайте обо мнѣ такъ низко потому, что я не довольно была шверда с хранишь тайну, которую хотѣла взять съ собою въ могилу. — Но я клянусь предъ Владыкою неба, что никогда не былъ въ душѣ моей образъ мужчины, и впредь никто не будетъ занимать ее — кромѣ Ринальда.

При сихъ словахъ она подняла къ небу свои прелестные, помные глаза, которыми любовь Ринальда придала новый огонь. Восхищенный юноша снова повергся къ ногамъ Луизгарды — и они помѣнялись клятвою въ вѣрности до гроба.

Между темъ, какъ юная любовь, уже по увѣренію въ привязанности взаимной, утонула въ несказанномъ блаженствѣ, Гизела подала совѣшь мудрой спаросши. Она повшорила обоимъ, какъ необходима шеперь спрожайшая шайна; возрѣніемъ на скорое возвышеніе Ринальда она зашпавила умолкнушь младенческую боязнь дѣвушки и чувство совѣспи праводушнаго война. Еще нѣсколько разъ увидѣлись спраспные любовники подъ защипою уединенія.

“Милая Гизела, воскликнула послѣ

нѣкопорого времени невинная Луитгарда, никогда не думала я, что бы обитало на землѣ такое блаженство! Ахъ! какъ исполненъ любовью ко мнѣ мой безцѣнный Ринальдъ! Онъ какъ будто живешь и чувствуешь одной только мною!.,

Такъ и было. Какъ благородный цвѣшокъ, медленно открывающій свою твердую почку, разпускается непрестанно съ новою свѣжестью, въ великолѣпнѣйшемъ блескѣ: такъ благородная, долго недоступная любви, душа Ринальда теперь исполнилась привязанности къ милой, однажды узнанной, съ искренностию и силой безпредѣльною.

Но часто, когда солнце сіяетъ во всемъ великолѣпнѣи, вблизи собирается буря. Измѣна не дремала; Король былъ увѣдомленъ о союзѣ вѣрной любви, и его гнѣвъ распался до неимоверной ярости. Онъ не видѣлъ болѣе опличнаго, воинственнаго героя въ храбростъ Ринальдѣ, но злодѣя, дерзнувшаго поднять глаза на дочь своего повелителя. И въ ея пользу не говорилъ никакой голосъ въ сердцѣ родительскомъ.

Смерть несчастнаго Ринальда опре-

дѣлена. Но одинъ изъ его поварищей — оруженосцевъ, которые всѣ его любили, предостерегъ его, когда онъ возвращался изъ одного небольшого похода; Ринальдъ, убѣжалъ въ горы, откуда намѣревался въ слѣдующую ночь отправиться далѣе и перейльшь черезъ Рейнь. Но прежде заклиналъ онъ своего друга, поспѣшить къ возлюбленной Луишгардѣ, принести къ ней его послѣднее горестное *прости*, и ей самой сказать, какъ невозможно было для него, еще разъ увидѣть божество своего сердца.

Луишгарда между темъ сидѣла въ своей уединенной горницѣ; пнягоспная, грозная туча, казалось, покоилась на всѣхъ ея окрестностяхъ: ибо Король рѣшился сохранить въ тайнѣ сіе приводящее въ шрепешъ происшествіе, и, хопя съ шрудомъ, уменьшитъ наружное излишніе своего свирѣпаго гнѣва, дабы темъ вѣрнѣе совершитъ мщеніе и припомъ пощадитъ честь дочери. Самое ее думаль онъ шолько спрога наказатъ, если она, пробудитъся опъ наспоющаго своего незнанія. Гизела лежала въ лихорадкѣ, и хопя такимъ образомъ укрылась опъ ужасной опвѣщ-

спвенности, къ кошорой привлекъ бы ея раздраженный опецъ; но она не могла также пособить своей безпомощной воспитанницѣ, приведенной въ большее безпокойство болѣзнію няни. Всѣ другіе, окружавшіе Принцессу, хотя предчувствовали нѣкое ужасное происшествіе, однако не могли разсѣять мрака, закрывавшаго оное,

Только оный воинъ, другъ Ринальда, избранъ былъ судьбою для открытія сей темной пайны; и онъ успѣлъ, къ счастью, или можетъ быть болѣе къ несчастью, проникнуть къ Луишгардѣ и исполнить препорученіе любимаго, погибающаго друга.

Какъ внезапная гроза опустошаетъ цвѣтущую весеннюю ниву, такъ сія страшная вѣсть сокрушила всю жизненную весну Луишгарды. Всѣ, пайно, но съ упованіемъ, ея питавшія надежды, что возлюбленный ея скоро возвысится признапельностію и благодѣяніями Короля, и что тогда она уже явно можетъ объявить того избраннымъ своею душою, кого теперь избрало только предчувствующее сердце, всѣ лестныя мечты — разсѣялись, и холодное, смертное дыханіе

разлуки вѣяло надъ пламенною жизнію Луишгарды, въ то самое время, когда она еще покоилась въ сладкихъ мысляхъ о близкомъ, новомъ свиданіи. — Слабо было юное сердце, что бы перенести роковую перемену, не увидѣшь его болѣе, разлучишься съ нимъ безъ прощанія.

“О, заклинаю себя всемъ святымъ; воскликнула она къ вѣрному Гоншару, другу Ринальда: еще одинъ разъ поспѣши къ нему и опнеси сіи спроки.,”

Наскоро написала она на листѣ нѣсколько словъ шайными знаками, понятными ей и Ринальду, въ копорыхъ умоляла его, еще разъ возвратиться назадъ; для сего назначила ему одно мѣсто въ лѣсу близъ той сираны, гдѣ онъ скрывался; умоляла его доставить ей послѣдній горькій и сладостный поцѣлуй разлуки, прежде нежели вмѣстѣ съ нимъ удалится отъ нея прелестъ жизни навѣки.

Гоншаръ перенесъ письмо, копорымъ опчаянная любовница призывала злосчастнаго своего друга къ гибели. Живо представились душѣ Ринальда всѣ ужасы, копорымъ онъ снова подвергался; но какъ могъ онъ прошивишься привлекательно-

му зову любви, своему собственному влечению, которое онъ съ такимъ трудомъ упишилъ, и которое теперь опять столь сильно возбудилось? “Чего бы по ни сполло! воскликнулъ онъ рѣшительно: она не должна щещно ожидать меня!,,

И уже достигая пристани, онъ снова бросился въ бурныя волны. ,,

Король между темъ съ ярымъ нетерпѣнiемъ ожидалъ возвращенiя Ринальдова и повсюду разослалъ лазутчиковъ; шаги Луишгарды строго были назираемы. Несчастная, она обдумывала теперь шагъ; на который побудила ее сила спрасши; ея боязнь мало помалу увеличивалась, чемъ темнѣе спановилась ночь, чемъ ближе приходилъ часъ ея необдуманнаго намѣренiя. Охотно перемѣнила бы она свое опрометчивое слово, но было поздно. Онъ ожидалъ ее подлѣ испочника, и споска о споль близкомъ свиданii еще разъ разпустила крылья и вывела Луишгарду изъ всѣхъ сомнѣнiй, спремившихся спановишь ее.

Когда пришелъ условенный часъ, и обѣ прислужницы крѣпко заснули, Луишгарда накинула на себя легкое плашье, и

пихо прокралась изъ комнапъ подь кровь шуманной, темной ночи.

Она перелепъла садъ и, отворивъ калитку, вышла на открытое мѣсто. Скоро достигла она лѣса; и тамъ, гдѣ ручей съ рѣзвымъ журчаніемъ падалъ въ разщелину скалы, осѣненный сплешшимися буками и вязами, тамъ уже ожидалъ ее вѣрный другъ, къ кошорому прикована была вся жизнь ея, кошорого долженствовала она видѣть въ послѣдній разъ.

Горькое блаженство оживляло послѣднія прощальныя лобзанія, наполняло святилище сердець любящихся, и восторгъ и ошчаяніе боролись въ нихъ. Тысячекратно хошѣли они разлучиться и пышящекратно падали снова другъ другу въ объятія. Какъ бы желая разтерзать свое сердце, безъ слезъ рыдающая Луишгарда повисла на груди милаго, обвивъ нѣжныя, лилейныя руки около шеи высокаго воина, кошорый обнялъ шрепещущую любовницу и держалъ на себѣ: люшая скорбь грозила разорвать крѣпкую грудь его.

Вся окрестная страна мало помалу свѣшлѣла отъ восхода мѣсяца; и вошь, вышльвъ изъ пучь, онъ показался надъ

прошивостоящими деревьями, и засіяль надъ лѣснымъ лугомъ, окропленнымъ свѣжею росою, какъ бы желая напечатлѣть обоимъ любовникамъ милья черны на долгую разлуку.

Но другое зрѣлище представилось очамъ ихъ. Вдали, при лунныхъ лучахъ, сквозь деревья сверкало оружїе: это были воины, копорыхъ послалъ Король, окруживъ жершву, обреченную смерти.

Бѣгство Луишгарды скоро было опкрыто внимательными спражами и немедленно донесено Королю. Въ себя опъ яроспи, Король пошчасъ приказалъ, какъ можно скорѣе, поспѣшить за дочерью и окружить мѣсто, гдѣ найдуть ее. Самъ онъ съ немногими изъ своихъ приближенныхъ слѣдовалъ за посланными впередъ воинами. Предположенную пощаду своей дочери онъ отвергъ шеперь въ мстишельномъ гнѣвѣ на ея новое беспыдное заблужденіе.

Но темнопа лѣса и ночи защищала еще преслѣдуемыхъ, доколѣ не взошелъ свѣшлый мѣсяцъ, и бѣлѣющее плашь Луишгарды не опкрыло ее и злополучнаго ея друга.

По мановенію Короля войны сосла-
вили обширный кругъ около жертвы
мщенія, и со всѣхъ споронъ высыпали на
поляну, ошъ ручья и съ дубравы нападая
на храбраго Ринальда; но медленно и съ
должною оспорожностью, ибо Король
приказаль поймашь, если возможно, пре-
спупника живаго, дабы мучишельной
казнію удовлетворишельнѣ опмсшпшь
оскорбленную чесшь свою. Какъ дикій о-
бипашель лѣса, окруженный ловчими,
спюяль возлюбленный Луишгарды среди
нападающихъ воиновъ.

“О горе мнѣ!—воскликнула Луишгар-
да съ перзающимъ сѣрдце воплемъ, когда
оба они увидѣли приближающуюся опас-
ностшь—я, несчастная, я приманила ше-
бя къ смерши! Не моя ли бѣдспвенная
любовь выпѣснила спокойспвіе изъ шво-
ей невинной груди?,”

—О пы, моя жизнь! возразиль Ри-
нальдъ, обуреваемый врагами; не разди-
рай души моей шакою рѣчью! Не дорого
плачу я за любовь швою смершію; но еще
при мнѣ мой вѣрный мечъ, дабы защи-
щашь шебя и меня. И если, за усердную
мою службу, со мною поспуающшь какъ

сь преслѣдуемымъ дикимъ звѣремъ—да будетъ мое сопротивленіе столь же ужасно, какъ сопротивленіе дикаго звѣря. —

Между шемъ нападающіе весьма близко подспунали къ Ринальду, и, махая сверкающими мечами, спарались схватить его; но высокорослый воинъ, прислонясь спиною къ спволу дерева, обнявъ лѣвою рукою пренещущую Луишгарду, швердо споялъ, и съ шакими обдуманнми ударами дѣйсшвовалъ побѣдоноснымъ мечемъ своимъ, что многіе раненые бросились назадъ, и никшо, не могъ уловить его, хопя онъ шакже не имѣлъ инаго оружія, кромѣ меча, хопя уже кровь лилась изъ многихъ ранъ его. Сія кровь потекла по бѣлому плашью блѣдной его любовницы; никакой пурпурной одежды не могъ принести въ даръ своей невѣстѣ бѣдный, благородный вишязь; это былъ единспвенный пурпуръ, кошорымъ могъ онъ ее украсить.

Король между шемъ оспавался въ нѣкоторомъ опдаленіи; со свирѣпою яросшью видѣлъ онъ, какъ многіе изъ его воиновъ, будучи ранены, опспунали, какъ ненависшный Ринальдъ все еще споялъ

неколебимо. Самъ онъ взялъ крѣпкій свой лукъ, знаменимый шемъ, что никогда не миноваль цѣли; гнѣвъ придавъ рукѣ спарца свѣжую силу юности. Съ легкостію напрягъ онъ пугую шешиву—хопя много чести для измѣнника, сказалъ онъ скрежеща зубами, но да кончится жизнь злодѣя! —

И быстро и мешко полетѣла пернашая спрѣла, прямо къ сердцу Ринальда, который, заняшый жаркою бипвою, не замѣшилъ ее. — “О, для меня мой родитель!”, возопила Луишгарда, и поверглась съ разпростертыми руками на беззащитную грудь возлюбленнаго; будпо хопѣла она приняшь смершь, какъ привѣпливаго гостя. Спрѣла проникла сквозь плечо въ нѣжную грудь, и кровь Луишгарды потекла по лилейнымъ членамъ и смѣшала свои розовыя струи съ кровью, предъ симъ оросившею ее плашье.

Какъ ужаснулся Ринальдъ, шеперь лишь увидѣвъ все дѣло, когда Луишгарда, поблѣднѣвъ, склонилась на него! Крикъ опчаянія слетѣлъ съ устъ спараго Короля, когда онъ примѣшилъ, что сегодня въ первый разъ, и шчоль ужасно, онъ ми-

новаль свою мещу. Заглушенная любовь
родительская снова возвратилась, когда
онъ увидѣлъ единственное дитя свое, по-
раженное собственною его рукою, падшее.
Все устремилось теперь помочь умира-
ющей; старый отецъ самъ бросился
лицъ подлѣ нее въ глубокой горести; Ри-
нальдъ, опчанный Ринальдъ, старался
еще защищать ее.

Тогда вѣрный Гоншаръ пробрался
сквозь толпу. — “Заклинаю тебя всемъ,
что ешь священнаго, воскликнулъ онъ
въ злобливой горячности, спасайся Ри-
нальдъ! Теперь единственное благопри-
ятное мановеніе! .... Ее спаси ты уже
не можешь!,,

—Но могу умереть съ нею! прервалъ
Ринальдъ въ мрачномъ опчаніи. — “А если,
возразилъ Гоншаръ, стрѣла не смертель-
но поразила ее? Если попеченіемъ Коро-
ля она можешь быть еще спасена? и
тогда только твоя гибель убьетъ ее!
Сохрани себя для нее! Я лечу съ тобою;
уже возбуждилось противъ меня подозрѣ-
ніе, что я предостерегъ тебя отъ
смерти. ,,

Безчувственный вырвался Ринальдъ

съ вѣрнымъ другомъ изъ шумной толпы, гдѣ теперь ярость мщенія уступила на минупу мѣсто ужасу и состраданію. Несмотря на раны, хотя не смертельныя, храброму випязю помогла его юношеская крѣпость и быстропа — и онъ благополучно достигъ горъ своего опечесства, сопровождаемый добродушнымъ Гонпаромъ, коего товарищесство сославляло теперь единственное упѣшеніе Ринальда.

Теперь онъ былъ недосыгаемъ въ ущелияхъ родныхъ ущесовъ отъ преслѣдованій Короля, который скоро самъ занялся другими дѣлами. Аллоброги, страшный сосѣдственныи народъ, сошли со своихъ Альповъ и напали на Бургундъ со многочисленными силами. Престарѣлый Король хотя опсправился проптиву нихъ съ опборнымъ своимъ войскомъ; но неспособный производить успѣшно споль сомнишельной войны, онъ былъ разбишь въ кровопролитномъ сраженіи; его пресполь колебался; его опличные полководцы пали; прочіе потеряли мужесство, упомлены и, какъ онъ самъ, поражены жребіемъ брани, несчастно рѣшенной. Воины равнинъ не умѣли боросья на

ушесиспыхъ вершинахъ съ сими опваж-
ными, подобно сернамъ проворными, сы-
нами Альповъ. Тогда вдругъ возспали оби-
шашели горъ изъ родимой спраны Ри-
нальда; они опыскали сего мужа, въ вой-
нѣ опышнаго, и избрали своимъ предво-
дшелемъ прошиву вшоргшихся неприя-
телей. —

Грозная опасность опечества про-
будила изгнанника опъ мрачнаго, глубо-
каго опчаянiя, въ кошоромъ онъ жилъ
донынѣ, безъ свѣденiя объ опдаленномъ
жребii возлюбленной: ибо вшорженiе вра-
говъ совершенно разлучило ихъ и сдѣлало
всякое извѣспiе невозможныхъ. Сладосп-
ный звукъ оружiя снова пробудилъ для
него прелестъ жизни; и его убшное че-
спшлюбiе опяшь возвысилось въ жаждѣ
къ великимъ дѣянiямъ. Мужъ долженсшво-
валъ на нѣкоторое время сокрышъся для
самаго себя — и желѣзная брань воскре-
сла во врожденномъ своемъ величii на
полѣ честш. Духъ къ геройскимъ подвш-
гамъ, кошорый даровала природа человѣку,
родившемуся въ неизвѣспшности, развер-
нулъ могущiя крилѣ, свойсшвенныя Генiю.
Даны бшшвы, украсшвшiя лѣшшписи Бур-

гундскія. Горные обитатели выступили теперь противъ горныхъ обитателей, и храбрые сыны Юры доказали отважнымъ, быспрымъ, какъ серны, Аллобрагамъ, что не менѣ ихъ умѣюшъ оплещаться смѣлосью на скалахъ и спремнинахъ.

Побѣда одержана; враги удалились въ свои Алпійскія долины; и Герою Ринальду обязаны были за сію побѣду, освободившую опечество опъ опасности. Его прославлялъ теперь голосъ народа съ возпортомъ, невольно влекущимъ сердце челоѣческое къ тому, кого Природа не посредственно возвышаетъ изъ праха. Его провозглашалъ народъ съ дикими, необузданными кликами радости своимъ Королемъ: ибо опжившій свой вѣкъ, мрачный Король въ послѣднее время часто оказывалъ свою жестокость и потерялъ любовь народа; юнаго, побѣдой вѣнчаннаго Ринальда ввелъ онъ съ громкими восклицаніями въ Королевскій замокъ. По его сторону шелъ вѣрный Гонпаръ, мужественно дѣлившій съ нимъ труды и опасности, и теперь ближайшій участникъ его славы.

“Удивительная судьба мщенія!,, невольно долженъ былъ сказать самъ себѣ Ринальдъ; когда со всемъ великолѣпіемъ побѣды проводимъ былъ чрезъ мѣста, опредѣленные нѣкогда для зрѣлища мучительной его казни. Минушное удовольствіе меспіи возбудилось въ душѣ жестоко обиженнаго. Но когда онъ вступилъ въ шронную залу, когда дряхлый Король, согбенный опъ бѣдспвій и опечаленный оппаденіемъ подданныхъ, снялъ корону съ главы своей, осребренной бѣлыми власами: тогда юный, могущеспвенный Герой обратился къ окружавшему его народу, и съ просшымъ, но шрогашельнымъ краснорѣчіемъ, сказалъ: “Если хопише вы, друзья мои и брашья, чемъ либо наградишь маловажную услугу, мною вамъ оказанную, то возвращишесь къ обязанностямъ повиновенія и благодарности сему досшопочтенному Государю. Хоия его рука умершвила для меня жизнь моей жизни; но онъ многіе годы осыпаль васъ своими благодѣянїями,, — и онъ напомнимъ шупь о нѣкопорыхъ прекрасныхъ подвигахъ Короля, о его опеческомъ, неусыпномъ попеченїи для блага своего

народа. Увлеченные гласомъ испины и долга, опспунники возврапились въ повиновеніе своему, долго хранившему ихъ, повелищелю.

Побѣжденный благородспвомъ души Ринальда, спарець — Король, шапаясь, сошель съ шрома, просширая къ нему руки — и Ринальдъ не безъ внушренной борьбы заключиль его въ обьяпія. Но Король опвориль дверь въ боковую комнату, и — выспушила ... Луишгарда, еще блѣдная, возвращающаяся опъ врапъ смерти, съ кошорою она споль долго боролась; но она разцвѣла новой жизнію, когда съ улыбкою взглянула на своего любезнаго. Отець подвель ее въ обьяпія побѣдищеля, и народъ вмѣспѣ съ Королемъ провозгласиль Ринальда наслѣдникомъ Бургундскаго прешола.

Съ Нѣмец, П. Ш.

~~~~~

ДВѢ НЕРАСПУСТИВШІЯСЯ РОЗЫ.

Повѣсть .

На полуостровѣ Индіи, въ Королевствѣ Лагоръ, былъ нѣкогда одинъ великій Министръ, по имени Тимуръ. Женясь въ зрѣлыхъ лѣтахъ и достигнувъ шестидесятилѣтняго возраста, почувствовалъ онъ нужду въ отдохновеніи и удалился отъ дѣлъ. И Король и народъ чрезвычайно сожалѣли о томъ: такъ много любимъ былъ Тимуръ за свое правосудіе и добродѣтели. Онъ имѣлъ двухъ дочерей: старшей было шестнадцать, а младшей пятнадцать лѣтъ, и совершенно посвятилъ себя для ихъ воспитанія.

Около четырехъ лѣтъ Тимуръ жилъ съ ними въ деревнѣ. Будучи вдовъ, опредѣлилъ онъ къ нимъ, въ качествѣ надзирательницы, добрую и умную Зобеиду, подругу покойной своей жены, заслужившую и его довѣренность по опличнымъ своимъ достоинствамъ. Извѣстно, что и умнѣйшіе люди имѣютъ иногда свои странности: мудрый Тимуръ, занимаясь съ давняго времени естественными на-

уками, кошѣль и дошелъ наконецъ до того, что его почитали искуснымъ въ магіи и думали, что онъ можеть дѣлать чудеса, какія захочеть. Дочери его и служители были того же мнѣнія. Тимуръ, молчаніемъ и производимыми имъ опытами, утверждалъ ихъ въ такомъ заблужденіи, а въ окрестныхъ жишелей внушилъ къ себѣ страхъ и благоговѣніе. Всякій былъ увѣренъ, что онъ, даже въ опустыни, все видить и все можеть сдѣлать своимъ прушикомъ, а посредствомъ вѣкопныхъ тайнственныхъ и кабалистическихъ словъ повелѣваетъ стихіями.

Между темъ спарикъ помышлялъ о замушствѣ дочерей своихъ Зюльмеи и Лиски. Родство съ Тимуромъ, сколько по уваженію къ рѣдкимъ его достоинствамъ, сколько по знашному его сану и неисчетному богатству, могло быть лестно для самыхъ первѣйшихъ вельможей; но изъ числа искавшихъ этого преимуществва, обратилъ онъ взоры свои на Принца Курзана, родственника Королевскаго, съ копорымъ давно уже былъ связанъ узами искренней дружбы. У Курзана было два сына. Они имѣли всѣ качествва, ко-

шорыхъ могъ желашъ Тимуръ для супруговъ Зюльмеи и Лиски. Тимуръ объявилъ своимъ дочерямъ о предполагаемомъ имъ союзѣ, и онѣ отвѣчали, что не хотѣяшъ ни за что распаться со столь нѣжнымъ родителемъ. Добрый отецъ сказалъ, что иначе и не выдасъ ихъ за мужъ, что всѣ они соспавяшъ одно сѣмейство, и что впрочемъ, если будущіе ихъ супруги не понравятся имъ, то и онъ не согласишся на эшошъ союзъ. “Не хочу, присовокупилъ онъ, ни въ чемъ дѣлать вамъ принужденія.,,

Тимуръ давно уже скрывалъ одно намѣреніе, которое рѣшилъ наконецъ привестъ въ исполненіе. По прошествіи нѣсколькихъ дней сказалъ онъ дочерямъ, что необходимыя дѣла призывающъ его въ столицу, и что опсупствіе его будетъ непродолжително. Зюльмея и Лиски опечалились эшою разлукою и осмѣлились изъявить ему довольно спранное желаніе, что бы онъ ввѣрилъ имъ драгоценный свой прушикъ. — “Но, сказалъ Тимуръ старшей дочери: какое употребленіе сдѣлала бы ты изъ эшого шалисманна?, — Ахъ! отвѣчала живая и рѣзвая

Зюльмея: какъ была бы я счастлива, если бы имѣла его! Сколько бы я надѣлала чудесъ! Прежде всего воздвигнула бы я въ паркѣ очаровашельный замокъ: стѣны этого замка были бы изъ порфира, а колонны изъ брилліаншовъ; въ золошыхъ и попазныхъ бассейнахъ били бы фонтаны съ розовою водою. Я бы желала, что бы великолѣпіе покоевъ и приапность садовъ превзошли все, что только создало воображеніе поэшовъ и могущество геніевъ. —

“Очень хорошо, милая дочь; но чемъ бы наполнила ты этотъ великолѣпный замокъ?», — Славнѣйшими музыкантами; столами, покрытыми превосходными плодами и рѣдкими винами. Я бы имѣла богашые экипажи, самыхъ лучшихъ и красивыхъ лошадей и собакъ для охоты. Помомъ вступила бы въ свой замокъ со свитою прелеспнѣйшихъ женщинъ и составила бы изъ нихъ пышный при себѣ дворъ. Все свободное время опъ упражненій въ наукахъ и искусствахъ употребляла бы на шанды и веселыя игры. Но всѣ эти забавы и удовольствія хотѣла бы я раздѣлишь съ вами, любезный ба-

пюшка и съ милою моею сестрою. — “Очаровательная картина, несмотря на неудобства, которыми, можетъ быть, имѣла бы существенность! А ты, милая Лиски, скажи, что бы ты сдѣлала изъ этого шалисмана, если бы я опдалъ его тебѣ?,” — Ахъ, бабушка! я окружила бы наше жилище прекрасными деревеньками, населенными добрыми и прососердечными поселянами, которыхъ была бы благошворительницею. Если бы, по несчастію болѣзни истребили ихъ спада, или градъ опустошилъ поля: то я вознаграждала бы ихъ потери, облегчала бы ихъ спрадана, утѣшала въ горести; дочерямъ давала бы приданое, а любовниковъ соединяла; наконецъ, употребляла бы все стараніе и всѣ средства, что бы заславила ихъ любить меня. — “Эти желанія, обнаруживающія характеры ваши, милая дѣти, легко можно согласить. Мнѣ бы хотѣлось только, что бы Зюльмея искала иногда отдохновенія отъ шумнаго праздника въ спокойствіи чистыхъ и безмятежныхъ удовольствіяхъ, которыя такъ прелестно изобразила ее сестра. Что касается до Лиски, то же-

лалъ бы также, что бы она, для избѣжанія столь единообразной жизни, копорая можешъ наконецъ наскучишь, наслаждалась изрѣдка шѣми блиспапельными удовольствіями, копорыя занимають всѣ мысли Зюльмеи. Съ такимъ только условіемъ соглашусь я ввѣришь вамъ мой па- лисманъ.,,

Можно вообразишь, какъ велика была радость Зюльмеи и Лиски!—Не поропишесь, сказалъ имъ Тимуръ: я исполню ваше желаніе; но не могу сдѣлашь этого слишкомъ легкомысленно. Можешъ бышь, обѣ вы достойны столь великой довѣренности; можешъ бышь также, что я внимая только моему сердцу, дѣлаю неоспорожность, копорую ничемъ нельзя будешъ поправишь. Впрочемъ все придумаю. Я долженъ, любезныя дѣпи, прежде, нежели опдамъ подъ сохраненіе ваше это неоцѣненное сокровище, испыташь, для собсвенной вашей пользы, швердосшь вашу и послушаніе.,,

Зюльмея и Лиски опвѣчали, что онѣ гошовы подвергнушья всякому испытанію, лишь бы только заслужишь полную довѣренность почтеннѣйшаго своего ро-

дишеля. Тимуръ обѣщаль, что не замедлишь исполнить ихъ желаніе и въ то же время объявилъ имъ, что долженъ поспѣшить своимъ опѣздомъ. И дѣйствительно, сдѣлавъ нужныя распоряженія, и отдавъ тайныя приказанія, которыя должны были способствовать успѣхамъ его плана, почтенный спарець на другой же день призвалъ дочерей своихъ и съ нѣжносшю обнявъ ихъ, сказалъ: особенныя причины заставляють меня ѣхать; будьте увѣрены, что я занимаюсь счастьемъ вашимъ, милыя дѣши. А такъ какъ я хочу сдержать свое обѣщаніе, то пребуду равнымъ образомъ, что бы ша, кощорой вручу волшебную власъь свою съ моимъ прушикомъ, сохранила вошь эшу розу.,— Кончивъ слова сіи, добрый Тимуръ сорвалъ съ горшка двѣ нераспустившіяся розы и приколовъ ихъ къ грудямъ прелесныхъ дочерей. Сполъ неожиданный родъ испытанія показался имъ очень легкимъ. — “Но если обѣ мы сбережемъ эши розы, сказала Зюльмея опцу своему, будемъ ли имѣть одинакое право на обладаніе шалисманомъ?., — Да, милая дочь, и въ шакомъ случаѣ будеше вы пользоващяся имъ

поочереди: ты, Зильмея, по праву старшинства, возмешь его сначала, а Лиски послѣ тебя, и каждой изъ васъ позволяю я употреблять его въ продолженіи осьми дней.

Въ эту минуту доложили Тимурѣ, что уже все готово къ его опѣзду. Снова прижалъ онъ къ своему сердцу милыхъ дѣтей, повторилъ имъ, что опсушеніе его будетъ непродолжительно и просиялъ, поручилъ ихъ Зобеидѣ.

Сказано уже прежде, что Тимуръ съ величайшимъ успѣхомъ употреблялъ познанія свои въ Физикѣ, Астрономіи и въ Механикѣ, для внушенія въ случаѣ нужды спасительнаго страха въ пѣхъ, которыя окружали его. Въ послѣдствіи увидяши, что онъ, для достиженія своей цѣли, почиталъ необходимымъ нѣкоторыя изъ нихъ употребить въ пользу.

На другой день по опѣздѣ Тимура, кто-то, окушанный въ широкій плащъ, подходитъ къ садовой оградѣ, подлѣ которой работала старая Бабу, смотритель сада. Незнакомецъ называетъ его по имени и употребляетъ всѣ возможные убѣжденія, что бы онъ впустилъ его

въ паркъ; но просьбы его были бесполезны. Бабу, вѣрный слуга, опвергаетъ все, даже и богашый денежный подарокъ, который предлагалъ ему соблазнитель. “Чеспный же ты человекъ! сказалъ незнакомецъ. Впрочемъ, этошь кошелекъ принадлежишь тебѣ, какъ награда за то, что ты исполнилъ долгъ свой, не позволивъ войти мнѣ въ садъ. Но знаешь ли ты непремѣнную волю Тимура, что всякой, кому вѣришь онъ свой персень, имѣешь свободный входъ въ его жилище?,, — Знаю, сударь, и знаю также очень хорошо надпись на этомъ шаиншвенномъ перснѣ. — “Итакъ смотри и повинуйся приказанію своего господина,, — Человекъ въ широкомъ плащѣ, открываетъ руку свою, протягиваетъ ее сквозь рѣшешку и показываетъ Бабу всемогущій персень. Старый садовникъ, разсмотрѣвъ его со вниманіемъ, узналъ вензель Тимура и въ ту же минушу опперъ рѣшешку. Незнакомецъ сказалъ ему: “Знаешь ли, Бабу, что еще долженъ ты сдѣлать?,, — Знаю, сударь; опдать вамъ ключъ опъ рѣшешки. — “Очень хорошо. Теперь выслушай меня,, — Приказывайте, сударь. — “Я буду

называшься здѣсь твоимъ племянникомъ и спану помогаешь тебѣ въ садовыхъ работахъ.,—Прекрасно, сударь! Но позвольте доложить, что племянникъ Бабу не можетъ имѣть такого наряднаго плаща. — “Очень знаю., — Сказавъ эти слова, сбросилъ онъ съ себя плащъ и явился въ простой, но прелестной одеждѣ восточныхъ садовниковъ. Послѣ этого, незнакомецъ приказалъ Бабу удалиться, подошелъ къ рѣшеткѣ, осворилъ ее и ввелъ въ садъ одного молодого человѣка, почти одинакихъ съ нимъ лѣтъ, одинакаго роста и въ такой же одеждѣ. Они обнялись, пощепались между собою, взяли два земледѣльческихъ орудія и пошчасъ разошлись. Тотъ, который говорилъ со спарымъ Бабу, подошелъ къ павильону, гдѣ жили милыя дочери Тимура, и напѣвая пѣсенку, началъ копать землю, выбрасывая ее и уравнивая около грядки, насаженной прекрасными шюльпанами.

Черезъ четверть часа Зюльмея подоидишь къ окну, слышишь незнакомый голосъ и видишь новаго садовника. Въ удивленіи, разсматриваешь его: онъ былъ молодъ, хорошъ собою, спашень; на лицѣ

его изображалось веселіе и кропосць. Любопытство подспрекаетъ ее; она хочетъ узнатьъ этого человѣка, котораго видить первый разъ между служителями своего опца. И вотъ выходитъ она изъ павильона, приближается къ нему и спрашиваетъ его. “Послушай, садовникъ, пы принять къ намъ въ услуженіе?,, — Да, сударыня, опвѣчалъ онъ съ замѣтнымъ смущеніемъ. — “Давно ли?,, — Сегодня упроемъ. Я племянникъ Бабу; онъ спарь, имѣетъ нужду въ помощи, и я пришелъ для того, что бы раздѣлять его труды. — “Опвѣщанія твои очень хороши, молодой человѣкъ, и мнѣ кажется, что пы получилъ воспитаніе не по своему сосноянію,, — Правда, сударыня. У меня есть родспвенникъ, который обогатилъ ся опъ торговли и воспиталъ меня на свой счетъ.—“Хорошо ли тебѣ здѣсь?,,— Очень хорошо, особенно съ нѣкопорого времени шакъ, что желалъ бы провести шупь всю мою жизнь.—“Любишь ли пы свое соснояніе?,, — Буду любить его, пока не переменится моя учаснь. Въ прошивномъ же случаѣ, когда родспвенникъ мой оставитъ мнѣ несмѣшное свое бо-

богатство, я послѣдую своей склонности, — “Твоей склонности! А какой?,, — Къ военной службѣ. Признайся вамъ, сударыня, я думаю, что небо назначило меня къ этому благородному ремеслу. — “Такъ ты любишь славу?,, — Спирасно! Какая участь можетъ сравниться съ участью героя, который сначала незамѣтенъ въ рядахъ, но потомъ, мало помалу возвышаясь, доходитъ до первыхъ степеней! Мужество его, безкорыстіе и пламенная любовь къ отечеству, обнаруживаются во всемъ блескѣ. Ахъ! я хочу умереть на полѣ брани, или сдѣлать имя свое безсмертнымъ! — “Какой языкъ! Ты удивляешь меня, молодой человекъ: ты честолюбивъ?,, — Да, сударыня! честолюбивъ для того, что бы ознаменоваться себя геройскими подвигами, приобрести славу и лавры неувядаемыя. Что же касается до богатства, почестей и достоинства, которыя не всегда бываютъ наградою добродѣтели, я не желаю ихъ; блистательныя пальмы славы предпочтительнѣе ничтожныхъ погремушекъ придворныхъ любимцевъ. — “И такъ ты презираешь всѣ выгоды богатства?,, — Я не го-

ворю этого: склонности мои, по несчастью, неодинаковы.—“Какъ? У садовника! Скажи же, что за склонности?,, — Положение мое не позволяетъ мнѣ удовлетворять имъ.—“Положимъ, что родственникъ твой оставилъ бы тебѣ все свое имѣніе — что сдѣлалъ бы ты съ такимъ большимъ наслѣдствомъ?,,—Я спарался бы сдѣлать счастливыми всѣхъ ихъ, кто меня окружаетъ. Это было бы лучшее изъ моихъ удовольствій. Но есть другія, которыя доставляютъ торговля, промышленность, ободреніе искусствъ, и которыя хотѣлъ бы я также испытать. Напримѣръ, я очень люблю лошадей, экипажи, охоту; мнѣ приятно было бы находиться въ кругу веселыхъ и блистательныхъ обществъ, оплечающихся роскошью и любезностью. Концерты, спектакли, праздники украшали бы мое жилище; въ него спекались бы всѣ умные и ученые люди, и я употребилъ бы всѣ способы сдѣлать свой домъ приятнымъ для людей съ разборчивымъ вкусомъ и для прекраснаго пола. —

Зюльмея едва не обнаружила своего смущенія, произведеннаго въ ней словами

незнакомца; однако же спросила его, только перемѣнившимся голосомъ: “мнѣ кажешся, что ты коротко знакомъ съ этими удовольствіями, которія такъ хорошо описалъ, и я удивляюсь...но..прости,, —Ахъ, умоляю васъ, сударыня, не оставляйте меня, удостойте выслушать до конца!—“Го-во-ри.,,—Узнайте, прелесная моя госпожа, какъ далеко простирающіяся желанія человѣческія! Вы полагаете, что если бы небо наградило меня богатствомъ для того, что бы осуществилъ мечты мои, то мнѣ уже ничего не осталось бы желать болѣе? Нѣтъ! вы ошибаетесь. Среди великолѣпныхъ праздниковъ, среди этой роскоши и эпихъ забавъ, безпрестанно возобновляющихся, все чего-то недоставало бы для моего сердца.—“Я не понимаю тебя.,,—Позвольте ли объясниться?—“Позволяю.,,— Для сердца моего недоставало бы подруги, которая бы дѣлила радости мои и удовольствія.—“Подруги? Развѣ у тебя нѣтъ сестеръ?—Ахъ для такой души, какъ моя, надобно болѣе, нежели сестра. Для счастья моего нужна женщина живая, умная, добрая и веселая, которой характеръ

и склонности согласовались бы съ моими. Я бы желала, что бы она была прелестна и стыдлива, любезна и скромна. Ахъ, прекрасная Зюльмея! если бы эша женщина была похожа на васъ и отвѣчала бы моей любви: тогда, только тогда ничего не оспалось бы мнѣ желать болѣе.—“Что ты говоришь! Какая дерзость! И я слушаю (*хочетъ уйти*)!,,—Нѣтъ, нѣтъ! вы не убѣжите опъ меня. — “Развѣ хочешь ты, дерзкій, что бы я позвала когонибудь?,,—Слова мои оскорбляютъ васъ; и шакъ знайте, прелестная Зюльмея, что я не племянникъ Бабу.—“О Боже! что я слышу!,,—Вы видите сына богатаго Абекара, одного изъ старшихъ градоначальниковъ въ Государствѣ. Если достоинство мое не равняется съ вашимъ, по крайней мѣрѣ могу я предложить вамъ руку мою и сердце. — “Не хочу ничего слышать болѣе...оставьте меня.,,—Я знаю, прелестная Зюльмея, что почтенный вашъ родитель никогда не будетъ прощившись склонности дѣшей своихъ; следовательно воля его не будетъ мнѣ препятствиемъ...—“Прежде, нежели начнете вы говорить еще чтонибудь, дождитесь

его возвращенія.,—Пламенная любовь моя не позволяеть мнѣ дѣлать ни малѣйшей отсрочки, которая будетъ жестокимъ для меня мученіемъ. Я имѣлъ счастье видѣть васъ тайно и обвороженъ вашими прелестями...Ахъ, Зюльмея! хопя изъ соспраданія не ошвращайте опъ меня глазъ своихъ, споль прекрасныхъ и опасныхъ, не опкажите въ просьбѣ пому, который повергнуль бы къ ногамъ вашимъ самую корону, еслибъ имѣлъ ее. Я не бѣднѣе вашего бапюшки, не имѣю причины спыдидься своего происхожденія; но все эпо ничто въ сравненіи съ чувствованіями моего сердца, которое принадлежитъ одной вамъ, желаетъ бытъ полько вашимъ! — “Вы можете, сударь, поговоришь съ бапюшкою..., — Опказъ ли эпо или надежда, смертъ или жизнь? Зюльмея! имѣйте жалосъ къ несчастному Дельги, гошовому умереть у вашихъ ногъ.—“Дельги!...,—Эпо имя ненавистно вамъ?—“Вспаньте, Дельги, вспаньте.,— Если вы не произнесете моего приговора, то я не сойду съ эпаго мѣста...вы краснѣете, рука ваша дрожитъ; ахъ, Зюльмея, Зюльмея! скажите, что вы не нена-

видите меня! — “Сердце мое чуждо ненависти: я опъ крови Тимура., — Могу ли думатьъ о счастіи? Могу ли льститьъ себя, что пламенные мои объщья... — “Дельги! я не скажу ни слова, просите бапюшку, и знайте, что воля его для меня священна., — О радость! о воспоргъ! я буду супругомъ Зюльмеи! — “Боже мой, что вы дѣлаете? Эша роза...,, — Она моя; я похитилъ ее въ залогъ того, что вы сказали, и вѣчно буду носитьъ ее при себѣ. — “Если бы вы знали, Дельги, до чего доведеть меня ваше похищеніе! Бапюшка...,, — Онъ узнаетъ о любви моей прежде, нежели объ этомъ похищеніи. — “Нѣтъ я, шребую, что бы вы возвратили мнѣ ее... Боже мой! я слышу шумъ... идушь ... простите!,,

Это былъ товарищъ счастливаго незнакомца. Будучи шайнымъ свидѣтелемъ описанной шеперь сцены, зашумѣлъ онъ въ шу самую минушу, когда Дельги овладѣлъ розовою почкою. — “О, другъ мой! скажь онъ ему: какъ благосклонна къ шебѣ судьба! Дай Богъ, что бы и Османъ имѣлъ шакой же успѣхъ у прелесшной Лиски! Но удалимся ошсюда., — Дельги съ чув-

спвомъ пожалъ руку Османа, и пожелавъ ему шакого же счастія, спряпался за душиспую жимолоспъ.

Зюльмея не понимая, что съ нею происходишь, скрылась за павильонъ въ одну аллею, куда едва проникаль дневный свѣспъ. Лиски, замѣшя продолжипельную ея оплучку, напрасно искала ея во всѣхъ комнапахъ. Наконецъ, отворивъ дверь павильона, повшорила нѣсколькo разъ: Зюльмея, Зюльмея!,—Одно отдаленное эхо отвѣчало ей. Зюльмея слышишь голосъ сеспры, но еще не смѣешь показаться: смущеніе и краска въ лицѣ легко бы обнаружили соспояніе ея души. Между темъ Османъ, сидя не вдалькѣ на дерновой скамейкѣ, безъ особеннаго чувства не могъ слышать приапнаго и звонкаго голоса Лиски. Въ минушу оборачивается онъ и видишь ея на маленькой террасѣ павильона. Взглядъ на прелеспную дочь Тимура произвелъ надъ нимъ дѣйспвіе головы Медужиной: онъ стоишь неподвижно на своемъ мѣспѣ, одни полькo глаза его слѣдуютъ за движеніями Лиски и съ восхищеніемъ разсмаприваютъ ея.

Безполезно будешь описывашь, ка-

кимъ образомъ молодая и робкая дѣвушка, замѣтя наконецъ Османа, разсмащивавшаго ее въ столь привлекательномъ положеніи, почувствовала, что какая-то непонятная сила, какое-то очарованіе влечетъ ее къ незнакомцу. Османъ сдѣлалъ быспрые успѣхи въ прошомъ и невинномъ сердцѣ Лиски. Упопробивъ средства столь же сильныя, какъ и Дельги, дошелъ онъ до того, что поселилъ въ ней такія же нѣжныя чувствованія, какія поварищъ его произвелъ въ Зюльмеѣ, и получилъ отъ нея почти такое же признаніе. Однимъ словомъ, Осману удалось похищить и нераспусшившуюся розу съ груди Лиски. Просьбами и слезами воспоржествоваль онъ надъ боязнію робкой дѣвицы. Спаранія счастливаго Османа вознаградились совершеннымъ успѣхомъ, и онъ скрылся, поклявшись ей въ любви и вѣрности и унеши съ собою прекрасную розу.

Зюльмея, оправаясь не много отъ замѣщательства своего и ужаса, рѣшилась открыться во всемъ Лиски, которая спрашась встрѣщившись съ нею, не знала, идти ли ей въ глубину парка, что бы скрыть шамъ чувствованія, обнару-

живавшіяся на лицѣ ея, или войпи въ павильонъ. Но вдругъ онѣ встрѣшились; въ десяти шагахъ ошпановились одна ошъ другой, украдкою взглянули другъ на дружку, и пошомъ ошворошились въ шшорону, не сказавъ ни слова. Однако онѣ чувствуюшъ необходимость излишъ прискорбія свои въ сердце друга и получишъ ошъ него ушѣщеніе. Наконецъ Зюльмея ошважилась первая говоритъ. Ушшремивъ съ крошостию глаза свои на Лиски, сказала она ей шшрепешущимъ голосомъ: “сесшрица!..Эшо пы, милая?—“Да, шшвоя Зюльмея, которая всегда видишъ тебя съ новымъ удовольствиємъ., — Развѣ пы не знаешъ, чшо Лиски любишъ тебя шшолько же, какъ жизнь свою? — “О, сесшрица, какъ прияшна дя меня шшвоя дружба!., — А я имѣю нужду въ шшвоей болѣе, нежели когда либо!—“Добрая Лиски! Не правда ли, чшо люди часто принимаюшъ на себя обязанности свыше силъ своихъ?., — Ахъ! правда! (*про себя*) Не уже ли она ошгада ла мое несчастіе?—“Какъ ненадежно сердце наше!.,—Да, Зюльмея, очень ненадежно; къ несчастію, я эшо испышала. (*Про себя*) Она догадывается!... Какъ жалокъ подѣ

нашъ, Зюльмея!—“О, Лиски, очень жалокъ; но когда можно положишься на сестриную любовь...”,—Когда увѣрены въ ея снисхожденіи... — И сказавъ это, Зюльмея и Лиски, рѣшившись признашья другъ другу во всемъ, подходятъ одна къ другой, невольно бросающъ взоры свои на то мѣсто, гдѣ были приколоты нераспусшившяся розы и вдругъ вскрикивають: “о Боже! розы!”,—За симъ нечаяннымъ открытіемъ послѣдовало объясненіе. Признаніе въ проступкѣ, въ кошоромъ принимаютъ участіе, переспраешъ бышъ шягоспнымъ; слабосп ихъ и несчаспие одинаково...но какая ужасная мысль: въ описаніи любезнаго похитипеля, кажется имъ, узнающъ онѣ шого, кошорый похитилъ ихъ сердца. Возможно ли, что бы одинъ и шопъ же человекъ имѣлъ жестпоспость забавляшья общимъ ихъ мученіемъ, что бы захошѣлъ упопрещить во зло ихъ неопытносп, измѣнитъ имъ и привести ихъ въ опчаяніе! Нѣшъ, нѣшъ; это было бы безчеловѣчно!... Но черпы Дельги изьявляютъ шакое добродушіе и искренность; черпы Османа шакъ благородны! Предположеніе огорчипельное, не-

возможное! Они возвращаются! Безъ сомнѣнія, возвращаются! Оба сдержашь свои кляпвы, а лучшій изъ опцевъ не пожелаеть несчастія дочерямъ своимъ.

За сими утѣшительными размышленіями вдругъ послѣдовала основательная боязнь. Не объявилъ ли Тимуръ намѣренія своего, заключить союзъ родства со спариннымъ своимъ другомъ, Принцемъ Курданомъ? Не говорилъ ли онъ о сыновьяхъ его, какъ о будущихъ супругахъ дочерей своихъ? Не превозносилъ ли онъ похвалами блестящія ихъ качества, прекрасную наружность?... Ахъ! что скажетъ онъ, когда вмѣсто того, что бы увидѣшь надежды свои исполненными, узнаешь о случившемся, узнаешь, что неблагодарныя его дочери предались другимъ склонностямъ, пребываютъ другихъ брачныхъ союзовъ! Этого добрый отецъ поѣхалъ къ Принцу Курдану, расположилъ все для свадьбы и счастья дочерей; а онъ не иначе могущъ быть счастливы, какъ откавшись отъ брака, о которомъ одна мысль приводитъ ихъ въ шрепешъ! Ахъ, какъ онъ жалки!... Между шемъ, какъ Зюльмея и Лиски перзались раскаяніемъ и

предавались горести, явился къ нимъ Бабу, и закричалъ: “важная новость, барышни! Невольникъ изъ свиты моего господина сей часъ пришелъ сюда и объявилъ о возвращеніи бабюшки: онъ оставилъ его недалеко отсюда и вы скоро, скоро увидите своего родителя. Какъ я радъ, что нашелъ васъ здѣсь, любезныя мои госпожи, и первый имѣлъ счастье уведомить васъ объ этомъ.,,

Въ минуту исчезъ Бабу; замѣшательство дочерей Тимура было неизъяснимо. “Должно будетъ во всемъ признаться. Но если бы можно было отратить бурю, предупредить первое движеніе раздраженнаго отца? Что дѣлать? Какое средство употребить для этого?,, Вошь оно, и представилось самымъ естественнымъ образомъ. Ваза, изъ которой Тимуръ сорвалъ двѣ нераспустившіяся розы, сползъ на крыльцѣ павильона. Ничего нѣтъ легче, какъ сорвать другія двѣ розы на мѣсто похищенныхъ Дельги и Османомъ; Тимуръ узнаетъ все, но только послѣ, потому что ничего не скрывали онъ отъ добраго своего родителя. По крайней мѣрѣ не будетъ онъ огорченъ

при самомъ возвращеніи; первый взглядъ его не будетъ взглядомъ горести. — Рѣшились и подошли къ вазѣ; нѣжные ихъ пальчики уже касаются до благоухающаго розоваго куста и...о чудо! о верхъ опчаянія! Цвѣты, ускользають изъ шрепещущихъ рукъ Зюльмеи и Лиски, и вдругъ всѣ почки распускаются! Тогда вспомнили онѣ о роковомъ прупикѣ, о власпи шалисмана, и въ ужасѣ, въ слезахъ бросающихся въ объятія другъ къ другу. Въ самое это время послышался шумъ; онѣ шрепещуть. Боже! Тимуръ, самъ Тимуръ явился передъ ними! Многочисленная свита сопровождала его. Онъ видитъ милыхъ дочерей, подходитъ къ нимъ и простираетъ руки. — “Что это, милыя дѣшпи? Вы не осмѣливаетесь приблизиться ко мнѣ! Глаза ваши зачлаканы! Не спрашивайте моего гнѣва. Все знаю: вы не могли сберечь розъ своихъ, обнадеживъ меня въ этомъ слишкомъ легкомысленно. Но вы уже довольно наказаны за свою самонадѣянность смущеніемъ, въ которомъ васъ вижу и лишеніемъ шалисмана, кошорый былъ бы вашею наградой. Забудемъ прошедшее, а подумаемъ

лучше о будущемъ вашемъ счастьи. Ошкрою вамъ, присовокупилъ Тимуръ, цѣлуя дочерей своихъ, нѣчто такое, что будетъ для васъ пріятно. Все уже кончено мною съ Принцемъ Курданомъ, досшойнымъ моимъ другомъ, что бы соединилъ васъ съ его сыновьями. Удосповѣрять въ томъ, что говорили имъ о вашей красотѣ и характерахъ, молодые Принцы горящъ неперпѣнѣмъ видѣшъ, васъ и получилъ ваши руки. Я увѣренъ, что они понравятся вамъ; впрочемъ и сами они не замедлятъ сюда явиться. Въ ожиданіи же ихъ, примите драгоцѣнные подарки, копорые прислали они вамъ со мною.,,

Тимуръ сдѣлалъ знакъ, и невольники принесли двѣ большія, весьма красивыя корзины, покрытыя богатыми матеріями. “Вопъ эти Персидскія шкани и жемчугъ Цейланскій назначены шебѣ, Зюльмея; а эти перья, это шитье Муссольское и духи Іеменскіе, принадлежатъ Лиски. Но вы едва обращаете вниманіе на эти прелестныя подарки: надѣюсь по крайней мѣрѣ, что тѣ, копорые положены въ этихъ корзинахъ въ самомъ низу непременно понравятся вамъ., — Сказавъ это,

Тимуръ поднялъ два покрывала, шипыя золономъ въ Бассорѣ, и вдругъ — какое неожиданное зрѣлище! Дельги и Османъ, выскочили изъ корзины и бросились къ ногамъ своихъ возлюбленныхъ. “Вотъ ваши розы, сказали они; пламенная любовь была виною нашего поступка; одобренного впрочемъ почтеннымъ вашимъ родителемъ..”, — Да, прервалъ спарикъ: я хотѣлъ, что бы дочери мой имѣли супруговъ, по собственному своему выбору, и, по счастью, успѣлъ въ этомъ; признайтесь, милыя дочери, что сыновья *Принца Курдана* нашли путь къ вашимъ сердцамъ? — Зюльмея и Лиски покраснѣли и съ робостію признались въ склонности своей къ Дельги и Осману; а добрый отецъ прижавъ дочерей своихъ къ сердцу и давъ имъ благословеніе, сказалъ съ нѣжностію: “соединяю васъ, любезныя дѣши: въ счастья вашемъ, копорое будетъ и моимъ, не забывайте никогда *двухъ нераспустившихся розъ.*

О подвигѣ нынѣшнихъ Грековъ.

(Изъ Поэмы: Греганка.)

I.

Эллады участь совершилась!
 Три вѣка искра тайно шлѣвъ,
 Внезапно въ ней, воспламенилась!
 Война губительный свой зѣвъ
 Ошверзла на проспранны царства!
 Споная болѣ прехъ вѣковъ
 Подъ игомъ злобы и коварства,
 Возспали Греки на враговъ...

.

Не пожелавъ рабами бышь,
 И упомившись приносишь
 Поносны дани Магомешу,
 Они внимательному свѣпу
 Рѣшились образецъ явишь.

II.

Воспомня наконецъ попомки
 Великихъ праотцевъ своихъ,
 И чья дѣянiя ихъ громки,
 Благоговѣя къ славѣ ихъ,
 Внезапно Греки успыдились,
 Что малодушные они,
 Гремѣвши славою въ прежни дни,

Подъ игомъ рабства находились;
 Чшобъ независимыми бышь,
 И славу предковъ воскресишь;
 Опважно, Греки всѣ, рѣшились;
 И иго рабства низложишь
 Единодушно ополчились.

III.

Взошла кровавая заря,
 И пол-востока освѣшила!,
 Вспылали грады и моря!
 И въ Греціи разпространила
 Повсюду гибели война.
 Преобразились грады въ сщепи!
 Подвиглась славная страна
 Съ себя низвергнушь рабства цѣди.

IV

Уже была приведена
 Въ изнеможеніе она;
 Но Греки, сильные опремленьемъ,
 Своимъ всеобщимъ разрушеньемъ
 Не ослабѣли — и они,
 Сыны Спасителя, одни
 На славный подвигъ, усстремились,
 И побѣдишь, иль пастшь, рѣшились!

Выборгѣ, 1822,

Бестужевъ - Рюминъ,

Мечшой плѣнишельнаго сна,
 Мечшой невѣрныхъ оболещеній!
 Зачемъ же жизнью дорожитьъ,
 Въ кошорой нѣшь очарованья,
 Въ кошорой могутъ веселишь
 Однѣ мечшы воспоминанья?
 Зачемъ? Чего еще желашъ,
 Надѣяшься и ожидашь?

Но я предвижу ваши плѣни ...
 Въ своей не извиняясь плѣни,
 Посланье первое пишу:
 Не укоряшь меня прошу.
 Знакомыя чистая спроки,
 Воспомните вы прежнихъ дней
 Судьбы причудливой моей
 Довольно сильные уроки,
 И скажете: "онъ не забылъ
 Богини вѣщренной гоненій;
 И строгій опытъ научилъ
 Его спрашишь заблужденій!,,

Но васъ покинулъ наконецъ,
 Друзья! задумчивый пѣвецъ,
 Мечшатель вашъ уединенной;
 Для крова родины безцѣнной,
 Онъ измѣнилъ съмѣ друзей
 И Музъ лагерной своей;
 Онъ измѣнилъ, но не навѣчно!
 Минушы праздности безпечной

Нась также могушь упомишь,
 И въ сердцѣ скуку поселишь.
 Воспоминаніе родишься
 Въ воскресшихъ, пламенныхъ мечтахъ,
 О прежнихъ, незабвенныхъ дняхъ:
 Душа и лѣною упомишься!

Когдажъ забышь вами другъ
 Поспуишь снова въ ратный кругъ:
 Тогда вы вновь воспламенише
 Угасшій мужества въ немъ духъ;
 И, вѣроюшно исцѣлише
 Его помишельный недугъ.
 Бивачнымъ дымомъ окуренный,
 Увядшей разцвѣтя душой,
 Тогда я вновь воспламененный
 Своей воинственнoй мечпой,
 Всцуплю въ блистательный вашъ спрой!
 Товарищи! наполнивъ чаши,
 При блескъ лагерныхъ огней,
 Вновь воскресимъ мы души наши
 Воспоминаньемъ прежнихъ дней:
 Тогда пирующая младось,
 Забывъ безпечный жребій свой,
 Прославишь искренно — и радось,
 И нѣгу жизни полевой!...

С. п. б. 1824.

Бестужевъ - Рюминъ.

Безнадежность.

Элегія.

Не пробуждай во мнѣ мечшавій,
 Не воспаменяй моей крови,
 Не воскрешай очарованій
 Давно забытой мной любви.
 Я разувѣрился въ надеждѣ,
 Все милое я разлюбилъ;
 И восхищительное прежде
 Едвадь не вовсе я забылъ.
 Ужь нѣтъ ихъ, пылкихъ наслажденій
 Безцѣнной юности моей;
 Толпой минушнихъ сновидѣній
 Они исчезли вмѣстѣ съ ней.
 Мнѣ очуждали всѣ желанья,
 Мнѣ измѣнили всѣ мечты;
 И сладкія очарованья
 Увяли съ розой красоты.
 Я, равнодушный и унылый,
 Осиротѣлою душой,
 Воспоминаю призракъ милый,
 И счастье жизни молодой.
 Напрасный трудъ швой невозможенъ;
 Я все ужъ слишкомъ испыталъ:
 Для дружбы спалъ я оспороженъ,
 А для любви почти увялъ!

Бестужевъ—Рюминъ.

С М Ъ С Б *).

Недавно въ Гелдерѣ поймали кита. При вскрышии внутренности, нашли въ немъ шриццать двѣ Турецкія чалмы. — Вѣроятно сіе произошло отъ сожженія Турецкаго фрегата какимъ нибудь Греческимъ брандеромъ.—*Corsaire.*

Въ Италіи продается шеперь поршрешъ извѣспмой пѣвицы Боргондіо со слѣдующею надписью: *La Signora Borgondio, Incantratrice di ben costrutti orrecchi.* — *Обворожительница тонкаго слуха.*—*Corsaire.*

На Парижскихъ балахъ дамы, неангажированныя на панцы, называющіяся *disponibles*; панцующія же: *actives*—последнія носятъ обыкновенно за поясомъ своимъ, кромѣ вѣера, маленькую книжечку, гдѣ записываются панцы, на копорые ангажируютъ панцующихъ дамъ.—*Pandore.*

Нѣкшо изчислилъ, что на первомъ Французскомъ театрѣ въ Парижѣ въ печеніи семи мѣсяцовъ сыграли одну новую Трагедію и девять Комедій, и шакъ всего 17 актовъ, или 6500 стиховъ. — Если все это раздѣлишь на 210 дней и между 34 актерами того театра, по каждому доспанещ-

*) Изъ разныхъ новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ.

ся въ день выучишь только спиха.—*Journal de Paris.*

Одинъ Бреславскій башмачникъ сдѣлалъ пару башмаковъ съ шестью крѣпкими подошвами: шрема мепаллическими, двумя кожаными и одною пробочною. — Въ такихъ башмакахъ какойнибудь неупомимый пѣшеходъ можетъ обойти три раза вокругъ всего свѣта, и не износишь всѣхъ подошвъ. *Corsaire.*

Извѣстно, что Филиппъ II, Король Испанскій, спрашно любилъ живопись, занимался самъ ею съ успѣхомъ и ежедневно по одному часу посвящалъ сему искусству. — Однажды былъ предсавленъ ему славный живописецъ Моралесъ.—“Вы довольно усшарѣли!”, сказалъ ему Король. — Точно шакъ, Ваше Величество, и пришомъ нахожусь въ крайней бѣднѣости.—Король шакъ былъ пронупъ его положеніемъ, что шощасъ назначилъ ему ежегодно по 200 червонцевъ *на обѣдъ*.—А что же, Ваше Величество, пожалуете мнѣ *на ужинъ*? сказалъ Моралесъ.—Удивленный шоль смѣлымъ вопросомъ Король улыбнулся, и назначилъ Моралесу еще по 200 червонцевъ въ годъ на *ужинъ*. *Der Gesellschaftler.*

Парижъ. Если молодой и холостой человекъ не дѣлаешь вечеринокъ для друзей своихъ, шо на эшо не обращають вниманія

въ большомъ свѣшѣ; но если ему за 40 лѣшъ, но онъ долженъ непременно, кромѣ завпраковъ для прияшелей, дѣлать вечеринки для дамъ. Такой вечеръ стоишъ обыкновенно 500 франковъ, а именно:

400	полпорцій мороженаго у Торшони, по			
	50 санп.	200	франк.	
30	дюжинъ пирожковъ (у Феликса)			
	по 2 франка	60	— — —	
8	шоршевъ, по 6 франковъ	48	— — —	
10	фуншовъ конфекшъ.	60	— — —	
10	стакановъ пуншу, по 4 фран.	40	— — —	
12	фуншовъ прозрачныхъ восковыхъ			
	свѣчь	48	— — —	
5	бушылокъ сиропу	20	— — —	
3	мъ лакеямъ за вечеръ, по 3 фран.	9	— — —	
12	колодь каршъ по 75 санп:	9	— — —	
	На непредвидѣнные расходы.	6	— — —	

Всего 500 франковъ.

Journal des modes de Paris.

Докшоръ Д. представилъ однажды на балъ Графинъ Б, у которой собиралось лучшее Парижское общество, одного изъ друзей своихъ, молодого человека, извѣснаго своими шаланшами въ ученое свѣшѣ.—Спусти вѣсколько дней эпошъ Докшоръ сдѣлалъ по обыкновенію визитъ Графинъ, и между прочимъ началъ хвалить молодого своего прияшеля. — “Соглашаюсь съ вами, ошвѣчала Графиня; но вы никогда меня не

увѣрише, что эшошь молодой человекъ ученъ, имѣеть отличные таланты и пишеть прекрасные стихи., — Почему же, Графиня? Чемъ вы эшо оспорише?—“Вошь доказашельсхва: можешъ ли человекъ съ талантами сбихся съ шакшы въ констръ-дансѣ и смѣшашъ всѣ фигуры? И пришомъ гдѣ вы видали, чшобъ молодые люди являлись на балѣ во фракахъ кирпичнаго цвѣша и въ зеленыхъ перчаткахъ?.,—Ваши замѣчанія очень справедливы; но онѣ похожи немного на шо, что однажды сказано было на счетъ славнаго Юма. Онѣ ужиналъ какъ-то у Президента Геноля, кошорый пригласилъ къ себѣ въ шошь вечеръ отличное общество, чшобъ доставишь ему удовольствіе бесѣдою эшого знаменитаго мужа. Самъ Президентъ занемогъ и не участвоваль въ собраніи. На другой день Геноль спросилъ у своего мепрдомеля: что, Лабрансъ, понравился ли Юму нашъ ужинъ?—“Вы, Г. Президентъ, изволили сказашь мнѣ, что Юмъ очень умный человекъ; но осмѣливаюсь не вѣришь эшому: онѣ клалъ въ ротъ аршишки концомъ своего ножа и солилъ всякое блюдо; какой же эшо умникъ?.,

Эшошь анекдошь, говоряшь, не подѣисповаль на ничшожныя сужденія Графини Б**, она осшалась при нихъ и перемѣнила шолько докшора. *Petit Courrier des dames.*

Фламандка Кашерина Весппортъ вѣжешъ чулки шакъ проворно; что въ день можешъ срабошашъ 34 пары. Командиръ одного кавалерійскаго полка предложилъ Кашеринѣ Весппортъ принять на себя званіе главной полковой вязальщицы; но она, говоряшъ, отказалась опъ эшой чести. *Corsaire*.

Одинъ замѣчашель Европейскихъ великановъ изчислиль, что въ Прусской Гвардіи естъ Тамбуръ-мажоръ вышиною: въ 6 фушъ, 11 дюймовъ; въ Шведской: 6 фушъ, 9 дюймовъ; Тамбуръ-мажоръ Венгерской Гвардіи вышиною 9 фушъ и 3 дюйма (но не безъ кивера). *Corsaire*.

Прусскій и Австрійскій Офицеры обѣдали въ одной гостинницѣ. Между прочими кушаньями, поставили имъ цѣлое блюдо раковъ, изъ которыхъ крупные случайно лежали къ сторонѣ Австрійца. Прусакъ, замѣшивъ такое невыгодное для себя положеніе блюда, началъ рассказывать Австрійцу, что въ Пруссіи теперь идешъ перемѣна за перемѣной. “Да, да, любезный поварищъ, у насъ все поставили на новый ладъ!”, Причемъ онъ въ жару разговора, какъ будто ненарочно, повернулъ къ себѣ ту сторону блюда, гдѣ лежали крупные раки. Австрійецъ, замѣшивъ хитросль Пруссака, отвѣчалъ ему съ улыбкою: “а у насъ шакъ совсемъ

другое: мы не любимъ новосшей, и все идешь пошарому!,, — При сихъ словахъ, какъ бы безъ умысла, онъ повернулъ блюдо шакъ, что крупные раки оспались попрежнему на его споронъ. — *Abendzeitung*.

Гжа Жанлись въ своихъ запискахъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ о Глукъ. Сей великій компонистъ имѣлъ опличный даръ въ изобрѣненіи; въ мѣстахъ папешическихъ особенно умѣлъ онъ изображать звуками инспрументовъ шо, что душа испинно должна чувсшвовашъ, хошя бы слова въ шекспѣ были вовсе прошивнаго значенія. Напримѣръ: въ *Ифигеніи въ Тавридѣ*, Ореспъ, по умерщвленіи своей машери, упадаешъ въ обморокъ, и наконецъ, собравшись съ силами, поешъ: *теперь въ душѣ моей спокойствіе вселилось*. Но Глукъ акомпанименту сей ари далъ шакое неспокойное движеніе, споль рѣзкіе аккорды, что они почно изображали спрашшя угрозы совѣспи. — На первой пробѣ сей Оперы музыканшы замѣшили Глуку, что акомпаниментъ совсемъ не подходитъ къ словамъ шекспя, гдѣ именно сказано: *теперь въ душѣ моей спокойствіе вселилось*. “Ореспъ лжешъ, возразилъ съ живосшію Глукъ: ~~онъ~~ убилъ машь свою!!!,, — *Abendzeitung*.

Недавно умерла лгавая собака, принадлежавшая Докшору Франклину, кошорая со-

держалась на счетъ Нью-Йоркскаго градскаго общества. Многія особы завѣщали этому живошному значительныя суммы, и она при смерти своей была обладательницею 50.000 долларовъ. — *Corsaire*.

Въ Парижскомъ Театрѣ Фейдо въ шеченіи 1824 года сыграно было 97 новыхъ піесъ — сборъ цѣлаго года простирается до 1.030.000 франковъ, и шамъ 200.000 превосходилъ сборъ предыдущаго года.—Акшеры съ опличными шаланшами награждающся въ Парижѣ весьма щедро, напримѣръ: Тальма получаетъ въ годъ жалованья 70000 франковъ; сверхъ шого, въ шеченіи двухъ мѣсяцовъ, можешъ ѣздишь по разнымъ провинціямъ и давашь шамъ въ свою пользу представленія. *Journal des modes*.

Одинъ изъ лучшихъ кофейныхъ домовъ въ Парижѣ естъ конечно *Caffé de la Paix*, гдѣ каждый вечеръ собираешся ошъ двухъ до шрехъ шысячъ народа различныхъ сосшій; въ 6 часовъ вечера играешъ музыка, пришомъ всякой день бывающъ шамъ спектакли. Зришели ничего за входъ не плашашъ; но *Caffé de la Paix* не оспаешся въ накладъ: ибо Французы великіе лакомки и содержапель получаетъ ошъ шого хорошій доходъ. Въ залѣ, назначенной для спектаклей, нѣшъ ни ложъ, ни паршера; но разшавлено множешво круглыхъ шшли-

ковъ, гдѣ посѣщивше и цыбунъ; ѣдятъ и смотрятъ между пемъ Водевили. *Leipziger Modenzeitung.*

Одинъ молодой человекъ приглашенъ былъ на балъ въ Palais (предмѣстье Парижа). Нѣкто изъ его знакомыхъ общалъ ему рекомендовать его хозяйкѣ дома; но покакому-то случаю не могъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхать.—Молодой человекъ одинъ отправляясь на балъ, приѣзжаетъ къ означенному дому, видишь въ нижнемъ этажѣ большое освѣщеніе, входишь, танцуешь съ одною, другою дамою, ангажируешь на галопъ прешью, и наконецъ спрашиваетъ танцующую съ нимъ даму: “позвольте узнать, сударыня, кто здѣсь хозяйка дома, которая даетъ споль великолѣпный балъ?,”—Я сама къ вашимъ услугамъ..вамъ ещо кажется удивительно? — “Мнѣ сказали, что Гжа Д. въ лѣпахъ; но вы такъ молоды, прелестны!,”—Гжа Д. живетъ здѣсь на верху—“Ахъ, mille pardons, madame, освѣчаетъ зефирный посѣщивель, и отправляется во вшорый этажъ; тамъ происходитъ съ нимъ така-яжъ сцена, и наконецъ уже въ прешьемъ этажѣ находишь онъ пожилую Гжу Д., къ кошорой былъ приглашенъ. — Ишакъ въ прехъ эшажахъ одного дома и въ одно время было при бала.—*Journal des modes.*